Мелькумов

МАТЕРИАЛЫ РЕВОЛЮЦ ДВИЖЕНИЯ В Туркмении 1904-1919

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
П 6 2 5
М 4/20

Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской Коммунистической Партии (большевиков).
ИСТПАРТ
Центрального Комитета Коммунистической Партии Туркестана.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Андроник **Мелькумов.**

МАТЕРИАЛЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРКМЕНИИ

1904—1919 г.г.

С предисловием т. И. Варейкиса.

Под редакцией т. Е. Федорова.

МУЗЕЙ и АРХИВ
ИСТПАРТА
Ц. К. К. П. Т.
Фонд
Муз. Лит.
Инв. №
№ 1.
1925 год.

Ташкент
1924 г.

Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской Коммунистической Партии (большевиков).
ИСТПАРТ
Центрального Комитета Коммунистической Партии Туркестана.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Андроник МЕЛЬКУМОВ.

МАТЕРИАЛЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРКМЕНИИ

1904—1919 г.г.

С предисловием т. Варейкиса.

1 экз

Главл. № 184. Типография ГПУТ зак. № 1451—24 г. Тираж 1500 экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
1008

К.
П
1986

ГК545
М421 Р
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
~~Отд~~ 26 ~~119252~~
~~СФ~~
~~6823~~ 119252
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд

Павшим героям и первым проводникам идей коммунизма на Востоке посвящаю мою работу.

А. Мелькумов.

МУЗЕЙ и АРХИВ
ИСТПАРТА
Ц. К. К. П. Т.
Фонд
Муз. Лит.
Инв. №
№

Оглавление.

Стр.

1. Предисловие тов. И. Варейкиса I
2. От Истпарта V
3. Глава I—1904 год 3
4. Глава II—1905 год 9
„ —В армии 23
5. Глава III—1906 год 49
„ —Участие рабочих в волнениях 66
6. Глава IV—1907—1917 г.г. 81
7. Глава V—От Февральской до Октябрьской революции . 93
8. Глава VI—От Октябрьской революции до белогвардейского переворота 100
„ —Чарджуй 120
9. Глава VII—Приезд тов. Полторацкого и его расстрел . 127
10. Глава VIII—В стане белых 136
„ „ —Участие англичан 138
„ „ —Жизнь и деятельность асхабадской подпольной организации РСДРП (б) 153
„ „ —К характеристике деятельности белогвардейского правительства 165
„ „ Последние дни закаспийского правительства . 173
11. Глава IX—Боевые действия на закаспийском фронте с момента возникновения по день его ликвидации 177

Предисловие.

Материалы, собранные тов. А. Мелькумовым, о революционном движении в Туркмении представляют собой несомненно ценнейший вклад в изучении предреволюционной борьбы и революции в национальных, далеких окраинах, бывших колониях и полуколониях империи русских царей, а ныне свободных советских республик, составляющих в советском союзе (СССР) единую братскую семью равноправных, свободных народов. Этим значением покрываются некоторые недочеты, допущенные тов. Мелькумовым, с технической стороны и со стороны изложения, тем более это „прегрешение" простительно автору потому, что он впервые вооружился пером историка, будучи одновременно перегружен повседневными партийными обязанностями.

Почин достоен поощрения.

* * *

Ленин дал гениальную формулу—сочетания пролетарской революции Запада, т. е. революции социалистической, с революциями Востока, т. е. с революциями национально освободительного характера, в полосу которых исторически вступили колонии. Война (1914—1918 г.г.) и вся послевоенная, так называемая, „послеверсальская эпоха", доказали неизбежность двух исторических явлений: пролетарской революции на Западе и национально-освободительных революций на Востоке в полуколониальных (типа Турции, Китая) и колониальных (типа Индии, Египта) странах. Война доказала воочию как то, так и другое—неизбежность крушений капиталистической общественной системы. непредотвратимость крушения колониального господства империализма, распад и отпад колоний и неизбежность внутреннего взрыва в колониях (наступление национально-освободительной революции в колониях). На первый взгляд революция пролетарская в Европе и революция национально-освободительная в колониях и полуколониях, кажутся, как две совершенно различные вещи, однако, на самом деле, это далеко не так. Разумеется, пролетарская революция, своим сущест-

вом, отличается от революции колониально-освободительной, как скажем отличается одна историческая эпоха от другой, ибо по своему внутреннему существу, по тем целям, какие ставят перед собой классы, движущие этими революциями, они есть детища ***различных эпох,*** *различных исторических* ***идеалов,*** *различных классов. В первом случае—передовой, промышленный пролетариат, формируемый высшим развитием капитализма, стремится к коммунизму, во втором—угнетенные рабы, преимущественно крестьяне, зверски эксплоатируемые— стремятся к освобождению от империалистического порабощения и национального угнетения. Марксист, постоянно обязан помнить лежащую здесь разницу.*

Забвенье этого было не менее опасным, как скажем, и непонимание обратного— ***непонимание того общего, что исторически связывает пролетарское революционное движение с революционным движением*** *в колониях*

Между тем, как я уже указал выше, при всех кажущихся и действительно существующих противоречиях—интересы и судьбы пролетарской революции на Западе тесно, неразрывно связаны с революциями в колониях.

Ленин это понял первый. Он дал в ряде своих речей и статей глубокое теоретическое обоснование, показал международному пролетариату всю историческую неизбежность ***революционной*** *совместной борьбы.*

Ленин сам стал— ***символом союза*** *европейского пролетариата с угнетенными трудящимися Востока. Он стал им потому, что его лозунги о союзе пролетарского Запада с угнетенным Востоком были подхвачены миллионами на Востоке. В скорбные, никогда незабвенные дни смерти Ленина, миллионы угнетенных Востока погружались в величайшую скорбь и траур. Угнетенные народы колоний стояли с обнаженными головами у могилы Ленина. Сколько их было. Кто может пересчитать, кто может взвесить тяжесть их скорби. Если бы собрать все шапки, которые обнажали в тот день их головы, из них вероятно сложилась бы самая большая в мире гора.*

Ленин, олицетворявший в своем лице вождя октябрьской революции, для Востока олицетворял собой все освободительные социальные идеалы этой революции. Он для них был и

остается знаменем освобождения, торжества, равенства. Угнетенный Восток видит, как бывшие рабы царей—узбеки, туркмены, киргизы, азербейджанцы, грузины, армяне, украинцы, белоруссы, евреи ныне являются равноправными нациями, идущими в общей шеренге к коммунизму. Русская революция дала величайшие, неоценимые примеры освобождения. Международный пролетариат прошел ***школу показательных примеров.*** *Однако, этого отнюдь не достаточно. Опыты революционной борьбы за последние годы изобилуют многочисленными примерами о тех громадных трудностях, какие лежат на пути революции. Классовая борьба оказалась* ***сложнейшей классовой войной,*** *в которой политическая тактика коммунистической партии, ее боевая классовая стратегия играет и будет играть решающее значение. Это еще в большей степени подтверждает те выводы, которые я намерен сделать в конце этого краткого предисловия—выводы эти следующие: надобно в десять раз больше уделить внимание изучению национальных революций, надобно каждый революционный участок (бывш. колониальных окраин) внимательно изучить. Партия и Коминтерн должны в обобщении этого революционного опыта постигнуть в совершенстве тактическую науку. Мы были очень часто свидетелями полнейшего непонимания национальной политики даже в рядах большевиков, которые прошли по национальному вопросу школу* ***ежевых*** *рукавиц Ленина. Можно себе представить, сколько ошибок будет допущено, скажем, компартией Франции или Англии, которые* ***сами*** *не прошли ленинской школы в национальном вопросе.*

V Конгресс Коминтерна вынес ряд важнейших решений по национальному и колониальному вопросу, он особенно резко подчеркнул необходимость более внимательного отношения к национальному и колониальному вопросам, тщательного марксистского, ленинского изучения.

Вступая в эпоху социалистической революции и освободительных национальных революций и войн—коммунистическая партия, вероятно, вынуждена будет еще не раз пересматривать, изменять и дополнять в некоторых частях свою тактику, тем более партия должна быть подкованной, тем тщательнее она должна проверять пройденный путь, тем чаще она должна заглядывать в зеркало истории.

Тов. Мелькумов взял на себя скромную частичку нашей задачи, он собрал материалы по Туркменской области; это интереснейший участок, где сохранились еще родовые национальные переплетения, где эти переплетения усложняются родовыми и племенными отношениями. С этой стороны его книга достигает своей цели.

И. Варейкис.

Москва, 8 июля 1924 г.

От Истпарта.

Работа тов. **А. Мелькумова** имеет несомненное значение для выяснения революционного движения в Асхабаде и, вместе с тем, во всем Туркестане. Два города—Ташкент и Асхабад были центрами революционного движения и социал-демократической работы в 1905 г. в Туркестане. В эпоху февральской и октябрьской революций при доминирующем значении гор. Ташкента, Асхабад также сохранял свое революционное значение, пока его не покинули войска при демобилизации.

Эс-эровское влияние укрепилось в Асхабаде со второй половины 1906 г.

В период перед войной и во время войны, видимо, никакой революционной работы в Асхабаде не было. Несмотря на это, эс-эры с февраля 1917 г. возродились в полной мере. Лишь немногие рабочие сочувствовали большевикам. Главной опорой Советской власти были солдатские массы. Демобилизация позволила эс-эрам захватить власть и они, под руководством международного провокатора новой формации Дружкина, попали на службу непосредственно к англичанам. Выяснение революционной роли г. Асхабада, его контр-революционной роли в эпоху хозяйничания англичан и эс-эров и посвящена работа тов. Мелькумова.

Далеко, конечно, не полны материалы, собранные тов. Мелькумовым, но автор не задавался целью дать историю революционного движения. Освещение событий революции 1905 г. в сильной степени определилось материалами, которыми пользовался автор, т. е. перепиской канцелярии генерал-губернатора. При этом, естественно, не могла быть выяснена роль партий полностью.

Роль с.-д. в революцию 1905 г. несколько выяснена воспоминаниями т.т. Лукьянова и Токайшвили (см. „Коммунист“ ежемесячник ЦК КПТ № 7—8 за 1922 г., работа С. Д. Муравейского). Тов. Мелькумов дает новые материалы. Надеемся, что работа тов. Мелькумова побудит участников революционного движения 1905 г. в Асхабаде поделиться своими воспоминаниями с Истпартом.

В освещении событий февральской, октябрьской революции и хозяйничания англичан и эс-эров тов. Мелькумов пользовался живым языком участников, частично письменными и личными воспоминаниями.

Работа тов. Мелькумова в большей части своей дает очень важные материалы. Укажем в частности на документы, касающиеся „подвигов“ ген. Прасолова и военных восстаний в эпоху революции

пятого года, на материалы о работе подпольной группы большевиков в Асхабаде, о расстреле 9-ти асхабадских комиссаров и друг.

Тов. Мелькумов—рабочий металлист, партийный работник с 1917 г., не имеет подготовки, необходимой для литературной работы. Это об'ясняет некоторую тяжеловатость стиля и другие недостатки его работы. При спешке издания, Истпарту удалось помочь тов. Мелькумову сравнительно немного.

Зав. Истпарт. отдел. **Е. Федоров.**

Глава I.

1904 год*).

Существовали ли какие нибудь революционные организации или группы в Закаспийской области до 1904 года, об этом никаких**) сведений нет. За период до 1904 года встречаются только некоторые оффициальные документы, содержащие те или иные указания административного характера по отношению к некоторым политическим ссыльным, проживающим в Закаспии, но о политической деятельности этих ссыльных совершенно ничего не говорится.

Первый документ, свидетельствующий о существовании определенной революционной группы в Закаспийской области, относится к 26 сентября 1904 года. Это секретное донесение начальника жандармского полицейского управления Ср.-Аз. ж. д. генерала Малыхина туркестанскому генерал-губернатору о прокламациях, разбрасываемых в гор. Асхабаде. Содержание этого донесения следующее: „В ночь с 24 на 25 сентября по многим улицам Асхабада, на дверях отдела управления Ср.-Аз. ж. д., на воротах гор. сада, на окнах мужской и женской гимназий и на двери штаба 2-го туркестанского корпуса были разбросаны и расклеены в большом числе, пока неизвестно кем, противоправительственные прокламации от „асхабадского комитета соц. рев.“, образец которых при сем представляю.

„Донося вышеизложенное, присовокупляю, что к обнаружению виновных уже имеются некоторые указания, полученные мною агентурным путем, но требующие строгой проверки, о результатах которой буду иметь честь донести“.

Следует подпись генерал-майора Малыхина.

И так, самая первая революционная организация, создавшаяся в Закаспийской области—это группа социалистов революционеров. Первая прокламация, о которой доносил Малыхин генерал-губернатору, является, так сказать, программным выступлением только что приступившей к работе асхабадской группы с.-р. Содержание этой прокламации, изготовленной при помощи гектографа, следующее:

„Ко всем жителям Асхабада“!

„После долгих трудов и сборов нам удалось, наконец, организоваться по образцу других организаций, действующих ныне повсюду в России. С сегодняшнего дня будем и мы вносить нашу лепту маленькую в великую революционную работу, кипящую во всех уголках обширного русского государства. По мере наших сил и мы будем содействовать ближайшей цели всех революционеров—низвержению самодержавия, такого самодержавия, которое ныне безумно тратит народные средства и жизнь на никому не нужную войну. Мы живем в стране, где нет свободы печати, где все газеты и журналы подкуплены или запуганы и потому не могут или не хотят исполнять великую задачу честной прессы: служить истине, бивечать зло.

---

*) Составлен по материалам Турк. Центр. Отдела Всероссийского Архивного Управления—*Л. М.*

**) Воспоминания т. Токайшвили устанавливают возникновение асхабадской организации р. с.-д. р. п. с начала 1902 г. См. „Коммунист“ 1922 г. № 7—8 Истпарт.

Вот почему мы должны вспомнить недостаток свободной прессы. В выпущенных нами периодических бюллетенях, листовках и брошюрах мы будем сообщать публике события внутренней жизни России, освещать и об'яснять все действия и распоряжения самодержавного правительства, регулировать число его жертв и освещать все поступки здешних слуг самодержавия, всего здешнего чиновничества и военного элемента, от низов до верхушек. Ни одно более важное событие в России, как и в здешнем крае, не будет отныне скрыто от жителей Асхабада. По возможности все распоряжения „начальства"—тайные и явные—будут опубликованы и критикуемы нами.

„Для шпионов же и других „верных" слуг монархии, потерявших стыд и совесть, так как на них слово вразумления не действует, мы найдем и другие средства покрепче, посильнее. В единении с другими революционными организациями мы найдем достойную для этого силу.

„Опубликовывая мерзости церских прихвостней в Асхабаде, мы будем давать им самую широкую огласку, сообщая о них в заграничную революционную прессу, для сведения всех русских и всего человечества.

„Нам, социалистам, одинаково дороги интересы трудящихся классов всех народов. Мы будем протестовать и противодействовать притеснению и русских, и армян, и грузин, и текинцев, и персов и т. п. Всем притесненным, без различия их национальностей и вероисповедания, мы будем, по мере возможности, помогать словом и делом. Но особенно нам дороги интересы трудящегося рабочего класса, принужденного работать на богачей и капиталистов, отдавать последнее содержание на войну в виде налогов. Все время мы будем работать над развитием самосознания и просвещения несчастного пролетариата.

„Последний наш призыв ко всем врагам самодержавия.

„Воспряньте на борьбу, об'единитесь, бросьте розни и ссоры. В единении наша сила, в борьбе наша жизнь. Добром свобода не дается, полно хныкать и вздыхать; свобода, право на жизнь покупаются людским потом и кровью. Нечего сидеть сложа руки и философствовать. Надо бороться, бороться и еще бороться. Быть может, вы не согласны с нами в некоторых деталях, но у нас есть общий враг—самодержавие, отравляющее нашу жизнь, высасывающее нашу кровь. Его мы должны низвергнуть или сами пасть. Отложимте раздоры до гибели нашего страшнейшего врага. Погибнет самодержавие, тогда мы вздохнем свободно, вы пойдете своей дорогой, мы своей.

„Долои самодержавие!

„Да здравствует федеративная социалистическая республика!

„Асхабадский комитет социалистов-революционеров. 24 сентября 1904 года".

Прокламация по своему содержанию является своего рода образчиком сантиментальности и наивности доброго интеллигента, желающего „помочь" трудящимся. Автору совершенно чужда рабочая идеология. Здесь достаточно указать, хотя бы на такие места, как „будем работать над развитием самосознания и над просвещением несчастного пролетариата", „вы пойдете своей дорогой, а мы своей". Борцу из рядов пролетариата такие фразы вряд ли когда нибудь приходят в голову. Между прочим, в прокламации упоминается довольно таки туманно о раздорах, к прекращению которых прокламация призывает. О каких раздорах идет речь, этого установить по материалам никак

не удалось. Имеет ли прокламация в виду раздоры между с.-р. и беспартийными рабочими, или автор слыхал о тех спорах, которые тогда велись между социалистами-революционерами и соц.-дем. в России (в Асхабаде тогда организации соц.-дем. еще не было) это остается не выясненным.

После этой первой прокламации гектографированные прокламации соц.-рев. весьма регулярно выпускаются и распространяются с 1-го октября—„к рабочим", 8-го октября—„учащимся"*), 14-го октября—„аграрное движение в России" и 27 ноября—„по поводу назначения министром внутренних дел князя Святополк-Мирского.

Каждый раз, когда появляется прокламация, Малыхин сообщает об этом генерал-губернатору. 26 октября туркестанский генерал-губернатор Н. Н. Тевьяшев отправляет секретное, лично адресованное, письмо начальнику Закаспийской области Е. Е. Усаковскому.

Милостивый Государь,
Евгений Евгеньевич!

„Из донесений начальника жандармского управления Ср.-Аз. ж. д. генерал-майора Малыхина я узнал, что в Асхабаде за последнее время все чаще и чаще наблюдаются случаи разбрасывания по городу противоправительственных прокламаций, причем виновные в этом до сих пор не были обнаружены.

„Не получив об этом ни разу донесений местной администрации, прошу ваше превосходительство уведомить меня, какие меры приняты были вами к розыску виновных в составлении и распространении прокламаций.

„Но, независимо от этого, прошу вас предписать местной полиции проявить более активную деятельность к обнаружению преступных личностей, что, повидимому, не должно представить серьезных затруднений в таком небольшом городе, как Асхабад, если чины полиции отнесутся к своим обязанностям с должной энергией.

„Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности, Н. Тевьяшев".

После получения Усаковским этого письма следовало приказание пом. нач. области асхабадскому полицмейстеру дать об'яснение, в каком положении находится дело по обнаружению распространителей прокламаций.

3-го ноября полицмейстер гор. Асхабада представляет подробный доклад на имя нач. области. В этом докладе говорится: „Полицией тотчас-же были приняты следующие моры к обнаружению виновных: 1) в некоторых местах города расставлены переодетые агенты полиции; 2) усилен негласный надзор за лицами политически неблагонадежными; 3) испрошены и отпущены денежные средства на секретные надобности, и 4) приняты тайные агенты для розысков.

25-го сентября, в присутствии и. д. прокурора Асхабадского Окружного Суда Ф. Н. Слива, был произведен осмотр четырех экзем-

---

*) Эта прокламация направлена против директора местной гимназии Дейнеко. В ней, между прочим, учащимся говорится: «С юных лет в васвселяют человеконенавистничество, ибо, что же лучше может вселить ваш почтенный господин Дейнеко, который утверждает. что кишеневский погром 6-го апреля 1903 года следовало бы повторить еще раз... Из ваших же товарищей набирают шпионов над вами, которые пользуются за свои презренные услуги различными услугами. Дети мещан, крестьян, рабочих открыто зовутся «элементом», не подходящим для гимназии и мешающим другим». Их, несчастных, не пзволят освободить от непосильной платы за правоучения, а освобождают от нее сыновей и дочерей военных чиновников и других верных слуг царя и отечества».

пляров прокламации, при чем оказалось: (описывается, каким способом прокламация изготовлена, на какой бумаге, какой формы бумага и проч. (А. М).

„28-го сентября мною было получено по городской почте анонимное письмо с приложением полулиста бумаги, исписанной на армянском языке. Принимая во внимание, что письмо это, а равно и исписанный на армянском языке полулист, по внешнему виду и бумаге похожи на осмотренную 29 сентября прокламацию, могут иметь для настоящего дознания значение, мною, в присутствии прокурора окружного суда Слива и понятых произведен осмотр письма, при чем оказалось: письмо, написанное на листе обыкновенной почтовой бумаги, черными чернилами, на русском языке, с грубыми грамматическими и стилистическими ошибками, имеет своим содержанием донос на проживающего в доме Мальвастого приказчика магазина Мусаилова Аветиса Татевостьянца, что он и разбрасывал по гор. Асхабаду противоправительственные воззвания от 24 сентября на русском языке, а 26-го сентября будет разбрасывать такие же на армянском языке. Один экземпляр такового был приложен при письме, и что означенный Татевосьянц имеет при себе еще 250 экз. таких прокламаций, и кроме того, сообщение, что лица, занимающиеся противоправительственной пропагандой, производят собрания на углу Анненковской и Боголюбовской ул., в квартире приказчика Тер-Оганесова".

„Перевод прокламации с армянского языка производил частный поверенный Н. И. Шахназаров, при чем оказалось, что на армянском языке изложена прокламация совершенно тождественная содержанием с прокламацией на русском языке. Переводчик пришел к заключению, что прокламация писана на чистом литературном армянском языке и представляет с бою оригинал, а сравниваемая с нею прокламация на русском языке перевод. Принимая во внимание указанное в анонимном письме на Аветиса Петросьянца и приказчиков магазина Тер-Оганесова, Саркисьянца и Восканянца, как на распространителей прокламаций, мною того же 29 сентября с и. д. прокурора Асхабадского Окружного Суда Ф. И. Слива, было приступлено к обыску их квартир, причем вичего подозрительного и преступного обнаружено не было.

„29-го же сентября нач. жандармского полицейского управления генерал-майор Малыхин предложил жандармскому ротмистру Ольшевскому произвести в квартире наборщика типографии газеты „Асхабад" Сергея Михайлова, в порядке охраны, самый строгий и подробный обыск, в виду имеющихся данных (полученных агентурным путем указания—А. М.) подозревать Михайлова в изготовлении и, независимо от распространения этих прокламаций и независимо от результатов обыска Михайлова арестовать. Обыск был произведен в присутствии полицейского надзирателя Алексеева; подозрительного обнаружено не было. Михайлов был арестован жандармским управлением в порядке охраны.

„6-го октября, по распоряжению генерала-майора Малыхина Михайлов был освобожден и дознание о нем препровождено мне через прокурора, для дальнейшего производства дознания".

„Ввиду указания в анонимном письме, как на лицо причастное к распространению прокламаций, на содержащегося в тюрьме по постановлению Мервского отделения жандармского управления бывшего приказчика Хачатура Каспарьянца, мною 20-го октября тотчас по освобождении из тюрьмы, Каспарьянц был допрошен, при чем по-

казал: Воспитывался он в тифлисской армянской семинарии, курса не окончил, по выходе вел переписку с двумя своими товарищами и по двухсмысленным словам этой переписки заподозрен в соучастии с ними в политическом преступлении. До ареста служил полгода приказчиком у Асхабадского купца Гюль-Назарова, политикой не интересовался. Врагов и близких знакомых в Асхабаде не имел и почерк предъявленного анонимного ему письма совершенно не известен. Каспарьянц содержался в тюрьме с 7-го декабря 1903 года по 20 октября с. г.

„При допросе Аветиса Татевосьянца, у которого был произведен обыск, показал; состою приказчиком 11 лет по мануфактурной торговле, в политических делах ничего не понимаю. Почерк анонимного письма, по сходству некоторых букв, признает за почерк служащего вместе с ним приказчика Богдасарова, который ему враг по той причине, что Татевосьянц однажды заметил, как Бегляров продал одной барыне 15 арш. материи, а показал 5 аршин; другой раз завернул покупку для азиатских портных, и в кассу дал чек на 3 рубля, когда же Татевосьянц развернул сверток и сосчитал покупку, то там оказалось на 20 р. слишним. Хозяин магазина был тогда в Москве и Бегляров боялся, что он Татевосьянц, расскажет ему по приезде и старался всячески делать Татевосьянцу неприятности и проч".

„Из приведенных выше показаний, обысков и опросов лиц выяснилось, что анонимные письма написаны по личной злобе к лицам, указанным в них. (Следует перечень всех разбросанных прокламаций)

„Прокламация от 8-го октября имеет местный характер, в ней фигурирует, главным образом, оценка деятельности инспектора местной гимназии г. Дейнеке (1 экз. был прислан к нему с припиской: „мерзавец"). Первый раз 24-го сентября прокламации были раскинуты по улицам во многих местах города, что тотчас же вызвало распоряжение зорко следить за распространителями. Результатом этой меры явилось то, что последние прокламации на улицах не разбрасывались, а их клали в почтовые ящики, в ящики для газет и бросали в ночное время через заборы, в щели ворот, во внутрь дворов, в весьма ограниченном количестве".

В виду того, что при таком способе распространения всегда является возможность сделать это незаметно для лиц наблюдающих с улицы, в последнее время поставлены у почтовых ящиков секретные агенты полиции для наблюдения.

„По полученным негласным сведениям, мною намечен ряд лиц политически неблагонадежных, за коими установлено самое тщательное негласное наблюдение, которое в скором времени должно обнаружить их преступную деятельность.

И. д. полицмейстера штабс-капитан (подпись не разборчива)".

7-го ноября Усаковский отправляет Тевьяшеву письмо, в котором почти дословно излагает содержание приведенного выше доклада полицмейстера, в конце от себя присовокупляя следующее: „Смею думать, что в данном деле полиция сделала все возможное и если ей не удалось открыть до сих пор виновников распространения прокламаций, то это потому, что она состоит из лиц, вообще неподготовленных к секретным политическим розыскам и незнающих необходимых в этом деле примеров, а сверх того поглощена исполнениями многосложных текущих обязанностей".

„Полагаю, что везде, где полицейские розыски приходится по необходимости возлагать на чинов общей полиции, особого успеха ждать нельзя, для этого требуется специальная организация".

Сохранился также черновик письма, в котором, между прочим, имеется такое место:

„ . . . разыскать среди чужого и испорченного разноплеменного населения города лиц, которые могли бы помочь полиции в сыскном деле, невозможно".

Одна из асхабадских прокламаций дошла даже до Петербурга, как это видно из письма Тевьяшева к Усаковскому от 17 ноября.

Милостивый государь,
Евгений Евгеньевич!

„Министерству Народного Просвещения, как сообщено мне письмом от 31-го минувшего октября за № 66, доставлен экз. прокламации, обращенной к учащимся от имени асхабадского комитета. В прокламации этой, между прочим, взводится обвинение на инспектора асхабадской гимназии Дейнеко, имеющее, очевидно, целью не только опозорить инспектора в глазах учащихся, но и прямо возбудить против него негодование. Имея сведения о высшей степени полезной службы г. Дейнеко, покорнейше прошу ваше превосходительство принять зависящие меры к ограждению его от возможных неприязненных действий, ввиду поступивших в Министерство Народного Просвещения сведений об угрозах, имевших уже место в отношении названного лица.

„Примите уверение в совершенном уважении и преданности Н. Тевьяшев".

На письме поставлена резолюция от 6-го декабря: „В. секретно. Распоряжение об охране сделано. Хранить в секретном столе". (Подпись не разборчива).

Вот какую волшебную силу заключали в себе эти маленькие, изготовленные при самой незавидной технике и распространяемые в нескольких стах экземплярах прокламации. Они в полном смысле слова всколыхнули и держали в тревоге всю „иерархию", начиная от самых низших полицейских чиновников и кончая самыми высшими генералами в Асхабаде, Ташкенте и даже в Петербурге.

Кроме изложенного, больше никаких материалов относительно революционного движения в Закаспийской области в 1904 году пока не имеется*). Несмотря на все старания, в течение последних месяцев 1904 года царским блюстителям порядка открыть виновников в распространении прокламаций все-таки не удалось. В этом деле счастье улыбалось им только с начала 1905 года.

---

*) Воспоминания т. Токайшвили внушают все же некоторое доверие к его памяти. Истпарт.

Глава II.

1905 г.*).

В первой половине января 1905 года асхабадским ревнителям порядка, с помощью провокации одного из распространителей, все-таки удалось арестовать изготовителя прокламаций. 10 января 1905 года Усаковский информированной телеграммой извещает генерал-губернатора о том, что того-же числа ночью задержан распространитель прокламаций, который указал составителей их, в том числе учителя асхабадской женской гимназии Стабровского. При обыске у последнего найдены оригиналы прокламаций. Виновные арестованы.

Об аресте Стабровского Малыхин 11 января отправляет генерал-губернатору следующее секретное донесение: „В ночь с 9-го на 10-е января, обыском, произведенным чинами асхабадской городской полиции, в присутствии тов. прокурора асхабадского окружного суда, в квартире учителя местной женской гимназии Людвига Стабровского, обнаружены все предметы для печатания преступных воззваний, вместе с изготовляемой в сотнях экземпляров новой прокламацией. Почерк, которым изготовлена для гектографа эта прокламация, как оказалось, женою Стабровского, совершенно схож с почерком прокламаций, разбросанных в Асхабаде в сентябре и октябре минувшего года, о коих было упомянуто в донесениях на них от 26 сентября, 3-го, 12 и 24 октября. Стабровский арестован, дознание производится**) ***).

Генерал-майор *Малыхин*".

Здесь необходимо отметить поведение администрации женской гимназии по случаю ареста Стабровского. 10 января, в тот же день, когда Стабровский был арестован, председатель педагогического совета женской гимназии Белоусов посылает начальнику области секретное отношение следующего содержания:

„Его превосходительству г. начальнику
Закаспийской области.

„Имею честь почтительнейше доложить вашему превосходительству, что преподаватель асхабадской женской гимназии Людвиг Стабровский, вследствие нахождения в его квартире прокламаций преступного содержания и орудий их изготовления, с сего числа отстранен мною от занимаемой должности.

Председатель педагогического совета *С. Белоусов*".

Дальше уже в мерзости и холопстве итти некуда. Руками таких мерзавцев и холопов „его превосходительства" тогда воспитывалась молодежь.

С арестом Стабровского, однако, распространение прокламаций в Асхабаде не прекращается. Уже 4-го февраля Малыхин доносит генерал-губернатору о следующем случае:

---

*) Составлен по материалам Турк центр. архивного управления.—*Л. М.*

**) О дальнейшей судьбе арестованного Стабровского см. в докладе барона Остен Дризена. (*Л. М.*)

***) Об аресте Стабровского см. воспоминания т. Токайшвили „Коммунист" за 1922 г. № 7—8. Истпарт.

„2-го сего февраля командир 3-ей роты 1-го закаспийского железно-дорожного батальона доставил начальнику асхабадского отделения вверенного мне управления задержанного в роте татарина Юсуфа-Молла-Лятых Оглы с двумя преступными воззваниями, которые он пред'являл нижним чинам, вследствие чего мною начальнику названного отделения поручено произвести дознание в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд.

Генерал-майор *Малыхин*".

Социал-демократические организации в Закаспийской области появились позже. Первые сведения об их существовании мы имеем от начала мая 1905 г. Зарождалась эта организация в марте месяце 1905 г. в Кизил-Арвате, небольшом городке, который, со своими железно-дорожными мастерскими, является типичным в туркестанских условиях рабочим центром в Закаспийской области. Первыми деятелями с.-д. организации являлись не интеллигенты, а сами рабочие железно-дорожных мастерских. О первых шагах работы с.-д. группы в Кизил-Арвате нам рассказывает секретное письмо кизил-арватского начальника полиции от 2-го мая 1905 г. начальнику асхабадского уезда полковнику Куколь-Яснопольскому:

„Господин полковник!

„Начиная со страстной недели, здесь начали циркулировать слухи о забастовках, появились прокламации, которые я вам посылаю с этим письмом. (Прокламации эти—„Рабочий листок" № 2, воззвание ташкентской группы социал-демократической рабочей партии и воззвание Бакинского комитета с.-д. партии, к сожалению, в архиве не оказываются, почему и содержания их здесь не можем привести.—*А. М.*). Но праздники прошли довольно спокойно, никаких преступных происшествий не было. По собранным сведениям удалось узнать, что прокламации присылаются в письмах, а также были привезены из Ташкента и Баку. Вчера, 1-го мая, состоялась сходка. Собралось человек 150 200, между которыми было около 1/3 железнодорожных солдат. По собранным сведениям, на этой сходке участвовали две женщины, неизвестно откуда приехавшие. Собираться начали с часу дня и разошлись к вечеру. На сходке говорили речи противоправительственного характера, уговаривали солдат, чтобы они были с ними за одно. Большую часть составляли поляки и русская молодежь. При приближении полицейских толпа расходилась и разговоры прекращались. Вечером должен был состояться танцевальный вечер, но мастеровыми было заявлено, что вечера не нужно, „так как наши братья проливают кровь на Дальнем Востоке".

„Но ссор и драк не было.

„В общем носятся слухи, что хотят устроить какой-то бунт, сделав одновременно забастовку по линиям всех дорог. Большей частью в разговорах слышатся слова 3—6 мая. В виду малого штата я не могу принять никаких мер, так как толпа ведет себя корректно. Арестовать никого не могу, так как не имею никаких данных и также на это не имею права, а поэтому ограничиваюсь только наблюдениями. Прошу меня уведомить, как мне поступать, если вспыхнут беспорядки с насилием. Сообщить раньше я не мог, так как не имел более или менее положительных данных. Телеграфировать, это значит, чтобы всем было известно, так как нельзя быть уверенным ни в ком.

„Прошу уведомить меня в возможно скором времени, дабы я мог быть готовым и огражден от могущих пасть на меня обвинений. Мои просьбы о назначении жандармского офицера не были до сих пор приняты во внимание, и я лично являюсь бессильным и пассивным зрителем.

„Прошу принять уверение в искреннем почтении Вашего покорного слуги. Капитан *Соколов*".

К этому времени уже с.-д. группы или отдельные лица существуют не только в Кизил-Арвате, но также в остальных местностях Закаспия.

23-го мая начальник кушкинской крепостной жандармской команды, подполковник Гурт, доносит начальнику Закаспийской области о следующем:

„При розыске казенных краденых патронов, у жителя с. Туг-Шушинского г. И. М. Аванесова найдены 2 экземпляра прокламации социал-демократического общества от 9 марта с.т., №№ 9 и 10 1904 г. „Дрошака", революционного журнала на армянском языке; об этом мною сообщено было прокурору Асхабадского окружного суда, который предложил мне произвести в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. дознание по обвинению Аванесова по 2 п. 132 ст. угол. улож., по наблюдением товарища прокурора Козырева. Дознание мною произведено и представлено прокурору; обвиняемый отдан под особый надзор полиции в кр. Кушке. Департаменту полиции, начальнику жандармского полицейского управления Ср.-Аз. ж. д. и коменданту кр. Кушки мною донесено. Подполковник *Гурт*".

Отдельные прокламации доставлены также начальникам Красноводского и Мервского уездов.

Но главным образом центром социал-демократической пропаганды остается Кизил-Арват. Стачечное движение, в 1905 году охватившее рабочие центры всей России, и все революционные события среди кизил-арватских рабочих нашли самый живой отклик.

К концу августа волнения среди кизил-арватских рабочих принимали уже такие размеры, что начальник Закаспийской области, рапортом от 27 августа, обращается к генерал-губернатору о „командировании в Кизил-Арват одной из рот 6-й Туркестанской стрелковой бригады, под командой опытного капитана, так как Кизил-Арват, заключая в себе депо при 1000 чел. рабочих, является наиболее беспокойным пунктом во всей области".

Для выяснения положения в Закаспийской области вообще и в Кизил-Арвате, в особенности, генерал-губернатором Тевяшовым 5 сентября туда был командирован чиновник особых поручений барон Остен Дризен, который, повидимому, является одним из самых энергичных деятелей по части всевозможных вынюхиваний. 8 октября 1905 г. Остен Дризен представляет генерал-губернатору длинный и подробный секретный доклад, который мы здесь приводим целиком, так как это является одним из самых интересных документов, дающих, между прочим, самое наглядное представление о том, как царские чиновники издевались над требованиями рабочих.

„Его высокопревосходительству Туркестанскому генерал-губернатору.

Доклад младшего чиновника особых поручений барона Остен Дризен о поездке его в Закаспийскую область.

„В силу предписания вашего высокопревосходительства от 5-го сентября с. г. за № 291 о командировании меня в Закаспийскую область

для выяснения революционного там движения, я, по возвращении из означенной командировки, имею честь доложить нижеследующее:

„До осени 1904 года в г. Асхабаде ни о каких противоправительственных движениях слышно не было. Раскиданные осенью этого года по улицам города первые прокламации антиправительственного содержания были совершенной неожиданностью. Полиция заподозрела в этом проживающих в городе поднадзорных за совершенные раньше политические преступления, но тщательный надзор за лицами этой категории не привел ни к каким результатам. Стали следить за другими, по преимуществу, за недавно прибывшими в край интеллигентными лицами, пока в начале января сего года в изготовлении и распространении прокламаций не был изобличен учитель женской гимназии Л. Л. Стабровский, прибывший в гор. Асхабад на службу осенью 1904 года, почти одновременно с появлением первой прокламации. Проведенные Стабровским до его ареста в городе три месяца дали ему возможность сплотить около себя небольшой, из нескольких лиц, кружок, члены которого явились первыми агентами дальнейшего распространения антиправительственной пропаганды, преимущественно между учащейся молодежью старшего возраста. Наглядно это выразилось на студенческом вечере 29 мая с. г. в клубе О-ва Велосипедистов, на котором между прочими дозволенными песнями участниками пелись и социал-демократические песни, как, например, „Вставай, поднимайся рабочий народ“, „Дубинушка“ и говорились речи свободного направления.

„3-го июля Стабровский умер в арестантском отделении военного лазарета. В городе распространился, пущенный, очевидно. его клевретами, слух об отравлении Стабровского. Слух этот подействовал на молодежь импонирующе. Задачей полиции (по мнению областной администрации) стало спокойным и осторожным поведением не дать повода к озлоблению народной массы против властей и, вместе с тем, выяснить единомышленников Стабровского, кои на похоронах должны были так или иначе высказаться. Похороны собрали толпу до тысячи человек, большую часть которой составляли любопытствующие обыватели, в панике разбежавшиеся по домам, не дойдя еще до кладбища, когда около здания тюрьмы кем то из толпы был произведен выстрел из револьвера. Наблюдение за похоронами выяснило, что организаторы демонстративных похорон те же лица, которые выделялись на студенческом вечере. После похорон означенные лица были привлечены к ответственности, как виновники в антиправительственной манифестации, и ничем более своей деятельности не проявляли. Скомпрометированные лица, находясь под следствием и под опасением высылки из края, публично не обнаруживают своего антиправительственного направления, а тайной пропаганды в Асхабаде не замечается. Последние прокламации местной социал-демократической партии были отпечатаны в апреле с. г., хотя 3-го сентября в окрестностях города, а именно в лагере под Ак-Тепе, и были подброшены прокламации специально для войск, и место изготовления их еще не выяснено; но, по имеющимся у асхабадской полиции сведениям, они изготовлены в гор. Мерве. Лица, которые могут быть заподозрены в склонности к революционному движению, в Асхабаде, составляют не пришлый элемент, а принадлежат к семьям местных городских обывателей, состоящих здесь на службе (даже государственной) или приезжающих на каникулы. Находящийся зачастую без установленных паспортов элемент чернорабочих персидско-подданных, пришедших в Закаспийскую область из соседних погранич-

ных селений на заработки, будучи на низшей ступени развития и держась совершенно обособленно от всех других национальностей, никакого понятия о политическом движении не имеют, почему высылка из области этапом в Персию применяется только к лицам подозрительным, определенным трудом не занимающимся. Высылать же всех проживающих ныне в городах персов не представляется возможным, ибо таковые работают поденно на кирпичных заводах и городских постройках, которые останутся в этом случае без рабочих рук. Поверка паспортов, в особенности у армян, как наиболее вредного элемента, постоянно производится. События в Баку обеспокоили местных туземных обывателей армян и мусульман, вызвав опасения, чтобы подобные беспорядки не произошли в Асхабаде. В последнем фабричное население отсутствует и проживающие в городе армяне и мусульмане, занимаясь торговлей и ремеслами, имея лавки, дома и мастерские, при беспорядках от разгома имущества понесли бы убытки. Причина эта заставила, в целях предупреждения погрома и для поддержания порядка, обе эти национальности тесно сплотиться и выбрать из своей среды благонадежных и влиятельных людей, кои образовали функционирующий ныне в Асхабаде комитет умиротворения. Члены комитета внимательно прислушиваются к народным толкам, следят на вокзале за приездом подозрительных людей и входят с ходатайством об удалении таких лиц из среды своей национальности, поведение которых не внушает доверия.

„Таковы сведения, добытые мною путем оффициальных справок и, конечно, последние во многом расходятся с истиной. Революционное движение в Закаспийской области продолжается и сейчас, но, благодаря плохо организованной полиции и без надлежащего давления на последнюю со стороны высшей областной администрации, настоящие агитаторы этого движения до сих пор не могут быть обнаружены. Удачное изобличение Стабровского в приготовлении и распространении прокламаций дало полиции повод предположить, что дальнейшего революционного движения не будет, несмотря на то, что в бытность Стабровского в тюрьме, прокламации продолжали выпускаться, и тем самым доказывается существование тайной организации, действующей совершенно самостоятельно. По негласным сведениям, происхождение последних прокламаций, подброшенных в лагерь под Ак-Тепе, состоит в следующем: шрифт текста прокламаций носит название „эльзивир“. Подобный шрифт имеется в городе Асхабаде лишь в двух типографиях, а именно в типографии газеты „Закаспийское Обозрение“ и типографии газеты „Асхабад“. Разница лишь та, что в первой типографии шрифт старый, а в последней совершенно новый. При внимательном рассмотрении прокламации можно с уверенностью сказать, что она отпечатана новым шрифтом и некоторая расплывчатость букв об'ясняется печатанием ее не на машине, а на наборном станке, т. е. я делаю предположение, что помянутые прокламации фабриковались в типографии газеты „Асхабад“, а не в Мерве, как предполагает асхабадская полиция. С сожалением констатирую тот факт, что типографские работы производятся без всякого надзора со стороны чинов администрации,*) чем и об'ясняется правдоподобность моего предположения. Наконец, политическая неблагонадежность бывшего редактора газеты „Асхабад“ го-

*) За 16-ти летнее существование типографии газеты „Закаспийское Обозрение“ ни один чиновник не контролировал правильность производимых там работ по набору статей.

ворит за справедливость моего взгляда*). Позволю себе остановиться несколько дольше на выяснении деятельности бывшего редактора „Асхабад“ г. Любимского. Г. Любимский начал свою службу в акцизном ведомстве, откуда ушел по настоянию начальства (по слухам, за взяточничество) и перешел на службу в общество взаимного кредита, функционирующее в г. Асхабаде—сейчас он состоит на службе у торгового дома „Бр. Нобель“. Любимский, будучи одарен от природы хорошими способностями, за время своего редакторства мог бы принести обществу одну лишь пользу, тогда как, увлекшись вредным направлением некоторых столичных газет, в целом ряде газетных статей показал себя с самой неблагонадежной стороны, чем и заставил высшую власть в крае прекратить издание газеты „Асхабад“, как органа крайне опасного направления и вредно влияющего на массу. В своих статьях и частной жизни г. Любимский призывал рабочих к освободительному движению, обещая им во всем свою поддержку, тогда как в действительности бил лишь на дешевую популярность, которая несколько щекотала его мелкое самолюбие. К сожалению, не нашлось достаточных фактических оснований для привлечения г. Любимского к судебной ответственности или к административной высылке из области, тогда как мнение большинства склоняется не в его пользу, находя, что его деятельность влияет на рабочее население области развращающе. Установить какую либо связь г. Любимского с революционным кружком мне не удалось, хотя я слышал от рабочих кизил-арватских мастерских, что Любимский состоял с некоторыми из них в переписке по социал-демократическим вопросам.

„Революционное движение среди рабочих кизил-арватских мастерских началось с января т. г. и проявилось целым рядом забастовок, разбрасыванием прокламаций и, наконец, фабрикацией разрывных бомб. Последняя была обнаружена совершенно случайно, так как один из виновников в приготовлении бомб убит, а четверо ранены от разорвавшегося по их неосторожности снаряда. По настоящему делу ведется следствие, каковое до сих пор не закончено, но которое некоторым образом доказывает существование сплоченной организации рабочих кизил-арватских мастерских, преследующей социал-революционные цели, это явствует из отчета революционного комитета, найденного в квартире убитого Моргунова. Из того же отчета можно сделать предположение, что соучастниками преступной партии являются рабочие всех мастерских и депо, расположенных в районе Ср.-Аз. ж. д. Найдя нужным лично поговорить с рабочими и выяснить причины их острого неудовольствия, я просил начальника мастерских собрать народ. Собравшиеся рабочие, выбрав, по моей просьбе, депутатов, пред'явили мне длинный ряд требований, кои помещаю ниже с моими заключениями по каждому отдельному требованию. Считаю нужным добавить, что помянутые заключения составлялись согласно наведенным в управлении Ср.-Аз. ж. д. справкам, а также согласованы с действующими на российских железных дорогах правилами, приказами и циркулярами. Как я мог лично убедиться, агитаторами революционной партии являются по преимуществу молодые рабочие, кои системой терроризации заставляли старых мастеровых вступить в их ряды. Во всяком случае, революционное движение в Кизил-Арвате серьезнее, чем где бы то ни было в другом пункте Закаспийской области, а фабрикация разрывных бомб заставляет принять

*) Сходство шрифта в действительности об'ясняется тем, что один печатник в карманах выносил шрифт из типографии и доставил его около 2-х пудов. См. воспоминания т. Токайшвили. Истпарт.

против революционеров самые решительные меры, дабы подобные случаи не могли иметь места в будущем.

Требования рабочих кизил-арватских мастерских.

I. Сокращение рабочего времени с 15 августа по 15 мая до 8 часов, а с 15 мая по 15 августа до 7 часов и в канун праздников до 6 часов.

Заключение. „Рабочий день для всех железных дорог министерства путей сообщения установлен 9 часов для главных и линейных мастерских на Ср.-Аз. ж. д.; на время летних жаров (с 15 мая по 15 августа) он сокращается на 1 час. Дальнейшее сокращение рабочих часов недопустимо до тех пор, пока этот вопрос не будет разрешен в законодательном порядке.

2. Увеличение поденной платы: получающим до 1 руб. 50 коп. на 40%, а получающим свыше 1 руб. 50 коп. от 40% до 20% пропорционально поденному жалованию; причем чернорабочие должны получать не менее 1 рубля в день, а молотобойцы и подручные котельщики не менее 1 руб. 40 коп. в день.

Заключение. Минимальная поденная плата, установленная на Ср.-Аз. ж. д. для чернорабочих в 70 коп., дает месячный заработок не менее 21 руб. (в действительности всегда больше); рабочие и мастеровые всех других наименований получают значительно более. Средний заработок в кизил-арватских мастерских получается около 35 руб. в месяц (считая всех рабочих около 1.000 человек). Благодаря высокой рабочей плате, работы в мастерских Ср.-Аз. ж. д. обходятся значительно дороже, чем на всех других дорогах Российской сети. Дальнейшее повышение поденной платы, особенно приняв во внимание сдельные работы, дающие возможность заработать до 50 проц. сверх поденной платы, невозможно, без серьезного ущерба всему хозяйству по ремонту подвижного состава, а следовательно, и казны.

3. Учреждение комиссии из представителей рабочих и администрации в равном числе для разбора недоразумений между рабочими и администрацией и этой комиссии должно быть дано право на прием и увольнение рабочих, а также комиссия должна класть поденное жалование вновь поступающим рабочим.

Заключение. По этому министерством даны определенные указания, об'явленные по линии приказом № 10 от 17-го марта 1905 г. Какие либо изменения в преподанных указаниях находятся вне компетенции управления дороги. Со своей стороны нахожу желание рабочих неприемлемым, ибо нельзя допустить, чтобы администрация дороги была ограничена в своем праве организации работ, за которые она несет ответственность. как в техническом, так и в экономическом отношениях.

4. Отмена сверхурочных работ, причем сверхурочные работы допускаются только в исключительно экстренных случаях, и за один час сверхурочных работ должно записываться два, а за один ночной час—три. Ночные работы должны считаться с 9 час. вечера.

Заключение. Управление дороги стремится давно к сокращению и даже к полному упразднению сверхурочных работ, как безусловно неэкономических и вредных для рабочих, но, насколько мне известно, рабочие сами не всегда бывают довольны отменой этих работ, так как этим значительно сокращается личный заработок каждого. Это желание рабочих относится более к теоретическим представлениям, не оправдываемым жизненным опытом. Совершенное уничтожение сверхурочных работ, при настоящем состоянии оборудования главных и линейных мастерских, на Ср.-Аз. ж. д. не осуществимо. Ночные работы на дороге в настоящее время совершенно не практикуются. Что касается счета часов за сверхурочные работы, то уста-

новленные ныне нормы полагал бы совершенно достаточными (за первые 2 часа по полтора часа за час действительной работы и за последующие часы 2 часа за час).

5. Необходимо существенно изменить порядок набора выборных от рабочих мастерских и депо; избирать выборных свободно без срока, при условии оценки их способности избирателями и сменою их при несоответствии своему назначению во всякое время.

Заключение. Правила избрания выборных от мастеровых установлены министерством и изменение их находится вне компетенции управления дороги. Самый принцип, что быть избирателями и выборными могут лишь рабочие, прослужившие известное число лет в мастерских дороги, считаю безусловно справедливым, ибо таким образом может быть избегнуто влияние лиц случайных, нисколько не заинтересованных в жизни и деятельности мастерских. Для Ср.-Аз. ж. д., быть может, мог бы быть понижен срок службы с 3 лет на 2 года, в виду ее исключительных условий нахождения вдали от Европейской России, откуда набирается наибольший контингент рабочих, и трудности климатических условий для непривычного русского человека.

6. Необходима свобода слова, собраний, с'ездов для выяснения своих экономических и обще-государственных нужд, в виду чего необходима отмена усиленной охраны, неприкосновенность личности и жизни.

Заключение. Исключительно вопрос обще-государственного характера и, следовательно, безусловно вне компетенции управления дороги.

7. Увольняющимся с дороги должно выдаваться пособие в размере двухмесячного содержания за каждый год службы. В расчет должно приниматься содержание последнего времени, причем увольняющимся с дороги рабочим деньги за года должны выдаваться вместе с расчетом рабочего и без гражданского суда; а также семейству умершего рабочего в случае его смерти деньги за года должны выдаваться по первому требованию.

Заключение. Вопрос может быть разрешен только центральной властью, по серьезном соображении всех обстоятельств, его сопровождающих. В настоящее время выдается пособие в размере месячного заработка за год службы при увольнении по болезни и семейству в случае смерти рабочего. Выдача такого пособия может производиться, согласно установленных правил, только по постановлению совета управления железной дороги.

8. Установление расценок на задельные работы должно быть делаемо комиссией экспертов от рабочих по их выбору и администрации в равном числе. Утверждение расценок должно делаться начальником дороги и вывешиваться расценки на видном месте.

Заключение. Приказом № 10 от 17-го марта 1905 г. довольно подробно раз'яснено это положение и в смысле, в общем не противоречащем желанию рабочих. Выборные при выработке расценок допущены, но их голос не доминирует и не обязателен,—что и совершенно справедливо, ибо на практике тенденция выборных будет всегда в сторону повышения цен. Рабочие же очевидно имеют в виду, чтобы мнение их выборных было обязательно для дороги. Допустить такое требование безусловно невозможно, как парушающее общий строй организации работ в мастерских.

9. Бригадиры и монтеры, если они только где необходимы, должны выбираться непосредственно самими рабочими.

„*Заключение.* Бригадиры и монтеры составляют часть администрации мастерских и потому, конечно, должны не выбираться, а назначаться управлением дороги. Зависимость этих лиц от выбора рабочих может повлечь за собой совершенно нежелательные явления в смысле нелицеприятности их отношения к делу и подчиненным.

„10. Мастера и монтеры и вообще железнодорожная администрация не должны употреблять у себя на квартире вместо дворников и лакеев чернорабочих.

„*Заключение.* Правилами дороги такое употребление чернорабочих не допускается.

„11. Полное обустройство мастерских и депо в гигиеническом отношении, а главное—устройство в мастерских, а если где нужно и в депо, передвижных кранов, полиспастов и лебедок; в кузнечных и литейных цехах дымосожирателей; улучшить и если где нет поставить паровое отопление и отменить выданные казенные очки.

„*Заключение.* Управление дороги, в мере имеющихся в его распоряжении средств, принимает все меры к усовершенствованию мастерских и условий труда в них, но сделать все в ближайшем будущем не представляется возможным, вследствие огромных сумм, потребных на приведение всего в надлежащий порядок, расчитывать на отпуск которых от казны невозможно. В частности, что касается обязательности употребления казенных очков, обеспечивающих от повреждения глаз при многих работах, то таковая обязательность министерством уже отменена и рекомендуется только ношение очков при работах, особо опасных для глаз.

„12. Всем рабочим, прослужившим на дороге не менее полугода должны выдаваться бесплатные проездные билеты по всем казенным и частным российским ж. д.

„*Заключение.* Вопрос вне компетенции управления дороги, так как правила выдачи бесплатных билетов установлены правительством.

„13. Увеличение нормы безплатных билетов до 12 в год: 6 рабочему и 6 семье его.

„14. Предоставление права взаимопользования бесплатными проездными билетами: рабочий может ездить по неиспользованному билету жены и обратно.

„15. Уравнение рабочих при поездке по дороге в правах с платными пассажирами.

„16. Рабочий, получающий в год 600 руб. и более, должен пользоваться проездными билетами 2-го класса.

„*Заключение.* (По всем этим пунктам заключение то же самое, что по пункту 12—*Ред.*).

„17. Должны быть к почтово-пассажирским поездам прицепляемы товарные вагоны для провозки продуктов по провизионным билетам.

„*Заключение.* Желание слишком претенциозное. На дороге рейсируют товаро-пассажирские поезда, с которыми всегда возможно провезти продукты.

„18. Проезд рабочих и их семей должен быть по усмотрению их самих, т.е. или в товаро-пассажирских поездах или в почтово-пассажирских.

„*Заключение.* Приказом № 27, в виду переполнения почтовых поездов платными пассажирами, был ограничен проезд в таковых всех служащих дороги, а не только рабочих. Вследствие встретившихся

недоразумений, эти ограничения распоряжением начальника дороги были смягчены. Полная же отм на этого приказа, вследствие условий работы дороги, была бы затвуднительна.

„19. Разрешение обязательных отпусков до 3-х месяцев; причем до двух месяцев отпуска должны оплачиваться полным поденным жалованием, а третий без содержания и причем размеры отпусков должны быть на каждый год службы один месяц.

„*Заключение.*—Вопрос относится к выработке всех условий быта рабочих и может быть разрешен только Центральной властью.

„20. Время стачек и забастовок, происшедших по вине администрации, должны оплачиваться полным поденным жалованием.

„*Заключение.*—Это требование никоим образом не может быть допущено, так как открывает собою широкое поле всяким злоупотреблениям.

„21. Ученики не должны употребляться при грязных и тяжелых работах, вроде как: чистки котлов паровозов и переноски тяжестей, а должны в течение двух лет своего обучения пройти все работы своего цеха. По прошествии двух лет ученики должны подвергаться экзамену в смешанном числе представителей рабочих и администрации. Если ученик окажется достаточно подготовлен, то его перечисляют в мастеровые, а если не достаточно подготовлен, то оставляется учеником еще на год с платой не менее 90 коп. в день. В первое полугодие ученик должен получать 40 коп., во второе полугодие 50 коп. и на второй год обучения 70 коп. в день, причем ученикам должны выда аться проездные бесплатные билеты.

„*Заключение.* Ученики для переноски тяжестей н употребляются, для чистки же котлов даже нужны, ибо в некоторые части котлов могут проникать только мальчики. Отказаться от токого употребления учеников кот льного цеха не представляется возможным, тем более, что во время чистки о и подробно знакомятся с уст йством котлов, что для них необходимо. Определение времени обучения и установление заработной платы несомненно относится к правам управления дороги, вмешательство рабочих в решение этих вопросов недопустимо. Относительно бесплатного проезда ученики пользуются правами рабочих.

„22. При мастерских и депо должны быть воскресные школы с обязательным преподаванием технического черчения для учеников мастерских и желающих рабочих.

„*Заключение.* Весьма, конечно, желательно, но пока неосуществимо, ибо требует затраты значительных сумм.

„23. Принятие детей рабочих и чернорабочих в Асхабадское и Ташкентское технические училища и содержание их в общежитии бесплатно.

„*Заключение.* Технические училища на дорОге заполняются исключительно детьми служащих на дороге, без ограничения занимаемым положением на дороге, Бесплатное содержание, конечно. ограничено, имеющимися на то средствами. При определении права на таковое руководствуются главным образом экономическим состоянием служащего.

„24. Расширение зданий существующих на Ср.-Аз. ж. д. железно-дорожных училищ и, где окажется необходимым,ь переименовать их в 4-х классные с надлежащими правами, как мужские, так и женские.

„*Заключение.* Управление дороги весма озабочено разрешением этого вопроса в желательном для рабочих смысле.

„25. Просторные и удобные выходы из депо и мастерских.

„*Заключение.* То же, что и к § 24.

„26. Выдача полного поденного заработка за дни болезни своевременно.

„*Заключение.* Правила о выдаче платы за дни болезни установлены министерством и изменение их находится вне компетенции Управления дороги.

„27. Полная отмена всяких штрафов и замена их судом товарищества на выборных началах-

„*Заключение.* Отмена штрафов в принципе весьма желательна, но решение этого вопроса находится в связи с выработкой общего дисциплинарнего устава для служащих на железных дорогах. Насколько мне известно, этот вопрос находится уже в разработке в министерстве:

„28. Обучение детей линейных сторожей и содержание их при училищах или вне их на счет дороги.

„*Заключение.* Собственно до рабочих мастерских и депо не относится. Вообще же управление дороги очень озабочено расширением возможности обучения детей для всех служащих на дороге.

„29. Введение всеобщего государственного страхования жизни на случай старости, увечья и смерти, за счет дороги или государства.

„*Заключение.* Вопрос обще-государственный.

„30. Отмена косвенных налогов на предметы первой необходимости.

„*Заключение.* Вопрос общегосударственный.

„31. Введение в мастерских и депо касс взаимопомощи при 2% вычете из заработной платы рабочих.

„*Заключение.* Вопрос относится к самодеятельности служащих, ибо сберегательные кассы открываются по частной инициативе. И в настоящее время в некоторых мастерских, депо и отделах Управления имеются сберегательные кассы, которые могут иметь своей задачей, кроме сбережения, и взаимопомощь.

„32. Всеобщее бесплатное государственное обучение детей рабочих и служащих дороги в средних учебных заведениях до 16-ти лет.

„*Заключение.* Вопрос обще-государственный.

„При рассмотрении желаний и требований рабочих видно, что в них совершенно перепутаны обще-государственные, политические требования с местными, вызываемыми их нуждами, и что первые безусловно преобладают над вторыми. В общем в действительности так и должно быть, ибо положение рабочих в мастерских и депо на Ср.-Аз. жел. дор. в экономическом отношении весьма благоприятно*). И далеко превосходит таковое же на других Российских дорогах. Повышение их материального состояния в большинстве случаев не оправдывается действительной потребностью, особенно по сравнению с таковыми же других русских рабочих и огромного большинства крестьян-земледельцев, да вряд ли оно возможно при настоящем общем экономическом положении нашего отечества.

„ Что касается войсковых частей, расположенных в Закаспийской области, то таковые, за исключением железнодорожного баталиона, не успели проникнуться вредными учениями и в большинстве

*) Какой наглостью должен был обладать царский чиновник, чтобы написать такую подлость.

представляют собой надежный оплот правительству. Нижние чины железнодорожного баталиона, имея постоянное общение с рабочими, не могли не заразиться тем же свободным направлением, а потому и не представляют из себя сплоченной военной боевой единицы, каковую, казалось бы, должны из себя представлять.

„Устройство повсеместно в Империи стачек и забастовок имело последствием вздорожание предметов фабричной и заводской промышленности вследствие повышения цен на них на 10 %. Бакинские пожары нефтяных промыслов, за отсутствием в области заводской и фабричной промышленности, не могли иметь большого влияния в экономическом отношении, но, вследствие вздорожания нефти, отозвались на рыночных ценах на предметы первой необходимости, как хлеб и топливо, а также на всех привозимых громоздких предметах, вследствие вздорожания фрахта на 30%.

„Резюмируя все вышеизложенное и по личным впечатлениям, вынесенным мною из моей поездки, я прихожу к тому заключению, что революционное движение, за исключением Кизил-Арвата, не успело пустить глубокие корни, а потому не считаю возможным, чтобы в ближайшем будущем оно могло бы вылиться в опасной для государства форме. Что касается опасения за возможность столкновения между мусульманским и армянским населением, то в таковое я совершенно не верю по вышеизложенным обстоятельствам, а также потому, что находящиеся в области, на глазах населения, немногие Бакинские беглецы, разоренные и лишенные при беспорядках всего своего имущества, представляют собой пример тех губительных последствий, кои причиняются таковыми.

„Младший Чиновник Особых
Поручений Барон *Остен Дризен*“.

Мы привели этот длинный доклад целиком только потому, что его пункты рисуют нам сплошь и рядом проникнутую тупоумной ненавистью царского агента к рабочему классу и бесстыдным издевательством над теми незначительными экономическими требованиями, которые предъявили рабочие Закаспия самодержавному правительству.

Остен Дризен в своем докладе попутно говорит также о Бакинских событиях, которые особенно встревожили армян и мусульман Закаспийской Области, так что зажиточные армяне в Асхабаде создали даже специальную организацию шпионов и доносчиков („Комитет умиротворения“). Самая ужасная татаро-армянская резня в Баку была устроена царским правительстом во второй половине августа 1905 г. Эту резню имеет в виду и Остен Дризен, когда он говорит о Бакинских событиях. Царские сатрапы и провокаторы, конечно, все как одни говорили, что Бакинские события были организованы не ими, но явились делом рук революционеров. Да иначе они говорить и не могли. По поводу августовской татаро-армянский резни помещены две статьи в гектографированном органе Ташкентскойгруппы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии „Рабочий“ № 1 от 20 сентября 1905 г. Одну из этих статей мы здесь приводим:

„Темная полоса“.

„Не успела изгладиться из памяти картина февральских ужасов

в Баку* не успела еще зарасти тропа к могилам тех, кто пал невинно под ударами темной толпы, и снова резня, снова дикая, бессмысленная бойня, снова стоны, плачь, безработица, грядущий голод и жертвы, жертвы, жертвы...

„Теперешние события лишь отзвук того, что произошло в Баку несколькими месяцами раньше; это повторение,—только в более грандиозных размерах, с более тяжелыми последствиями.

„Царское правительсьво на Кавказе, как и везде, производило свою политику разврата, сеяло вражду между различными народностями.

„Опираясь на темную татарскую чернь, пользуясь услугами хулиганов, мусульманских хищников—капиталистов, жандармов, шпионов, продажных попов и губернаторов оно организовало погром, и великое глухое недовольство бессознательных масс направило против беззащитных армян. Оно разыграло комедию примерения и заставило им же самим вызванное и раздутое озлобление между двумя национальностями на время стихнуть, скрыться в глухих углах, в дали от дневного света.

„С этого момента в городе создается чрезвычайно напряженная атмосфера; огонь продолжает тлеть под пеплом.

„20-го августа где-то в центре раздается выстрел; за ним другой третий, как это они перекатываются на окрайнн, на промысла, превращаются в залпы и к вечеру жестокий варварский бой кипит повсюду.

„На завтра вспыхивают вышки, нефтяные резервуары; армяне жгут имущество татар, татары жгут имущество армян; пожар охватывает балаханы и окутывает их зловещим черным дымом. Еще день и на Биби-Эйбате в Черном городе горят заводы, баки, буровые, скважины.

„Торговая и промышленная жизнь, движение—все замирает. Город превращается в военный лагерь. Сухой ружейнный и револьверный треск, лихорадочное напряжение, грабежи, паника и повальное бегство в Тифлис, Ростов, Закаспий...

„Спешно выселяются с промыслов армянские и русские рабочие; сотнями в грязных скотских вагонах, на котлах паровозов, на крышах растерянные с женами и детьми, оставив свой жалкий скарб, свои последние пожитки, переезжают они в город, располагаются там на улицах, в пустых домах, не зная—куда двинуться что предпринять.

„А администрация? Она потеряла голову, она попряталась, она предпринимала меры одна другой нелепее; она стушевалась перед той грозной стихией, которую сама же, всей своей гнустной деятельностью, вызвала к жизни. Войска и казаки охраняли безопасность тех, кто платил им за „труды“. Достаточно было одного шального выстрела из какого нибудь дома—к нему подкатытали пушку и расстреливали всех без разбору.

„Товарищи! Кто же вынесет, кто вынесет на своих плечах всю тяжесть этой гражданской войны? Пролетариат.. Кто пострадал, кто

---

*) По поводу армянского погрома, устроенного в Баку, в феврале 1905 г. было произведено следствие, конечно, самое поверхностное,—сенатором Кузьминским. Последний, несмотря на все свое желание обелить организаторов погрома, в своем заключении все-таки никак не мог выкрутиться, не заявив. что „попустителями“ (!) погрома явилась вся бакинская администрация, а потому, дескать, она должна быть предана суду. Конечно, бакинскую администрацию никто не предал и она продолжала устраивать резни в еще больших размерах.—А. М.

будет страдать? Пролетариат... Кто умирал, не зная за что, в этой братоубийственной резне? Армянские и татарские рабочие...

„Товарищи! Обстановка, в которой живут татарские чернорабочие (в Баку), так называемые „амшара", эта обстановка не подлежит описанию.

„Скученные в темных лачугах, в конурах, десятками в небольшой комнате, в грязи, полуголые ведут они изо-дня в день свое существование. Забитые, они не знают никого кроме хозяина и светлых пуговиц По зову этой сволочи, по зову эксплоататоров и полиции „амшара" идет куда угодно, из нее набираются банды черносотенцев, она сражается и гибнет во время погромов, разнося смерть и опустошение в ряды своих же братьев—армян—рабочих.

„Но, товарищи, самодержавию не удастся на костях пролетариата укрепить свои позиции, продлить свое существование.

„Как бы темны ни были татарские „амшара„, они остаются рабочими, они продают свою рабочую силу, своими руками создают богатство кучке вампиров. В этом собственно и лежит залог наших будущих успехов и в этом же пункте политика самодержавия неизбежно потерпит крах.

„**Подойти к темной татарской массе, просветить ее светом сознания, раскрыть ей глаза, указать ей друзей и ее истинных врагов, организовать ее, сплотить, пропитать жгучей ненавистью к царизму является первой очередной задачей наших бакинских товарищей.**

„Этой работой, и главным образом, можно выбить из рук самодержавия последний козырь и отрезать всякую возможность погромов.

„Вести попрежнему беспощадную борьбу против попыток армянских националистов, затемняющих классовое сознание наших товарищей армян. Вот вторая задача.

„Минует темная полоса... Выбитая на время из колеи революционная работа войдет в прежнее русло, народ призовет к ответу *истинных* виновников и *истинных* убийц. Об'единенные под красным знаменем Российской Соцеал-Демократической Рабочей Партии, армянские, татарские, грузинские и русские рабочие, подав друг другу братски руку, направят свою могучую силу против твердынь Всероссийского тирана.

„Минует темная полоса...

„От пролитой крови заря заалеет...

„Могучая всюду борьба закипит.

„И если правительство в предсмертных судорогах еще раз попытается провести свои кровавые планы—Долой самодержавие! Долой убийц! „Пролетарии всех стран, соединяйтесь" —бросят ему в лицо рабочие.

„P. S. Товарищи, Откликнемся же на страдания наших братьев в Баку. Пусть всякий придет на помощь; соберем денег, пошлем их, и если у нас нет других средств, хоть этим выразим нашу пролетарскую солидарность.

„Приступите же, товарищи, к сборам"!

Кто помнит те времена, тот знает, что известия о кровавых событиях в Баку с молниеносной быстротой облетели всю обширную Российскую Империю. Несмотря на все старания царского правительства и ее агентов свалить вину с себя на других, рабочие по всей Росии все таки правильно поняли, кто является виновником всей этой ужасной резни. В связи с Бакинскими событиями по адресу цар-

ского правительства выносилось бесконечное количество резолюций, протестов и негодования не телько рабочими в России, но также заграницей. Если уж Бакинские события так повлияли на рабочих всей России и отозвались даже за-границей, то, вполне понятно, эти события не могли не способствовать расширению и углублению революционного настроения рабочих соседней с Баку Закаспийской области.

Судя по приведенному воззванию, мы видим, что Социал-Демократическая Организация, находясь в неимоверно тяжелых условиях, будучи преследуема со всех сторон царскими агентами и жандармерией, имела возможность и достаточную смелость в момент разростания революционных событий в промышленных центрах, в момент национальной вражды и резни обращаться к рабочим массам Туркестана, а вместе с тем и всей России и мира с призывом к солидарности, к сплочению своих рядов для освободительной борьбы против самодержавия.

Неудовлетворение экономических требований рабочаго класса, неизбежно влечет за собой политические требования. Это азбучная истина. Мы, судя по дальнейшим материалам видим, что самодержавие не только вышеприведенных незначительных экономических требований кизил-арватских рабочих не удовлетворило, но оно не удовлетворило десятки, а может быть и сотни такого рода требований,—пред'явленных голодающими, обременными большими семьями рабочими, до и после этого. Поэтому, как и везде в промышленных центрах созданное самим правительством положение привело к росту революционного движения и ненависти к царскому правительству в рабочих массах Закаспия, а вслед за этим и к организованному выступлению последних с определенными политическими требованиями.

В армии.

В ночь с 15 на 16 ноября 1905 г. в ташкентской крепости состоялась кровавая расправа над солдатами ташкентского резервного баталиона, отказавшимися выйти на работу. Сколько именно было убито из восставших солдат, точно установить не удалось. По одним сведениям, убитых было около—900, по другим—1200 и по третьим около—400, но несомненно то, что эта расправа, непосредственным виновником которой являлся временно командующий войсками округа генерал Сахаров, по количеству жертв была одной из самых ужасных. Эта расправа не могла не повлиять на уже и так революционно-настроенные массы рабочих. Выносится ряд резолюций протеста и негодования рабочими различных профессий. Железнодорожники 17 ноября об'являют всеобщую забастовку. Отчасти эта забастовка шла под лозунгом солидарности с борющимися за свободу солдатами. Забастовка эта охватила всю Ср.-Аз. ж. д., и, приняв весьма серьезный характер, продолжалась 3 недели. В Закаспийской области к забастовке примкнули также железнодорожные войсковые части, в особенности. 1-й Закаспийский ж.-д. баталион.

В 190-м номере газеты „Асхабад" от 19 ноября 1905 г. были помещены 2 нижеследующие телеграммы: из Казанджика и Кизил-арвата, полученные центральным забастовочным к-том Ср.-Аз. ж. д.

„Казанджик. Все служащие ст. Казанджик, совместно с нижними чинами, на состоявшемся сегодня митинге постановили выразить протест военному начальству против произвола, допустившего ужасную резню в Ташкенте, выразить им негодование, а также требовать

предания гласному суду временного генерал-губернатора Сахарова вместе с его сообщниками. Постановили выразить солидарность всем товарищам. На завтрашний день решено отслужить панихиду павшим товарищам, мученикам, борцам за свободу, жертвам ненавистного правительства". Помимо этого, ими же постановлено требовать немедленного освобождения на Кушке офицера Андреева, выразившего протест.

„**Кизил-арват.** Сегодня на общем собрании решено требовать удаления генерала Сахарова и всех убийц ташкентцев, о чем мы Вас. товарищи, уже уведомили, будучи до крайности возмущены зверскими поступками начальства. Служащие, горожане и нижние чины решили забастовку продолжать до удовлетворения требований нижних чинов всей Ср. Азии, предания суду Сахарова и его соучастников в кровавой расправе, а также до полной гарантии со стороны правительства в том, что все бастующие нижние чины будут вполне неприкосновенны. Завтра будет отслужена панихида по погибшим борцам за свободу. Забастовка держится крепко. Завтра утром казаки из Кизил-арвата выезжают".

Командир названного баталиона полковник Антипин, рапортом от 12 декабря, доносит н-ку Туркестанской ж.-д. бригады следующее:

„Последняя забастовка Ср.-Аз. ж. д., начавшаяся 17 ноября, застигла меня в гор. Красноводске, где я находился с уволенными в запас армии нижними чинами срока службы 1900 г.

„17-го утром командующий 1-й ротой, штабс-капитан Модестов, пред'явил мне телеграмму, адресованную ж.-д. нижними чинами по линии, которая сообщала о павших жертвах в гор. Ташкенте, в числе 900 нижних чинов Ташкентского резервного батальона, о том, что 4-я рота вверенного мне батальона примкнула к забастовке и что нижние чины 1-й роты приглашаются также примкнуть к забастовке.

„С этой телеграммой я тотчас же отправился в 1-ю роту, прочел ее нижним чинам и об'яснил всю бессознательность и ложность известий; вместе с тем, я раз'яснил нижним чинам значение забастовки вольнонаемных рабочих, их безнаказанность за это, значение забастовки нижних чинов и ответственность их за это преступление.

„Моя беседа, повидимому, вызвала действие; нижние чины поняли безрассудный поступок 4-й роты, доказывается тем, что среди нижних чинов 1-й роты за все время забастовки никакого движения совершенно не было.

„Получив в тот же день телеграмму от Асхабадских делегатов о том, что нижние чины штаба батальона и 3-й роты просят моего приезда в г. Асхабад, и прочитав по телеграфной ленте о том что будто бы 3-я рота в Асхабаде забастовала, что подполковник—Якубовский и др. офицеры устранены, я счел необходимым немедленно выехать в Асхабад.

„На пути в Казанджике штабс-капитан Гринев и подполковник Грышечко-Климов, мне доложили, что нижние чины Казанджикской команды, служащие на дороге, не вышли на работу, примкнули к забастовке рабочих и удалили заведывающего командой подпоручика Грышечко-Климова.

„В Кизил-арвате штабс-капитан Островский доложил: 17 ноября около 11-ти час. утра на ротном плацу к нему подошли человек 10 нижних чинов разных командн. частей гарнизона и заявили, что они выбраны своими товарищами по командам для об'явления офицерам о постановлении всех нижних чинов, находящихся в Кизил-арвате, возмущенных ташкетскими событиями, выразить свое сочувствие по-

страдавшим во время этих событий товарищам; при чем внешним появлением подобного постановления по решению всех нижних чинов, должны быть, не отдание всеми нижними чинами офицерам установленной воинской чести и неисполнение их приказаний. Вместе с тем, штабс-капитану Островскому было заявлено решение всех нижних чинов не нарушать во всем прочем воинского порядка, охранять казенное имущество и не допускать в роту посторонних лиц.

„Ввиду тревожных известий из Асхабада, я не счел возможным остаться в Кизил-арвате для восстановления порядка, а дал по этому поводу инструкцию штабс-капитану Гриневу и Островскому. а сам поехал дальше.

„По приезде в Асхабад, я узнал, что известия, посланные в Красноводск, о забастовке в 3-й роте и об удалении офицеров были вымышлены, в штабе батальона я нашел полный порядок. Нижние чины 3-й роты действительно вызывали меня через ж.-д. делегатов прибывших в Асхабад, но не вследствие их забастовки, а по причине боязни подвергнуться насилиям со стороны нижних чинов др. частей войск, чем им усердно пугали забастовавшие рабочие депо.

„Не имея сведений о положении дела в остальных ротах, я послал телеграммы с запросом к-рам 2-й, 5-й и 6-й рот, но ответа не получил. Очевидно, моя т-мма доставлена не была.

„Не получая известий из 2-й роты и из Казанджика, я счел необходимым в ночь с 20 на 21-е ноября выехать в Кизил-арват, где и узнал, что нижние чины 4-й роты 20-го числа возвратили офицеров к исполнению лежавших на них обязанностей.

„Из моей беседы с нижними чинами 4-й роты, я убедился, что внутренних причин удаления офицеров никаких не было; никаких претензий ими не заявлено; что поступок их был вызван ложными известиями о всеобщей среди войск забастовке, из чувства солидарности к нижним чинам остальных рот, из сочувствия к ж.-д. забастовавшим рабочих местных мастерских Но, когда они узнали, что остальные роты остались верными своему долгу, то сознались в своей ошибке, раскаялись и дали мне слово, что ничего подобного в будущем не повториться.

„По прибытии моем затем в Казанджик, со вновь назначенным заведывающим командой подпоручиком Варпаховским, мне нижние чины заявили неудовольствие на бывшего зав. командой Грышечко-Климова, который грубо с ними обращался и мало заботился об их нуждах.

„Тем не менее, главная причина забастовки была та-же, что и в Кизил-арвате. Нижние чины долго меня просили разрешить вызвать им на сходку рабочих, но когда они убедились, что такого разрешения я дать им не могу, то решили на сходку рабочих не ходить Узнав от меня, что нижние чины 4-й роты вернулись к исполнению лежавших на них обязанностей, они также приступили к работам и дали слово, что в будущем будут исполнять свои обязанности беспрекословно.

„В дни происшествий в Кизил-арвате нижних чинов находилось собственно в 4-й роте 60 чел., учебной команды отделения службы тяги 37 чел., и служащих на дороге 169 человек. Забастовка распространялась по всем командам без исключения. В Казанджике общее число нижних чинов около 125 фамилий нижних чинов, явившихся к командующему 4-й ротой и бывшему завед. командой в Казанджике с докладом о мирной забастовке, как первый, так и последний не помнят.

„В остальных ротах, т. е., во 2-й, 5-й и 6-й никаких нарушений порядка службы не было, хотя во второй роте нижние чины, будучи взволнованы полученными известиями из Ташкента в сильно извращенном и увеличенном виде, присутствовали на панихиде, отслуженной по просьбе рабочих по павшим в Ташкенте жертвам; кроме того там-же во время проезда н-ка артиллерии округа генерал-лейтенанта Петракова, ефрейтор 2-й роты Волобуев присутствовал при осмотре его бумаг рабочими; рядовой той же роты Халерин, в пьяном виде явился к генералу в вагон с предложением услуг, просил у генерала разрешения сесть и закурить и, получив таковое, сел и закурил. В отцепке же вагона генерала от поезда железнодорожные нижние чины участия не принимали, они передвигали только ва он совместно со служащими станции с 1-го пути на 3-й.

„При восстановлении движения на Ср.-А. ж. д., когда я с охраной от полевых войск прибыл в Кизил-арват, нижние чины 4-й роты и команд. Кизил-арвата и Казанджика принимали участие в охране станции, в обслуживании поездов и телеграфа.

„Принимая во внимание, что нижние чины Кизил-арвата и Казанджика были введены в заблуждение сенсационными телеграммами железнодорожных делегатов о происходивших событиях в крае и что в своем поступке чистосердечно раскаялись и, затем, дальнейшею службою доказали готовность исполнять все возложенные на них обязанности, что никаких насилий или вызывающих действий проявлено ими не было, что поступок ими совершен в смутное время, что заявление о неисполнении приказаний офицеров вызвалось опасением, что нижних чинов заставят стрелять по забастовавшим рабочим, которые большею частью бывшие нижние чины, считают своим долгом усиленно ходатайствовать не подвергать, вверенных мне, нижних чинов уголовной ответственности. Нижние-же чины Волобуев и Халерин и из 6-й роты Якубовский, виновные в неоказании н-ку должного уважения и за пьянство, будут переданы мною батальонному суду. Подпись—к-р батальона полковник Антипин".

Из приведенного рапорта не трудно убедиться, что полковник Антипин являлся одним из тех командиров, которые по мере возможности старались выр чить своих нижних чинов.

Начальник железнодорожной бригады полковник Градов отправляет рапорт баталионного к-ра н-ку штаба Турк. военного округа со своей стороны присовокупляя следующее:

„Признавая ходатайство к-ра 1-го Закасп. ж.-д. б-на заслуживающим уважения, прошу не подвергать уголовной ответственности нижних чинов 4-й роты и Кизил-арватской и Казанджикской команд, не только нижние чины вышеуказанных команд, работающие в главных мастерских и в депо и проводящие дни среди рабочих, но и 4-й роты, находятся в исключительном положении—рота квартирует в Кизил-арвате, в котором живут почти только одни рабочие, вследствие чего и нижние чины 4-й роты невольно вращаются между последними".

На этом отношении поставлена резолюция н-ка окружного штаба генерала Евреинова: „Совершенно не согласен с этим". А на рапорте к-ра баталиона поставлена след. резолюция временно командующего войсками округа Сахарова: „Надо произвести дознание. Придется сменить к-ра б-на, когда поуспокоится все. Градова надо поставить на истинный путь. Офицеров, которые скрывают виновных нижних чинов, придется убрать в полевые войска. Из чинов учебной к-ды в Кизил-арвате никого в унтер-офицеры никогда не

производить. О подвигах 6-на донести в управление н-ка генерального штаба, 17 декабря, Сахаров".

Но присоединение нижних чинов 1-го ж.-д. 6-на к ноябрской забастовке не являлось ни первым, ни последним случаем участия солдат в революционном движении. Такие случаи имели место по всему Туркестану в течении, как 1905, так и всего 1906 годов Вот весьма интересная справка судной части при генерал-губернаторе, представленная последнему 2 декабря 1906 г.

О массовых беспорядках в некоторых частях войск Туркестанского военного округа за 1905—6 года.

„. 1. Нижние чины Турк. саперного 6-на после вечерней переклички 24 мая 1905 г. в лагере под г. Ташкентом произвели беспорядок, выразившийся в том, что они, пройдя толпою на кухню и с криком „ура", выломав очаги, вылили из котлов приготовленную на ужин пищу. Приказание же дежурного по лагерю выстроиться на площадке около кухни—многие из них не исполнили и разошлись по баракам.

„До этого случая нижние чины того-же 6-на в продолжении нескольких дней отказывались от получения мясных порций, а 26 мая отказались совсем от обеда.

„За изложенные беспорядки 56 нижних чинов подвергнуты, приказом войскам, армейского корпуса, от 31 дек. 1905 г. за № 26 строгому аресту на 7 суток каждый.

„2. Нижние чины Турк. военно-телеграфной роты 26 мая 1905 г., в лагере под Ташкентом, разбили кухонные котлы и уничтожили приготовленные продукты, 27 мая утром отказались исполнить приказание младшего офицера построиться для строевых занятий. Сколько именно нижних чинов привлекалось к ответственности и какому наказанию они подвергнуты, в судебной части сведений не имеется.

На полубумаге к этому пункту присовокуплена следующая отметка: „рассмотрено в судебных заседаниях временных военных судов 12—14 декабря 1905 г. в крепости Кушка и 22 марта 1906 г. в Мерве. Присуждено к разным наказаниям 111 нижних чинов".

„3. 10-го июня 1905 г. команда 5-й роты 7-го Турк. стрелк. 6-на, по окончании частной работы у к-ра 6-на, возвращаясь в лагерь, под начальством унтер-офицера, причем большая часть команды, в особенности унтер-офицер, оказалась совершенно пьяной, вела себя со встретившимся начальником лагерного сбора генерального штаба полков. Дубининым вызывающе и совершила по отношению к нему нарушение воинской дисциплины.

„Когда же команда прибыла в лагерь и, по приказанию Дубинина, 5 нижних чинов из этой команды были отправлены под арест и проходили мимо барака 5-й роты, то нижние чины роты отбили арестованных и освободили их.

„17-го июня 5-я рота, выстроенная на стрельбу фельдфебелем, отказалась идти, а подчинилась только пришедшему к роте командиру ротою. За изложенные деяния были преданы военно-окружному суду 41 нижний чин.

„Отметка на полубумаге". Рассмотрено временным военным судом в Самарканде 12—14 января 1906 г. Присуждено к разным наказаниям 37 нижних чинов".

„4. 21 сентября 1905 г. нижние чины 2-го летучего парка и 22 сентября нижние чины 1-й батареи 2-й турк. артилл. бригады после

вечерней переклички, из строя коллективно заявили своим сверхсрочным фельдфебелям нежелание иметь их своими фельдфебелями. О результатах произведенного следствия и о числе обвиняемых сведений в судной части не имеется".

Отметка:—„Судебные преследования военно-прокурорским надзором по соглашению с военным начальством, прекращены с наложением дисциплинарного взыскания на виновных нижних чинов, состоящих на службе в парке".

„5. В ночь на 16 ноября нижние чины: 1-го турк. резервн. б-на, ташкентского артиллерийского склада, по выработанному заранее плану, произвели в ташкентской крепости, где расположены части, вооруженное восстание, с целью силою исторгнуть от начальства распоряжение, согласное с желаниями восставших. Предано было суду 104 человека. Дело судом рассмотрено.

„6. 17 ноября 1905 г. нижние чины 2-й роты 1-го зак. ж.-д. бат. присутствовали на панихиде по убитым при подавлении восстания в ташкентской крепости, но присутствовали с разрешения командующего ротой Протопопова. „Привлечен к ответственности один штабс-капитан Протопопов за бездействие власти.

„7. 17 ноября команда 1-го зак. ж.-д. бат, находившаяся на ст. Казанджик, собралась на митинг с частными лицами, вопреки запрещению завед. командой Грышечко-Климова, но с разрешения и. д. н-ка уч. службы пути Ср.Аз. ж.-д штабс-капитана ж.-д. б-на Гринева. „Привлечен к ответственности один штабс-капитан Гринев за превышение власти.

„Дело рассмотрено: по приговору туркестанского военного суда штабс-капитан Гринев подвергнут содержанию на гауптвахте на 2 месяца.

„8. В ночь на 17 ноября нижние чины 4-й роты 1-го зак. ж.-д. б-на потребовали от ротного к-ра выдачи оружия для самообороны, что и было исполнено. „Утром 17 ноября. собравшись на сходку, постановили заявить протест по поводу происшедшего в Ташкенте и выразить его в забастовке, устранений офицеров от командования, неотдании чести и нетитулования. „19-го составили сходку и постановили: забастовку прекратить и просить офицеров приступить к исполнению своих обязанностей. „Дело в следственном производстве, пока привлечены главнейшие виновники в числе 12 нижних чинов.

„9. Во время забастовки Ср.-Аз. ж.-д. в ноябре 1905 г. нижние чины 6-й роты 1-го зак. ж.-д. бат. на сходке выбрали делегатами нескольких нижних чинов для отправки и получения телеграмм центрального к-та, а когда разнесся слух, что генерал Прасолов идет специально против 6-й роты, то хватились за винтовки, с целью сопротивления. Дело в следственном производстве. Пока привлечены в качестве обвиняемых 2 нижних чина, как пострекатели.

„10. В ноябре 1905 г. нижними чинами к-ды бат. штаба 2-го зак. ж.-д. бат. и нижними чинами того-же б-на, находящимися в Самарканде,были пред'явлены к-ру б-на разные требования и в том числе о выдаче оружия на случай предполагавшейся нижними чинами вооруженной борьбы с казаками и стрелками. Требования были удовлетворены к-ром б-на. Последний—Угрюмов—устранен от должности. Следствие о нем производится.

„11. 17 ноября 1905 г. нижние чины 2-й роты 2-ой зак. ж.-д. бат., смешавшись с толпою народа, криком требовали у к-ра роты штабс-капитана Ихольсова выдачи оружия, каковое требование и было удовлетворено выдачею 106 винтовок Кроме того, нижние чины до

25 ноября не выходили на работу. Дело о штабс-капитане Иохольсове находится в периоде следственного производства.

„12. В ноябре нижние чины разных рот 1-го и, преимущественно, 2-го зак. ж.-д. бат. на ст. Черняево собирались несколько раз на сходку для решения вопросов: а) об удалении из роты фельфебеля; б) о присоединении к требованиям, пред'явленных к подполковнику Угрюмову в Самарканде и в) об удалении от командования ротой капитана Бута. Дело находится в следственном производстве.

„13. 25, 26 и 27 декабря нижние чины турк. понтонной роты, с целью добиться смещения с должности н-ков и изменения существующих порядков военной службы: а) нанесли побои фельфебелю, двум унтер-офицерам, ефрейтору и рядовому; б) не исполнили приказания к-ра роты построиться, а с криком, с шумом и свистом, окружили к-ра роты и, напирая на него, стали выкрикивать разные требования; в) воспротивились исполнению приказания к-ра роты арестовать одного из нижних чинов; г) узнав, что вследствие производимых ими беспорядков, выстраивается с винтовками рота 12-го стр. бат., они с целью оказать вооруженное сопротивление стрелкам, разобрали свои винтовки, взломали шкаф, где хранились патроны, разобрали таковые, а затем, производя несколько выстрелов, разбрелись по городу, стреляли из винтовок, врывались в винные лавки и с угрозами требовали водки, приставали к жителям и наносили ряд оскорблений словами и действиями начальствующим лицам. Дело рассмотрено судом, 26 нижних чинов подвергнуты разным наказаниям.

„14. 25-го мая 1906 г. часть нижних чинов 6-ой роты 2-го зак. ж.-д. бат.. в числе 65 чел., собрались в столовой и решили принести жалобу на фельдфебеля, а когда команд. ротой, не пожелал выслушать жалобу, приказал разобрать винтовки и выйти на учение, то они, хотя и вышли на площадь, но без винтовок, вторичное приказание взять винтовки не исполнили. По приказанию команд. войсками возбуждено следствие лишь о фельдфебеле, с целью выяснить его злоупотребления. К-р роты был арестован на 3 суток, а младший офицер переведен под надзор к-ра бат.

„15. 3-го июня 1906 г. нижние чины 5-ой батареи и 1-й Турк. Арт. бригады, в числе 50 чел. не ответили на приветствие врем. команд. бат. капитана Фовицкого дело о нем находится в производстве у военного следователя.

„16. 13-го июня 1906 г. нижние чины 2-го Зак. стр. бат. будучи недовольными приговором батальоного суда об отдаче в дисциплинарный баталион 3-х нижних чинов 1-й роты за нарушение особых обязанностей караульной службы, и существующими формами довольствия в войсках, с целью заставить к-ра б-на отменить приговор суда, вооружились винтовками и боевыми патронами, потребовали к себе к-ра бат., заявили ему, что они не дадут товарищей подвергнуть наказанию, определенному судом и, кроме того, пред'явили 35 требований, касающихся улучшения быта и облегчения службы, назначив сроком исполнения 15-е июня, а когда требования их не были исполнены, то удалили из б-на командиров и офицеров, выбрав на их место начальниками из среды нижних чинов и в бат. офиров не пускали. Сдались же только 18 июня, когда собрался отряд достаточной силы для их усмирения. Дело судом рассмотрено. Присуждено к разным наказаниям. 123 нижних чина.

„17. 5-го июня 1906 г. нижние чины 3-й роты 1-го Зак. ж. д. бат. и прикомандированные к ней нижние чины других рот, бросив работы, собравшись на сходку, согласились заявить начальству о не-

которых своих нуждах и пред'явили к-ру бат. свои требования, как экономического характера, так и об изменении в б-не существующего порядка службы. А 16-го июня, узнав, что на ст. Асхабад явился 3-й Зак. стр. бат. для их обезоруживания, они силою захватив оружие и патроны, вышли во двор, смешались с рядами стрелков, уговорили их не итти против ж. д. солдат и привели стрелковый бат. в такое расстройство, что к-р бат. должен был увести его в казармы. Дело рассмотрено судом присуждено к наказаниям 150 нижних чинов.

„18. В июне 1906 г. нижние чины 3-го Зак. стр. бат. устроили сходки и выработали разные требования, а 16-го июня, когда баталион был со ст. Асхабад отозван в казармы (см. § 17), то волнение среди нижних чинов было настолько сильно, что баталион был близок восстать и готов примкнут ко 2-му Зак. стр. бат. (см. § 16). Дело судом рассмотрено приговорено к разным наказаниям 2 нижних чина.

„19. 16 июня 1906 г. нижние чины Кушкинской полевой ж. д. роты, обслуживающей Фирюзинскую ветку Ср. Аз. ж. д. прекратили службу, собрались в лагерь и, силою расхватав ружья и патроны, приказание к-ра роты разойтись не только не исполнили, но угрозами заставили, как к-ра роты, так и офицеров, оставить роту, после чего составив ряд требований, которые 17 июня пред'явили к-ру роты, требуя немедленного их исполнения под угрозой отказа подчинения военному начальству и силою оружия воспротивиться всякой попытки к подавлению устроенному им беспорядка. 18 июня, сами прекратили беспорядок, но при условии, что против их не будут приняты репрессивные меры,—что им и было обещено. Дело рассмотрено судом и 96 нижних чинов подвергнуто разным наказаниям.

„20. 16-го июня 1906 г. нижние чины 5-ой батареи 2-й Турк. арт. бригады отказались исполнить приказания фельдфебеля: а) нагружать б-ые имущества на баржу для отправки в Керки и б) построиться. Дело находиться в производстве у военного следователя.

„21. 16-го июня 1906 г. нижние чины Асхабадск. арт. склада, согласившись итти на солдатский митинг, состоявшийся во 2-м Зак. стр. бат., потребовали от наблюдавшего за ротой поручика Тмоховского, и чиновника Яхмана, прекращения работы и разрешения итти на митинг. Разрешение было дано. Дело рассмотрено судом. Офицер, чиновник и 28 нижних чинов подвергнуты разным наказаниям.

„22. 17 июня нижние чины 1, 2, 3, 4, 6-й батареи 2-й Турк. арт. бригады, желая воспрепятствовать выступлению 4-й Кушкинской казачьей батареи для подавления беспорядка в Асхабадском гарнизоне, они, собравшись, уговаривали казаков не уходить. После же сигнала „тревога" не пожелали строиться, хотя и получили приказания н-ка артиллер. корпуса, а, вместо того, собрались кучками и о чем то советывались.....

„Утром 17 июня нижние чины одумались, принесли раскаяние, и каз чья батарея беспрепятственно выступила по назначению, т. к. расследованиями не удалось установить кто именно из нижних чинов принял непосредственное участие в беспорядках, то дело к-ром корпуса, согласно заключения военного прокурора, прекращено.

„23. 25-го июня 11 нижних чинов разных частей войск, находившиеся на излечении в Самаркандском госпитале, сильно воспротивились распоряжению смотрителя и Н-ка госпиталя об арестовании стрелка 7-го Турк. стр. бат. Пучкова, причем, вооружились палками и стали бросать таковые ровно камнями и др. тяжелыми предметами в смотрителя и н-ка госпиталя, понося при этом обоих их бранными словами. Беспорядок был прекращен утром 26 июня,

когда был вызван сбор стрелков. Преданы суду 11 нижних чинов. Дело еще судом не рассмотрено.

„24. 3-го июня нижние чины Турк. и Зак. саперных баталионов и 2-й роты 2-го Зак. ж. д. бат. в лагере под Ташкентом, вооружившись, с боевыми патронами, двинулись из лагеря к вокзалу ж. д., с целью силой освободить отправляемых в тот же день из Ташкента арестованных нижних чинов, приговоренных к каторжным работам за участие в бывших ранее в частях гарнизона восстаниях, но, будучи встречены войсками, высланными для их усмирения, они, открыв по этим войскам огонь боевыми патронами, с криком „ура“ бросились к вокзалу, но когда против них был открыт огонь из винтовок и пулеметов, то остановились и рассеялись. По этому делу преданы военно-окружному суду 85 нижних чинов, в том числе: 36 Турк., 31 Зак. саперн. бат. и 18 2-го Зак. жел. дор. батал. Дело еще судом не рассмотрено.

Отметка: Рассмотрено Турк. Военно-окружным судом 15—23 декабря 1906 г., приговор в исполнение не обращен за подачу кассационного протеста“.

„25. 11-го июня 1906 г. нижние чины команды парохода „Цесаревич“ и баржи „Волга“ Аму-Дарьинской флотилии отказались исполнить приказание к-ра парохода перегрузить часть груза с баржи на пароход. Дело находится в производстве у военного следователя.

„26. 15-го июня нижние чины 5-й роты 4-го Андижанск. резервного бат. желая освободить из гауптвахты двух унтер-офицеров, приговоренных к дисциплинарному б-ну суду, по окончании вечерней поверки, по заранее установленному сигналу с криком „ура“, бросились к бараку 1-й, 2-й и 3-й роты своего б-на и в 3-ю роту 9-го Турк. стр. бат., крича им присоединиться для выручки товарищей, причем, сделали несколько выстрелов к верху. Когда же прибыл к-р б-на и обещал освободить арестованных, то успокоились и возвратились к себе в барак. По этому делу преданы военно-окружному суду комендантом корпуса 52 нижних чина. Дело рассмотрено судом, присуждено к разным наказаниям 29 нижних чинов.

„27. 16-го июня нижние чины 1-й роты 1-го Зак. ж. д. батал., узнав о прибытии в Красноводск поезда с арестованными нижними чинами Турк. понтонной роты, осужденными в дисциплинарный бат., решили силою освободить тех арестованных и, собравшись в казарму, потребовали от врем. команд. ротой выдачи винтовок, чтобы, вооружившись ими, идти освободить арестованных, а когда получили в этом отказ, то бросились в цейхгауз и, оттеснив защищавших этот цейхгауз офицера и двух нижних чинов, вытащили винтовки и ящик с патронами и разобрали их. Затем двинулись, сопровождаемые толпой рабочих, к казармам Красноводского резервного б-на, рассчитывая склонить таковой на свою сторону, но, убедившись, что резервный баталион в полной боевой готовности, выстраиваются для преграждения их дальнейшего движения, остановились и, вняв увещаниям команд. резервным бат. возвратились в свою роту и сдали все захваченное. По этому делу к-ром 1-го Зак. жел. дор. бат. преданы военно-окружному суду 77 нижних чинов. Дело судом пока не рассмотрено“.

Таким образом, не везде беспорядки среди солдат носили революционный характер. Только в беспорядках с участием более крупных войсковых единиц, революционное настроение солдатских масс, выступает особенно наглядно. Неорганизованность, отсутствие связи и согласованности между отдельными войсковыми частями, вот основ-

ной недостаток всех солдатских волнений. Именно поэтому царским генералам сравнительно легко удалось с ними справиться. Приведенные, далеко неполные, цифры ярко свидетельствуют, как много заплатили солдаты царским генералам за смелость пред'являть справедливые экономические и политические требования.

В подавлении Ноябрьской забастовки 905 г. весьма видную роль играл комендант крепости Кушка ген. Прасолов, человек тупоумнейший, с явными признаками идиотизма, но зато верный слуга своего царя,—Прасолов об'явил крестовый поход против всех „бесов", об'явил целые районы на военном положении, создал военно-полевой суд, производил обширные аресты, и, когда ему кто-то донес, что в Афганистане организуются какие-то банды, готовился даже перейти государственную границу. Действия Прасолова были настолько „энергичны", что с ними не мог согласиться даже сам Сахаров, с предписаниями и телеграммами которого, однако, Прасолов почти совсем не считался.

Началось дело с того, что после об'явления ж.-д. забастовки, Сахаров поручил Прасолову позаботиться о восстановлении жел.-дор. движения от Чарджуя до Теджена и также от Мерва до Кушки, причем, в его распоряжение передал также мервский гарнизон. Прасолову были предоставлены права к-ра отдельного корпуса.

Самой лучшей характеристикой программы действий Прасолова является след. его приказ от 25 ноября 905 г.:

„ П Р И К А З

„Гарнизону крепости Кушка и всем долинам Кушки и Мургаба

§ 1

„Против мятежников, обуреваемых бесом, мутящих Русь православную и идущих против державного ее царя,—об'являю крестовый поход.

§ 2

„Каждому христианину, в бога и святой честный крест верующему, нашить на оружие, грудь, прикрывающий из белой тесьмы, высокий знак креста господня. Сим победим и изгоним бесов, мутящих царство русское.

„ Воскреснет бог и расточатся враги его.

§ 3

„С богом, други-рыцари, в поход.

„Да будет благословенно имя господне.

„Совесть у нас чиста."

§ 4

„В мое отсутствие и. д. коменданта крепости Кушка оставляю воина верного полковника Пещерева. При моем отсутствии заместителю моему по командованию крепостью пользоваться правами и обязанностями командующего корпуса (не отдельного)

§ 5

„Разрешаю знак честного креста носить не только военно-служащим, но и гражданским обывателям обоего пола.

§ 6

„Евреям заменить-изображением шестиугольной звдзды с каемкой, вышитой красными нитями.

Подлинный подписал: Комендант Крепости Кушка *Прасолов*".

На длинном приказе рукою Прасолова нарисована шестиугольная звезда.

25 ноября В. П. Прасолов дает своему совету обороны подробные раз'яснения, почему ему понадобилась эта чрезвычайная мера, т. е. об'явление крестового похода.

„1. Против законного правительства дерзновенно действует целая корпорация самозванных управителей, терроризируя наше отечество разного рода репрессивными мерами: а) приостановка службы почтовых учреждений империи; б) закрытие движения по железным дорогам; в) бездействие правительственного телеграфа; г) распространение крайних социальных идей не только между гражданскими лицами, но и между военно-служащими.

„2. Вышесказанные дерзновенные действия имеют исключения: а) доставляются на Кушку лишь крайнего направления газеты „Асхабад", с сенсационными сведениями; б) по телеграфу передавались и передаются разного рода сведения, необходимые агитаторам, распоряжения по преступной деятельности и назойлнвые требования, адресуемые коменданту крепости, с разного рода по отношению к нему угрозами от какого то преступного общества, не имеющего никакого права даже мечтать о возможности подчинения лиц, закаленных верною присягою престолу.

„3. В настоящую минуту не составляет секрета, что успех преступных деятелей является результатом их многолетней тщательной и обдуманной подготовки и преступного развития умов наибольшей массы лиц, обслуживающих в настоящее время государственные учреждения, коих можно уподобить кровоносной н нервной системе отдельного человеческого организма. Таким образом, можно себе представить след. картину наст. положения дел в нашем дорогом отечестве: а) государственное дело парализовано, не только уничтожены взаимные сношения частных лиц, но все правительственные распоряжения не могут достигнуть до верных исполнителей истинной службы, а равно ни о каких происшествиях последним невозможно доносить установленным порядком; б) не взирая на вопиющие потребности государственной жизни (как-то: подвоз припасов в голодающие губернии), самозванное правительство благоволит разрешать только такие передвижения, которые клонятся в явную пользу его преступной деятельности (проезда уволенных из рядов армии нижних чинов запаса); в) при тщательном ознакомлении с пропущенными на Кушку телеграммами за подписью начальствующих лиц, у коменданта невольно возникает мысль об их подложности.

„4. Короче говоря, смута, несомненно, существует и тяжело отражается на благополучии русского народа, в наибольшей своей массе совершенно не сочувствующего такому порядку вещей и вполне удовлетворенного высокой монаршей милостью, выраженной высочайшим манифестом 17 октября с/г, в коем повелевалось всем общественным слоям умиротвориться и обратиться к нормальной жизни и деятельности. Наконец, весь кушкинский гарнизон и обыватели были глубоко потрясены слухом о возмутительных событиях и никто не хотел верить, что и священная кровь сердечного монарха пролилась в переживаемое смутное время*).

„Если еще что осталось незыблемо прочным, то это надежда на милосердие божье, что промысел небесный спасет Русь в настоящее ее страдальное время. Я, комендант крепости, с 19 сего ноября бескровно подавил угрожающий опасными последствиями возникавший и обострявшийся мятеж, проникавший было в среду воинских частей,

*) К этому времени, приблизительно, с 20 ноября в Кушке циркулировали слухи о том, что будто бы в Петербурге совершено покушение на жизнь Николая II.

в настоящую минуту могу хладнокровно взирать, что вверенная мне моим императором крепость до сего времени, от 16 до 26 ноября с. г., находится в положении как бы блокады со стороны ясно обнаруженного внутреннего врага государства, если этот враг самоослепленно будет продолжать такой же образ действий, заслуживающий полного негодования и возбуждающий кровную обиду жив. в сердцах истинного патриота, то насильно я отвечу ему силою же, не упуская возможности впредь испросить на сие зависящего разрешения и одобрения от законного моего начальства, как только к тому представится возможность.

„Основная сила тысячелетия Руси всегда зиждилась на глубокой вере в истинного бога, на пламенной любви к своему венценосному помазаннику божьему и на сердечной надежде, что все лучшие сыны отечества дружно пойдут против супостата и противников основных законов империи.

„Согласно ст. 108, при чрезвычайных же обстоятельствах, я вынужден к чрезвычайной же мере. С нами бог! Комендант крепости Кушка Прасолов".

Перед своим выступлением в Чарджуй сей храбрый генерал отправляет начальнику чарджуйского гарнизона следующую телеграмму:

„Кушка. Прасолов идет в Чарджуй с 8 пулеметами, бунтовщиков будут расстреливать не солдаты, а пулеметы, передайте от моего имени, чтобы через 24 часа все забастовки прекратились. Каждый гражданин и воин приступили бы к исполнению своего верноподданнического долга, а не играли бы в руку заклятому врагу России—Англии. Афганцы уже шевелятся. Комендант крепости твердо решил сначала справиться с внутренним врагом, а затем, с божьей помощью, и с внешним. Да поможет мне господь бог и пресвятая богородица исполнить свой святой долг без пролития братской крови. Передайте вашему батальону, когда он был 3-м Туркестанским линейным батальоном, то его знамя гордо взвивалось над Ташкепринскими высотами после славного кушкинского боя 18 марта 1885 г., сему я, Прасолов, был личный свидетель. Передайте Аму-дарьинскому флоту, чтобы они, матросы туркестанские, не уподоблялись бы нынешним русским морякам, покрывшим имя свое позором. Генерал майор Прасолов".

4-го декабря, распоряжаясь уже в Мерве, Прасолов издает след. приказ:

„П Р И К А З

войскам гарнизона крепости Кушка, Мерва, Чарджуя и Теджена

№ 4, 4-го декабря 1905 г. гор. Мерв.

§ 1.

„С 1 сего декабря выдавать нижним чинам, находившимся и находящимся в походе, по 1 ф. мяса.

§ 2.

„Н-к ст. „Анненкова" С. Обрушников подвергается аресту на 30 суток в крепости Кушке за неснятие фуражки перед святым образом божьим и непочтительное ко мне отношение.

§ 3.

„Управляющему мургабским государственным имением статскому советнику Еремееву подчиняю все гражданские власти в местечке „Байрам-али", на правах губернатора.

ОСНОВАНИЕ: Ст. 21 приказа В. В. 1892 г. 241.

§ 4.

„Взводу 4-й роты 6-го Зак. стр. бат. вернуться из Байрам-али в Мерв. Гарнизон Байрам-али оставить из 3-й роты 7-го зак. стр. бат. и взвода 1-го Кав. каз. полка, н-к гарнизона капитан Лаврентьев.

§ 5.

„Много телеграмм за подписью начальствующих лиц поступило и до сих пор поступает ко мне и другим начальникам частей, явно подложных.

„Не забывать верным слугам царским, что еще до сей поры все телеграфные проволоки восточнее Чарджуя и западнее Теджена находятся во власти мятежников.

„Я просил по телеграфу в прошлом месяце присылки из Ташкента офицера ген. штаба с подлинным предписанием и инструкции мне о служебных действиях от своего законного начальства, но по сие время просьба эта не могла быть исполнена, по всей вероятности, вследствие недоставки оной по начальству.

„Командир 7-го Закаспийского стр. бат. полков. Юнович, в бытность свою и. д. нач. гарнизона г. Мерва, позволил себе в приказе № 330 отменить мое распоряжение, об'явленное в приказах моих №№ 1 и 2. Этого полковника, ст. 45 Уст. дисциплинарного, удаляю от должности к-ра названного батальона с донесением о сем на высочайшее имя при первой к тому возможности.

„Для временного командования вышеуказанным батальоном назначить штаб-офицера распоряжением н-ка 7-й Туркестанской стр. бригады. Подлинный подписали: к-р отд. корпуса генерал-майор *Прасолов*".

После возвращения из Петербурга ген.-г-ра и командующего войсками округа ген. Суботича, Сахаров представил Суботичу доклад о действиях коменданта крепости Кушки Прасолова. Доклад этот составлен исключительно из материалов той переписки, которая возникла по поводу действий Прасолова. В этом докладе обрисовываются не только все подвиги Прасолова, но также те взаимоотношения, которые создались между временно-командующим войсками округа и комендантом крепости Кушка. Доклад этот отмечен датой от 12 января 1906 г. и мы его здесь приводим целиком.

„О действиях коменданта крепости Кушка генерал-майора Прасолова.

„В разгар забастовки железных дорог и телеграфа, 22 ноября минувшего 1905 г., мною получена телеграмма вр. исп. должность н-ка Ср.-Аз. ж. д. Руина, в которой он умолял спасти жизнь инжен. Соколова и др. железнодорожников, арестованных комендантом крепости Кушка и приговоренных, будто-бы, полевым судом к смертной казни.

„Одновременно мне были доставлены копии двух телеграмм Руина на имя военного министра, такого же содержания.

„Того же числа ко мне явилась депутация от ташкентского союза инженеров с просьбой приостановить исполнение приговора полевого суда, хотя бы на три дня, и о выяснении, путем следствия, виновности Соколова, а равно других причастных к делу лиц.

„На возражение, что мне ничего неизвестно и что я не могу снестись с Кушкой по причине забастовки телеграфа, депутаты уверили, что всякая моя депеша будет немедленно передана, а если потребуется, то будет снаряжен и экстренный поезд для доставки на Кушку особо уполномоченного лица.

„В тот же день получен по телеграфу запрос военного министра от 20 ноября—598: „что происходит на Кушке, почему там осадное положение, полевой суд".

„Не имея положительно никаких сведений, т. к. от коменданта не было никаких донесений, я немедленно послал ему по ж.-д. проводу шифрованную депешу след. содержания: „Телеграфируйте для донесения военному министру, что произошло у вас, почему об'явлено осадное положение, назначен полевой суд. Решение суда приведением в исполнение приостановите на три дня. Отвечайте шифром, чтобы не исказили телеграммы. Всякая моя телеграмма будет иметь несколько шифрованных слов". Передающим депешу для сведения: переписка по этому делу имеет громадное значение для обвиняемых инженера и других, поэтому исправная и точная передача необходима. 909".

„Военному министру я тотчас ответил: „Доношу, что, вследствие забастовки телеграфа, относительно положения дела на Кушке знаю только то, что сообщено и вашему превосходительству инженером Руиным. Пытаюсь добиться сношения с Кушкой по ж.-д. проводу.

„Не получая с Кушки ответа, я 23 числа вновь телеграфировал коменданту: „Предписываю немедленно ответить на мой запрос, что у вас ироисходит", а затем, получив сведения, что моя депеша от 22 ноября Прасолову доставлена своевременно, 27 ноября вновь запросил его: „На все мои депеши ответа не имею. Если, как утверждают здесь, полевым судом кто нибудь приговорен к смертной казни, то предписываю приговора не исполнять впредь до распоряжения свыше. Имею в виду сделать представление государю императору, для чего должен знать обстоятельства дела. Предупреждаю, что если выяснится, что я не получаю ответа на мои запросы по вашей вине, то привлеку вас к ответственности по всей строгости закона. 913".

„С 22 по 24 декабря прислано несколько протестующих депеш от разных союзных ж.-д. служащих и рабочих, а в местной газете „Русский Туркестан", появился ряд телеграмм разных союзов и комитетов, где выражалось крайнее возмущение против происходящих на Кушке событий.

„Наконец, 24 декабря получилась от Прасолова первая т-ма на мой 913: „В такое исключительное время, когда телеграф в руках ненадежных лиц, одни телеграммы, хотя бы и шифрованные, не дают безусловное основание исполнять требования. Слухи о казни неверны. 3647".

„Одновременно получилась депеша от н-ка штаба крепости Довгирда, который сообщал, что на Кушке в данное время все спокойно и что слухи о приговоре неосновательны.

„Того же числа мною получена от Прасолова вторичная т-ма след. содержания: „ввиду пропаганды среди войск некоторыми гражданскими лицами, состоящими на правительственной службе, направленной на митингах к свержению военных властей крепости, я об'явил в осадном положении, о чем первое подробное донесение послал тайно*).

„Прикосновенных к преступной пропаганде лиц арестовал. Все исполняем согласно присяги. Прошу выслать офицера генерального штаба с письменной инструкцией".

---

*) Получено 9 декабря.

„На основании этих данных я немедленно телеграфировал военному министру о положении дела с след. заключением: „Полагаю, что комендант, будучи отрезан от всяких сообщений, имел право об'явить крепость в осадном положении, дабы подчинить жителей ст. 81 положения об управлении крепостями, ввиду агрессивного характера их действий. По получении подробностей донесу дополнительно"

„Того же числа по всей линии южного участка Ташкент. ж. д. прошла депеша за подписью председателя Всероссийского ж.-д. союза для данного участка, некоего Федорова, который об'являл всем служащим и рабочим, что забастовка ж. д. продолжается, ввиду ареста многих граждан за свободу слова, дарованную манифестом 17 октября, а также и приговора военно-полевого суда в Кушке к смерти через повешение н-ка участка пути инжен. Соколова и др. лиц.

„Только 25 числа от г-на Прасолова получилась подробная депеша о событиях в Кушке, являющаяся повторением того, что было донесено им на высочайшее имя. В ней значилось, что 13 ноября на Кушке начались сборища ж.-д. служащих, 16 ноября н-к почты доложил о всеобщей забастовке почты и телеграфа. Того же числа, по распоряжению коменданта, был арестован подпоручик кушкинской телеграфной роты Андреев за произнесение на митингах политических речей. Два раза делегаты митинга являлись к коменданту, требуя освобождения Андреева, на что был дан категорический отказ, с предупреждением отнюдь не привлекать на сборища нижних чинов. 17 ноября агитаторы об'явили забастовку ж. д., прекратили прием и выдачу грузов и пытались закрывать торговые заведения.

„18 числа на перроне вокзала состоялся особенно угрожающий митинг в присутствии около 200 нижних чинов, на котором было решено ниспровергнуть все военные власти крепости и заменить таковые выборными лицами. Ввиду столь опасного хода событий, 19 ноября на рассвете были, по приказанию ген. Прасолова, арестованы главные возмутители инженер Соколов, инженерн. десятник Морозов, слесарь Лазаренко, а затем пойман опасный агитатор монтер телеграфа Симонов. Над всеми этими лицами наряжено дознание. Того же 19 числа вечером крепость об'явлена в осадном положении. Телеграмма заканчивается след: „Комендант и гарнизон императорской крепости исполнил и всегда будет твердо исполнять священный долг присяги, данной главой, сердцем и душой, крепко верим, что наградой будет нам служить царствие небесное, уготованное людям благой чести и доброго порядка".

„Эта телеграмма, поданная Прасоловым еще 20 ноября, не была принята Мервом и передана лишь 25. Одновременно получена депеша н-ка Мервского гарнизона ген.-майора Хатова, след. содержания: „Сейчас получил от коменданта Кушки депешу, почему почта, телеграф, жел. дор. не отправляют обязанностей по поддержанию сообщений с крепостью, жду ответа, иначе не замедлю казнью преступников. Телеграфное сообщение Мерв-Кушка сегодня восстановлено саперами".

„В этот же день получилась шифрованная т-ма н-ка штаба крепости Кушка Довгирдо: „Сумашедший комендант об'явил крестовый поход против бесов и Мерва. Сформированный отряд мною распущен. Шифрованная т-ма от вас о смене коменданта склонит колеблющихся его аресту, лично оцениваю происходящее спокойно. В Кушке пока спокойно."

„Сопоставляя последнюю депешу с приподнятым тоном телеграмм ген. Прасолова, разноречию его донесений относительно судьбы арестованных, с угрозой Хатову совершить над ним смертную казнь, можно было вывести заключение, что в крепости не все происходит в нормальной обстановке, а потому я решил при первой возможности командировать на Кушку окружного генерал-квартимейстера генерал-майора Маркова, снабдив его соответствующими инструкциями. В предписании по этому случаю Прасолову я об'явил, что ген. Марков посылается с целью разузнать на месте положение дела для доклада мне, т. к. по одним телеграммам не могу составить себе ясного и полного представления о происходящих в крепости событиях. В помощь ген. Маркову имелось в виду командировать из Асхабада помощника военного прокурора.

„Во всяком случае, Маркову предписывалось приостановить исполнение смертного приговора, если таковой состоялся. От·езд был назначен на 28 ноября, к каковому времени было предложено ст. Ташкент приготовить поезд, но т. к. последнее исполнено не было, и поезд к назначенному часу не подали, с своей же стороны я считал несоответственным входить в переговоры с делегатами забастовочного к-та, то командирование Маркова пришлось отложить. На означенное решение повлияло также и то обстоятельство, что последние действия Прасолова представлялись вполне правильными и согласованными с обстановкой. Так, накануне, 27 числа, ген. Хатов телеграфировал из Мерва: „сегодня, в 10 ч. утра прибыл из Кушки поездом подполковник Деханов, назначенный комендантом крепости н-ком участка Мерв—Кушка. Станции заняты войсками, движение поездов на Кушку восстановлено. В 3 ч. дня Прасолов вызвал меня к аппарату, передал, что, ввиду отсутствия сообщения Мерва с Асхабадом, подчиняет гарнизон Мерва себе.

„На всякий случай, 29 ноября я телеграфировал Прасолову: „по заключению военного прокурора, Соколов и др, если совершили преступление до об'явления крепости в осадном положении, подлежат суду гражданскому, если после об'явления, то военному, с применением виновным уголовного Уложения 1903 г., ввиду чего о смертной казни не может быть речи. При первой возможности командирую помощника военного прокурора 930.

„Того же 25 числа получены след. телеграммы: от Прасолова: ж. д. телеграфное сообщение с Мервом восстановил 27 ноября. Присяжный поверенный Хонин*) и товарищ прокурора Козырев находятся в крепости. Сообщения Мерва с Асхабадом прерваны. Будем мирным порядком открывать сообщения ж.-д. и телеграфное на Асхабад и Ташкент. Мервский гарнизон подчинил себе на правах к-ра отдельного корпуса. В Мервском оазисе с 29 ноября об'явлено военное положение. В Кушке спокойно. От н-ка Мервского гарнизона Хатова. генерал Прасолов прислал предписание, что об'являет Мервский оазис на военном положении, произвести в Мерве, Байрам-Али аресты агитаторов с доставлением на Кушку, мотивируя причастность к заговору, нити коего в его руках, жду вашего приказания.“

„Видя энергичные действия Прасолова по восстановлению движения на ж. д., я того же числа телеграфировал н-ку Зак. обл.: ввиду перерыва сообщения Мерва с Асхабадом, мною отдан приказ о подчинении Мервского гарнизона Прасолову впредь до восстановления связи с Асхабадом. “ О том же сообщил одновременно и Хатову,

*) Поездка этих лиц на Кушку была мною разрешена в интересах законной защиты арестованных.

добавив; „передайте н-ку уезда мое приказание исполнить требуемые Прасоловым аресты на основании 21 ст. положения об усиленной охране.

„Не находя, однако, надобности в об'явлении военного положения (а на это до получения именного высочайшего указа от 29 ноября минувшего года Прасолов не имел права), я телеграфировал ему: не вижу надобности в об'явлении мервского оазиса на военном положении, т. к. вся Зак. обл. находится на положении усиленной охраны. Отдал приказ о подчинении вам мервского гарнизона на правах командира корпуса впредь до восстановления связи с Асхабадом."

„1 декабря н-к Зак. обл. прислал мне депешу след. содержания: ген. Прасолов согласия вашего подчинил себе мервский гарнизон на правах к-ра отд. корпуса, по его же требованию, с вашего согласия, в Мерве арестованы какие то лица. Таким образом, Прасолову присвоена исключительно военная и гражданская власть в области, при таких условиях не могу оставаться в занимаемых должностях, прошу об увольнении меня. Связь с Мервом поддерживалась за все время забастовки.

„Раз'яснив ген. Усаковскому причину, побудившую меня подчинить Прасолову мервский гарнизон, я писал ему: что касается до ареста некоторых лиц в Мерве, то, по раз'яснению Прасолова, он имеет основательные данные о причастности их к кушкинским событиям.

„2-го числа я вновь получил жалобу ген. Усаковского на произвольные действия Прасолова и донесение, что в Мерве было совершено на жизнь последнего покушение рабочим Петруниным, к счастию, неудавшееся, о чем вслед за сим сообщил мне и сам Прасолов.

„Того же числа поступила депеша от н-ка серахского гарнизона такого содержания: „Прасолов дважды известил меня, что он уполномочен вами на правах к-ра корпуса с подчинением ему гарнизонов Мерва и Серахса. Предписал занять лично Каахка, заарестовать незаконных управителей. Ожидаю приказа вашего, как н-к гарнизона".

„С моей стороны послан ответ: ген. Прасолову серахский гарнизон не подчинен. Отданное им приказание исполнению не подлежит. Не получая никаких донесений от Прасолова о судьбе арестованных на Кушке лиц, я, 3-го декабря, запросил его: сообщите положение дела инж. Соколова и др. в раз'яснение вопроса подсудности, согласно моей телеграммы № 930. Одновременно поступило донесение от н-ка чарджуйского гарнизона от 2 числа: вчера, в 8 часов вечера, в Чарджуй прибыл из Мерва 1 бат. пехоты, 4 орудия и сотня казаков. Станция занята и мост охраняется стрелками, движение поездов налаживается. Ген. Прасолов сейчас телеграфировал: об'явить Чарджуй в военном положении. Эта мера не вызывается обстоятельствами. Ожидаю вашего распоряжения. 2-го же декабря Прасолов лично прибыл в Чарджуй с 2-мя ротами пулеметов, предпослав через н-ка гарнизона для об'явления населению прилагаемый приказ и оттуда же телеграфировал мне „телеграф до сих пор не освобожден от рук мятежников, имею массу доказательств. Беспрекословно исполню лишь то приказание за подписью вашего превосходительства, присланное офицером ген. штаба". Того же числа вечером Прасолов вызвал из Чарджуя к аппарату одного из офицеров окружного штаба, и когда на вокзале оказался завед. иередвижением войск, подполковник Ливенцев, имел с ним след. разговор: „я ген. Прасолов, попросите офицера штаба округа".

— Генерального штаба подполковник Ливенцев.

— Для убеждения, что я имею честь говорить с подполковником Ливенцевым, прошу назвать номер делопроизводителя управления завед. передвижением войск.

— У меня есть делопроизводитель штабс-ротмистр Поплявский, но о каком номере вы говорите—не понимаю.

— Скажите, пожалуйста, его имя и отчество.

— Сергей Владимирович.

— Прошу вас доложить ген. Сахарову, что, движимый чувством долга старого служаки своему природному государю, тогда только поверю приказаниям из Ташкента, когда ко мне в Чарджуй пожалует офицер ген. штаба с письменным предписанием от команд. войсками главного Турк. военного округа. До свиданья.

— Сейчас доложу ген. Сахарову. Благоволите пожаловать к аппарату, примерно, через час, вероятно, будет ответ.

— Генерал Прасолов через час будет спать, утро вечера мудренее.

„Самовольную отлучку ген. Прасолова из крепости, распоряжение неподчиненной ему местностью и войсками, а равно своеобразное отношение к моим приказаниям и я не мог признать правильным, тем более, что, судя по действиям генерала, нельзя было предвидеть границ его предприимчивости, а потому, во избежание дальнейших осложнений и, принимая во внимание, что, по уверению ген. Усаковского, связь Асхабада с Мервом существует, железнодорожное же сообщение Ташкента с Чарджуем было к тому времени восстановлено н-ком штаба 1-го корпуса ген. майором Лилиенталем я немедленно телеграфировал: „предлагаю вашему превосходительству возвратиться в крепость и обратиться к исполнению прямых обязанноетей коменданта, подчинение вам мервского гарнизона на правах к-ра корпуса прекращаю. Вне крепости предлагаю вам лишь поддержание мер ж.-д. сообщения Мерва с Кушкой. Если нужно содействие Мерва, обращайтесь к н-ку гарнизона или ген. Усаковскому“.

„Одновременно давая ген. Усаковскому указания относительно занятия и эксплоатации войсками линий ж. д. в пределах его корпуса, между прочим, телеграфировал: „никаких полномочий ген Прасолову об об'явлении военного положения в Мервском оазисе не давал и не имел возможности дать. Телеграфирую в Мерва н-кам гарнизона и уезда, чтобы не принимали к исполнению этого распоряжения. Ген. Прасолову предписал вернуться на Кушку“.

„ Н-кам мервского и чарджуйского гарнизонов дано указание: „ген. Прасолов не уполномочен об'являть военное положение, почему такое об'явление с его стороны не должно обращаться к исполнению“.

„ В тот же день выехали на Кушку командированные по моему распоряженню ген.-майор Марков и помощник военного прокурора подполковник Мансветов.

„В Асхабаде предполагали, что железнодорожная забастовка окончилась, а потому врид н-ка Ср.-Аз. ж д. инженер Осипов 4 декабря доносил: „Из Красноводска началось отправление всех положенных по графику поездов пассажирских и товарных. Сведения о приступе к работам вольнонаемных получены со всех станций от Красноводска до Мерва и от Мерва до Чарджуя. В виду прекращения забастовки на участке Красноводск, Асхабад, Мерв, Чарджуй

и Мерв—Кушка, ходатайствую о распоряжении снять военную охрану ген. Прасолова со всех станций, кроме Мерва, Чарджуя и Кушки".

„Одновременно получена депеша от ген. Усаковского: „Прошу распоряжения о расследовании по поводу ряда правонарушений, допущенных ген. Прасоловым в пределах вверенной мне области, и о привлечении его к законной ответственности 443".

„Затем 5 же декабря поступили еще две депеши, ген. Усаковского с жалобами на незаконные действия Прасолова и с просьбой освободить неправильно арестованных им в Мерве и Чарджуе лиц, а также телеграмма н-ка чарджуйского гарнизона полк. Бутвиловского след. содержания: „В виду прекращения забастовки рабочих и служащих в Чарджуе, прошу указаний, должен ли я находиться в подчинении и в каком отношении к ген. Прасолову".

„ Предполагая, что Прасолов все еще находится в Чарджуе, я телеграфировал на имя п-ка Бутвиловского: „Передаю через н-ка гарнизона, т. к. не знаю, имеет ли ген. Прасолов с собой шифр. Всякие распоряжения по ж.-д. прекратите и распустите войска по местам. Арестованных вами в Чарджуе немедленно освободите, также освободите и возвратите с Кушки арестованных вами в Мерве, кроме покушавшегося на вашу жизнь. Шифрованным телеграммам вы должны верить. Устанавливать порядок сношений через офицеров ген. штаба, как вы указываете, никто вам права не дал. Если будете упорствовать в игнорировании моих распоряжений шифром, вынужден буду вас устранить от должности. Начали действовать хорошо, кончаете худо. 974".

„В тот же день получилось вполне неожиданное донесение по телеграфу н-ка каахкинского гарнизона, что ген. Прасолов с пятью ротами, сапермами, казаками и пулеметами, прибыл того же числа в Каахка, никаких распоряжений не отдал, назначил лишь на 6 число общий парад всем войскам.

„ Утром 6 декабря прибыл в Ташкент капитан 5 кушкинского резервного бат. Петров и привез с собою рапорт коменданта от 27 ноября 2254, в коем он просит командировать названного офицера в Петербург для личного доклада государю императору о кушкинских событиях. Означенный рапорт, а равно ответ на него, прилагаю в копиях.

„6 декабря получены след. депеши:

„От ген. Хатова о том, что Прасолов, проезжая через Мерв, из Чарджуя в Каахка, отрешил от командования бат. полковника Юновича, к-ра 7 зак. стр. бат., которого несколько дней перед тем он сам назначил н-ком мервского гарнизона.

„От ген. Усаковского, что ген. Прасолов прибыл и распоряжается там.

„От него же: „Ген. Прасолов продолжает распоряжаться Мервом и ж. д. между Чарджуем, Тедженом и Кушкой. Там же назначает воинские поезда без сношения с н-ком дороги. Телеграммам не верит. Такие его действия препятствуют установлению порядка по линии. Прошу вашего распоряжения".

„Н-ка каахкинского гарнизона: „Ген. Прасолов рано утром уехал с войсками обратно".

„В тот же день мною отдано распоряжение по телеграфу н-кам асхабадского, чарджуйского, мервского и каахкинского гарнизонов: „Полномочия ген. Прасолову относительно подчинения мервского гарнизона прекращаются, равно и произвольное его заявление о под-

чинении ему других гарнизонов. Военного положения нигде не об'-являлось и об'явленное ген. Прасоловым не должно иметь силы."

„Кроме того, н-к окружн. штаба по моему приказанию телеграфировал:

„Генералу Усаковскому, копия н-ку дороги: „Ввиду ходатайства н-ка Ср.-Аз. ж. д. и прекратившейся забастовки, командующий войсками просит сделать распоряжение о снятии войск корпуса с ж.-д. станций, кроме Мерва и Чарджуя. Вообще охрана и занятие станций войсками корпуса должно быть в зависимости от надобности". При этом сообщалось, что в Чарджуй приедет из Керков ген. Моторный с сотней.

„Мерв, вслед ген. Прасолову: „Ввиду просьбы н-ка дороги и оканчивающейся забастовки команд. войсками приказал снять войска с линии Мерв—Кушка, оставив охрану лишь на станции Кушка".

„7 Декабря получил т-му ген. Прасолова, в которой доносилось, что он в Каахке убедился в умиротворении ж.-д. служащих, возвращается оттуда на Кушку, оставляя только два пулемета в Мерве и Чарджуе, где он признает необходимым сохранить военное положение впредь до окончания следствия о возмутительном мятеже. Далее просит утвердить его распоряжение о командировании на Кушку из Мерва саперной роты в виду серьезной необходимости исправить фортификационные недостатки крепостных верхов. Телеграмма заканчивалась словами: „Почитаю священным долгом порадовать ваше превосходительство, донося о превосходнейшем духе всех войск, виденных мною в Мерве, Чарджуе, Каахке, преисполненных верой в истинного Бога и верностью венценосному своему вождю, тезоименитство которого мы, его верноподданные воины, сего дня чествуем".

„Одновременно ген. Усаковский доносил: „Ген. Прасолов арестовал и отправил на Кушку н-ка ст. Теджен Зинченко по неизвестной причине. Усердно ходатайствую об освобождении как Зинченка, так и пяти человек, арестованных в Мерве, которых, несмотря на ваше разрешение, я не мог освободить, т. к. они увезены на Кушку".

„8 декабря получена телеграмма вр. и. д. коменданта Кушки полковника Пешерева, что вызванный следователь дела о Соколове и др. к производству не принял ввиду того, что преступления совершены ими в полосе отчуждения и до осадного положения, а потому дело может быть передано на рассмотрение гражданского, а не военного суда, властью коменданта на основании того, что Зак. обл. состояла в положении усиленной охраны. Решение, какому суду предать обвиняемых, комендантом пока не об'явлено. Комендант в Мерве, куда послан запрос.

„Усматривая одновременно, что ген. Прасолов медлит с исполнением моего требования об освобождении арестованных во время его поездки лиц, я телеграфировал ген. Маркову: „передайте ген. Прасолову мое приказание освободить арестованных в Мерве, Чарджуе, Каахка, об исполнении телеграфируйте 995.

„На другой день получился ответ Прасолова след. содержания: „Получил ваше приказание перед отходом поезда. По возвращении на Кушку 10 декабря рассмотрю вопрос об освобождении привезенных из Пендэ. Положил успокоительное выступление отряда из Мерва до окончательного выяснения обстановки задержать"*). „На что я 9 декабря ответил ему: „Требую безусловного исполнения приказания, переданного в 995 телеграмме".

*) Транскрипция сохранена.

„Девятого же декабря мною получено отношение прокурора ташкентской судебной палаты, которое привожу дословно: „Комендант крепости Кушка 4 декабря арестовал в Чарджуе 11 человек депутатов ж.-д. служащих и препроводил их на Кушку. Нахожу, что об'явленное осадное положение крепости Кушка едва ли дает право Прасолову подвергать аресту лиц, проживающих в Чарджуе, и потому имею честь просить ваше высокопревосходительство не отказать проверить правильность оснований произведенного комендантом ареста, и о результате поверки мне сообщить".

„В тот же день получился рапорт коменданта крепости Кушка 2211, отправленный им еще 24 декабря, в котором Прасолов, представляя копию телеграммы его на высочайшее имя от 20 ноября о происшедших на Кушке событиях, доносит: „При сем представляю вашему высокопревосходительству копию телеграммы на высочайшее имя. Ни почтой, ни телеграфом, в виду забастовок, донести было нельзя. Сделал попытку открыть связь на Ташкент и Асхабад разными путями. Повидимому, ген. лейтенант Усаковский и ген.-майор Хатов во власти заговорщиков. Прошу распоряжений о подчинении гарнизонов Термеза, Керки, Кушки, Пулихатума и Серахса одному лицу; особенно это важно для последних трех пунктов. Продолжительно выжидать и не допускать самозванным управителям распоряжаться, считаю не только вредным, но и преступным для себя. Упустил в телеграмме на высочайшее имя добавить о бескровно совершившемся аресте главных заговорщиков в Кушке. Дополнительно арестованы главные зачинщики монтер Симонов, техник Тадрис, скрыться в Мерве только удалось табельщику Воробью".

„Далее, со стороны ген. Прасолова последовали совершенно неожиданные действия. Так, 9 декабря получилась от него телеграмма: „Донес государю, что в Тахта-Базаре напали несколько афганцев на купца армянина, поранили его и джигита нашего. Прежде в Пендэ проживало не более четырехсот, теперь увеличилось до тысячи афганских выходцев, настроение там тревожное. Приказал выслать из Кушки туда полторы роты, 2 орудия, четыре пулемета, взвод казаков и взвод саперов в качестве авангарда. Из Мерва потребовал батальон, батарею, 2 сотни и роту саперов в виде главных сил и еду сам. Ради обеспечения железной дороги Кушка-Мерв мера эта безусловно необходима. Требую от афганских властей выдачи преступников. В виду перерыва сообщений Кушки с Петербургом, думаю с помощью божией, по соглашению с округом, действовать энергично, что будет способствовать быстрому умиротворению Афганистана, вероломного соседа. Войска вашего величества гарнизонов Кушки и Мерва молодецкие. Перейду государственную границу только в крайности. № 2336. Прошу утверждения моего распоряжения относительно мервского гарнизона. 2338".

„На столь странную депешу я тотчас же ответил: безусловно воспрещаю вам переходить границы. Из Мерва ничего брать не разрешаю. Тахта-Базар не находится в вашем ведении. Предписываю возвратить высланный из Кушки отряд. Если пристав просил вашей помощи, то вышлите в его распоряжение не более сотни казаков.: Затем не выходите из пределов обязанностей коменданта. Государя императора не беспокойте. Вы внешней политикой ие руководите и настоящими затеями приносите безусловный вред. № 1013.

„Одновременно я телеграфировал н-ку мервского гарнизона „Прасолов телеграфирует, что он потребовал от вас отряд Тахта-Базару. Запрещаю исполнение этого требования".

„Того же числа получена от Прасолова старая телеграмма, посланная из Ташкента с копиями н-кам гарнизонов на Кушке, Мерве и Асхабаде: „отставной джигит туркменского дивизиона Мухамед Генов, Джурабай—выехал сегодня в 3 часа из Тахта-Базара, сообщив, что оттуда прибыл агентский чиновник с большим конвоем в человех 500, имел разговор с приставом. В Мургабе также много афганцев".

„На другой день, 10, вновь получил депешу Прасолова: полагаю, что только энергичные действия способны умиротворить вероломный Афганистан. Надо не упускать влияния зимы и возможность несколькими сильными ударами достигнуть того, что будет поздно и трудно с наступлением весны; перейду границу только в крайности".

„Убеждаясь, что ген. Прасолов упорно отказывается выполнять мои указания, и опасаясь от него опрометчивости, какого либо политического инцидента, я тотчас телеграфировал в Тахта-Базар участковому приставу: передайте ген. Прасолову мое приказание немедленно вернуться в Кушку".

„Того же числа мною была получена копия депеши Прасолова на высочайшее имя и депеша н-ка ген. штаба. Текст первой следующий: „Всеподданнейше доношу, что в Тахта-Базаре прибытие кушкинского авангарда подействовало успокоительно. В Балмургабе афганский отряд, в состав которого входят две роты, 4 сотни, 6 горных пушек; н-к этого отряда Абдул-Расуль-Хан стал относиться предупредительно к пендинскому приставу. 11-го сего декабря, возвращаясь в Кушку обратно, оставил в Тахта-Базаре взвод стрелков, в дополнение к бывшему там взводу казаков. Ак-Тепе, бывший опорный пункт афганской позиции в 1885 г, считаю необходимым укрепить, получится отличный форт-застава: обстрел по Мургабской и Кушкинской долинам. Оставляю в Ак-Тепе 3/4 роты и 1 пулемет. По окончании постройки редут Ак-Тепе можно занимать очередным на неделю взводом и пулеметами. Афганцем из-за кровавой мести тяжело ранен приказчик армянин Башхи Душгат Бек-Муратов, ловивший преступника умер также. Случайно убит афганец, задержано 2 причастных к преступлению, главный виновник не разыскан. Маленький кушкинский отряд, благодаря своему превосходному настроению, серд чной верности своему родному господину, представляет внушительную силу. Туркмены, сарыки просят повергнуть к стопам вашего императорского величества чувства беспредельной преданности и крепкой верности".

„Телеграмма н-ка генштаба гласила: „известно-ли вам о предположениях Прасолова, сообщенных им телеграммой сего 9-го декабря, соответствуют ли они обстановке, прошу вас выяснить и оберечь от опрометчивости. Получил ли он разрешение на выезд из крепости".

„На последнюю депешу был мною дан тотчас же след. ответ: „стало известно из полученной от Прасолова копии телеграммы на высочайшее имя 9 декабря. Принял все меры к остановке его предприятия. Ныне отряд возвращен на Кушку. Действия Прасолова были совершенно в разрез обстановке. Разрешения на выезд из крепости не имел. Вызываю Прасолова в Ташкент, где и задержу впредь до прибытия генерала Суботича. На Кушку для врем. исполнения должности коменд. крепости назначен ген. Неелов. 1028".

„Прасолову я телеграфировал: „Предлагаю немедленно выехать в Ташкент для личиого доклада о всем происшедшем за последнее время на Кушке и в Тахта-Базаре".

„12 декабря, ввиду указания, полученного из Петербурга на имя управл. канцелярией ген.-губернатора, я телеграфировал Прасолову: „Министр внутр. дел приказал для безотлагательной разборки организации подстрекателей жел.-дор. забастовки немедленно арестовать главных агитаторов до инженеров включительно. Взять только главарей. Если в числе арестованных вами на линии есть несомненные главари забастовки, то таковых не освобождайте".

„13 числа мною получена депеша Прасолова, отправленная накануне: „Возвратившись на Кушку 11, оставил в Тахта-Базаре полуроту и пулемет. Означенный отряд желательно оставить в Тахта-Базаре и в будущем, производя смену из мервского гарнизона. Относительно арестованных в Чарджуе, Мерве и Теджене осмеливаюсь доложить, что они заподозрены в государственных преступлениях. Если, тем не менее, признаете необходимым выпустить, то, получив ваш ответ, я немедленно выпущу".

„Того же числа н-к Ср.-Аз. ж. д. донес, что арестованные ген. Прасоловым на линии служащие все еще остаются на Кушке, причем, просил моего распоряжения об их освобождении, или если это почему либо невозможно, то просил хотя бы сообщить, за какие проступки они арестованы и на какое время.

„Поэтому и принимая во внимание, что по полученным мною сведениям многие жел.-дор. служащие были арестованы за маловажные проступки, неподлежащие даже суду, я того же числа послал коменданту крепости депешу: „Из отметок в списке, представленном мне подполковником Мансветовым[1]), подписанном капитаном Дмитриевым, усматриваю, что часть арестованных на линии за свои проступки подлежала дисциплинарному взысканию своего начальства, ответственность других по отметкам определить трудно. Поэтому предлагаю вам, совместно с ген. Марковым, список пересмотреть и, выделив обвиняемых в уголовных преступлениях, остальных освободить и отправить на места. Дело же подлежащих уголовной ответственности, в том числе и всех гражданских лиц, арестованных на Кушке, передать прокурору асхабадского окружного суда. Исполнить все в 24 часа и донести мне".

„На эту депешу Прасолов ответил: „гражданские арестованные, обвиняемые в государственном преступлении: Соколов, Морозов, Лазаренко, Симонов, Паркевич, Тодрис, подстрекавшие к мятежу воинских чинов, будут препровождены асхабадскому прокурору по окончании производимого дознания, ввиду опроса множества свидетелей на Кушке и необходимости выяснить участие нижних чинов. Все остальные арестованные по линии теперь же отправляются в Асхабад и передаются прокурорскому надзору для окончательного направления о них следствия. Арестованные мною дисциплинарным порядком на 30 дней совершенно освобождаются 17 декабря".

„15-го декабря мною получена телеграмма н-ка генштаба след. содержания: „Не найдете ли возможным не применять к Прасолову слишком строгих мер за его опрометчивость; может быть, серьезные внушения сделают его более внимательным к исполнению прямых обязанностей, не отвлекаясь тем, что до него непосредственно не касается. Необходимо внушить, что обращение к его высочеству допускается в законе указанных случаях. Ожидаю ответа. 9670".

„Ответ, отправленный 20 числа, был следующего содержания: „Ген. Прасолов прибыл в Ташкент. Сделал ему внушение. Полагаю,

[1]) Командированный на Кушку пом. военн. прокурора.

что впредь не выйдет из границ. Даю ему несколько дней для успокоения и затем отправляю на Кушку. 1115".

„В Ташкенте Прасолов пробыл с 18 по 22 декабря, из его доклада мне не удалось узнать чего либо нового или существенно важного, сверх того, что было уже известно из переписки, а потому, указав ему на его нарушение, выяснив тот законный порядок, которому надлежит следовать, а также нецелесообразность его требования сноситься через офицеров при наличии средств сообщения и получив от него заверение в полной готовности следовать моим указаниям, счел возможным отпустить его при условии, что он обратится к прямым своим обязанностям. 20 декабря военный прокурор представил мне т-му арестованных Прасоловым на Кушке 5 лиц на имя помощника военного прокурора подполковника Мансветова след. содержания: „Сидим под арестом месяц, дальнейшей судьбы никто не об'являет. Доведенные до отчаяния, покорнейше просим вашего ходатайства об освобождении нас под поруки. На это мною предписано вр. и. д. коменданта крепости по телеграфу: „Я вам уже предписал передать дело Соколова и др. прокурору асхабадского окр. суда. Телеграфируйте исполнено ли. Еще раз подтверждаю неуклонно и немедленно исполнить, передав дело и самих арестованных в распоряжение прокурора асхабадского окр. суда, не отправляя арестованных в Асхабад". О том же приказал об'явить и арестованным. Означенные распоряжения были Пещеревым немедленно выполнены. Ввиду упорства ген. Прасолова, настаивавшего, несмотря на мои приказания, о передаче дел Соколова и др. не гражданскому, а военному суду, я 26 декабря вновь телеграфировал ему: „Я вам лично указал на обязательность передачи дел, а следовательно, и распоряжения над арестованными Соколовым и др. прокурора асхабадского суда. Дело вы передали, а требование прокурора об освобождении арестованных отказываетесь исполнить, ссылаясь, что это сделаете лишь по высочайшему повелению [1]). Телеграфируйте мне немедленно, угодно ли вам руководствоваться моими раз'яснениями и исполнить немедленно требования прокурора или нет, дабы я мог обратиться к государю императору с соответствующим представлением. 1159". Ответ гласит следующее: „Донес военному министру копию ген. Суботичу, следующее: За десятидневное мое отсутствие по вызову начальства в Ташкент неоконченное следственное производство без моего ведома из Кушки направлено по телеграмме ген. Сахарова в Асхабад гражданскому прокурору, который требует освобождения. Ввиду сочувствия подпоручика Андреева и других воинских чинов, передачу дела признаю правильным только военному прокурору. Ген. Сахаров телеграфирует исполнить требование гражданского прокурора. В силу высочайшего повеления, выраженного мне вашей телеграммой 615 [2]), решительно не имею возможности подчиниться сказанному требованию по освобождению вожаков кушкинского мятежа. 2615".

„31 числа получил от военного министра такой запрос: „Телеграфируйте, по какой статье уголовного уложения привлечены виновные в мятеже в Кушке, сколько обвиняемых гражданских лиц и военных, по каким основаниям дело передано гражданскому прокурору и почему предполагаете освободить из под стражи арестованных. Известна ли вам моя телеграмма коменданту Кушки № 615 и имеете ли вы в виду статью 17 положения об усиленной охране № 949".

---

[1]) Телеграмма ген. Прасолова прокурору асхабадского суда.
[2]) С высочайшим одобрением действий ген. Прасолова.

„На приведенный запрос 2 января с./г. мною донесено: „Вопрос направления дела своевременно мною обсуждался с прокурорами военным и судебной палаты. На Кушку посылается помощник военного прокурора. Все признали дело подлежащим гражданским судебным учреждениям, так как преступление совершено ранее об'явления крепости в осадном положении. Последний, рассмотрев дознание, полагал, что из всех гражданских, может быть, будет привлечен лишь один. Обвинение, пред'явленное комендантом, привлекло бы виновных по ст. 130 и 131 уголовного уложения. Прокурор асхабадского суда требует освобождения арестованных, потому что не нашел состава преступления. Ст. 17 уложения усиленной охраны имею ввиду и потребовал дознание на просмотр. Телеграмма ваша за № 615 мне известна. Обвиняемых гражданских 6, из военных мне известны 3 офицера, о низших чинах запрошен комендант, но ответа нет № 2".

В дополнение последней депеши от 8 ноября телеграфировал военному министру: „В видах 17-й ст. положения охраны рассмотрел с военным прокурором расследование по мятежу в Кушке. Формулировать обвинения против большинства совершенно невозможно. В надежде, что формальное следствие даст что-либо осязательное, возвращаю прокурору судебной палаты для назначения следствия, т. к. Прасолов, после принесения на меня жалобы вашему превосходительству, утвердился в неисполнении моих приказаний по данному вопросу, то прошу дать ему непосредственные указания, какие признаете нужным; я ничего предпринять не могу и устраняюсь от этого дела. Генерал-лейтенант *Сахаров*"*).

Итак, в конце концов, Сахарову пришлось опустить руки перед Прасоловым. Да и на самом деле, трения, возникшие между вр. и. д. команд. войсками округа и комендантом крепости Кушка, не имели никакого принципиального характера. Это были просто интриги из за старшинства по начальству. Сам Сахаров в борьбе с забастовочным движением принимал точно такие меры, как Прасолов. Мы уже остановились на том, как жестоко Сахаров расправлялся в Ташкенте с забастовавшими солдатами ташкентского резервного батальона, а 3 декабря 1905 г. Сахаров отправляет военному министру след. телеграмму:

„Забастовки ж. д. начинают входить в обычай и в руках революционеров обращаются в способ давления на правительство. Настоящая забастовка в округе об'явлена в целях мести администрации за подавление мятежа ташкентского резервного батальона. Для успеха борьбы ходатайствую о предоставлении мне права об'являть в период забастовок железной дороги округа на военном положении с призывом на службу запасных служащих на дороге, с правом получать то содержание от дороги, которое получали до призыва, и с обязательством содержать себя за свой счет. За проступки отчислить кадры рот с зачислением на довольствие казны".

О деятельности н-ка Зак. обл., ген. Усаковского, который за время забастовки проявлял себя в качестве нейтрального зрителя и воздержался от применения каких бы то ни было репрессивных мер против бастующих рабочих, но хлопотал об освобождении арестованных Прасоловым,—Сахаров представил Суботичу подробный доклад, в котором обвинял Усаковского в сочувствии революционерам, в поддержке забастовщиков и пр. и пр. Все это свидетельствует только о том, что ноябрьская забастовка на Ср.-Аз. ж. д. принимала такой грандиозный размах, что даже у самих начальствую-

*) О «Прасоловщине» см. «Кр. Лит. Туркестана» № 1—2 ст. А. Паренкова.

щих верхов концы с концами перепутались до того, что они не были в состоянии даже познать и понять друг друга.

Ноябрьская забастовка представляет из себя последнее и самое крупное звено, которым заключается 1905 г. в Зак. обл.

Действительная реакция, как и в центральной России, в Закасп. обл. фактически, также начинается с начала 1906 г.

Глава III.

1906 год.

Следующий год был для революционных групп Туркестана годом планомерной и широко-организованной деятельности. Явных признаков такой устойчивости в материале рассматриваемой литературы много. Хотя общее количество установленных для 1906 г. нелегальных изданий (92 экз.) и немного превышает число 1905 г. (86 экз.), но в 1906 г. работают уже вполне оформившиеся группы, партии не смешиваются в издательском деле, появляются новые для Туркестана организации, публикующие свои уставы: всероссийский ж.-д. союз, революционный союз учащихся, группа анархистов, внепартийный всероссийский союз военнослужащих с девизом „Армия —народ. 14 декабря 1825 г.“ и проч. Партийные группы развили свою работу и вширь и глубь, вместо 3 городов для 1905 г., в 1906 г. мы находим издание в 6 городах края (Ташкент, Коканд, Асхабад, Самарканд, Чарджуй, Кизил-Арват), партии выделяют филиалы для специальных целей: военные партийные группы, профессиональные союзы, боевые дружины и проч. Организован Красный Крест для помощи политическим заключенным, выпускающий периодические отчеты.

Тираж изданий повысился, и самая техника издательства, несомненно, поднялась: в 1905 г. лишь 35 проц. всех изданий отпечатано в типографии, остальные воспроизведены на гектографе, ротаторе и проч., тогда как в 1906 г. уже 83 проц. всех изданий отпечатано типографским путем. Наконец, в 1906 г. мы находим 6 периодических изданий, всего в количестве 13 №№, из которых некоторые широко поставлены и продолжали выходить в последующие годы*).

В феврале 1906 г. состоялась первая с.-д. краевая конференция, организовавшая всю работу с.-д. в Туркестане.

С.-р. проявляют усиленную террористическую деятельность, организуют целый ряд крупных экспроприаций.

Ж.-д. союз проводит в июне делегатский с'езд в Ташкенте.

С.-д. и с.-р., в своей издательской работе самое большое место отводят солдатской печати.

Так, с.-д. издают „Солдатский Листок Правды“ в Ташкенте с тиражем всего в 44 тысячи экземпляров, №№ 1, 2, 3, 4, 5, размером от 5 до 8 страниц каждый.

„Солдат“ № 1 в Асхабаде и целый ряд прокламаций и воззваний, обращенных к солдатам.

С.-р. также через „союз военнослужащих“ развивают издательскую деятельность, обслуживая солдат.

Ими издан № 1 журнала „За народ“ в 12 стр. и несколько прокламаций. Вместе с тем, и та и другая партии ведут усиленную устную агитацию в войсках, втягивая солдат в партийную работу.

---

*) Так характеризует 1906 г. библиограф нелегальной литературы в Туркестане А. Черновский. „Коммунист“—ежемесячник ЦК КПТ № 7—8 авг.—сентябрь 1922 г. стр. 100.

„Одной из особенностей туркестанских колониальных революций является тесная связь в участии в революционных событиях пришлого элемента российского пролетариата, в первую очередь, в лице железнодорожников, с таким же пришлым элементом—солдатами российской армии", говорит т. С. Д. Муравейский в предисловии к воспоминаниям т.т Токайшвили и Лукьянова о революционном движении 1903—1907 г.г.

„В Туркестане, говорит далее т. Муравейский, как и вообще в колониях, войска, закинутые на далекую окраину, подчас предоставленные сами себе, легко выходили из подчинения „начальства" и тем самым являлись несомненным активным революционным элементом. Лишь в Туркестане, в период революции 1905 г., мы видим такое значительное количество „солдатских волнений", „бунтов" и проч. Нигде в России в период 1905 г. войска не были так революционно настроены, как в Туркестане".

Эта революционность была использована с.-д. очень широко.

В воспоминаниях т. Лукьянова и в обработке этих воспоминаний т. Муравейского, кратко дана справка о ходе „солдатских волнений" в июне 1906 г. в г. Асхабаде*).

От имени с.-д. в военной организации работал т. Метревели. В войсках велась кружковая работа. В начале мая 1906 г. с.-д. организация рассматривала проект устава военной организации и требования солдат.

Т. Муравейский использовал обвинительный акт по делу о восстании ж.-д. батальона.

Мы приводим некоторые материалы канцелярии генерал-губернатора и судебного следствия.

Телеграмма, посланная в Ташкент из Асхабада 17-го июня 1906 г., извещает командующего войсками, что: „13-го июня во 2-м стрелковом баталионе баталионным судом были приговорены к отдаче в дисциплинарный баталион три нижних чина 1-й роты за нарушение особых обязанностей караульной службы, результатом чего был побег арестанта. Многие из нижних чинов этой роты заявили протест на суровость приговора.

„К этому протесту затем присоединился весь баталион, заявив еще 35 требований, касающихся улучшения быта и облегчения службы.

„Командир баталиона, выслушав заявление, дал обещание, по обсуждении, удовлетворить законные требования.

„На другой день 14-го июня, баталион отбывал караульные наряды вполне исправно.

„15-го июня в баталионе состоялся митинг, на котором нижние чины потребовали удаления офицеров, избрали из своей среды командира баталиона и друг. должностных лиц.

„16-го июня я счел нужным лично проверить настроение баталиона и выслушать требования нижних чинов.

„Предложение мое возвратиться к законному порядку, несмотря на мое обещание удовлетворить некоторые из требований, которые я признал возможным, не дало желаемых результатов и баталион не подчинился моему предложению.

„Тогда же я посетил 3-ю роту 1-го жел.-дор. баталиона, настроение коей в высшей степени наглое и революционное.

„Сегодня же днем, по просьбе начальника жел. дороги, ввиду возможности забастовки, мною был выслан на вокзал 3-й стрелковый баталион.

*) „Коммунист" № 7—8 стр. 113—129.

„Занятие вокзала стрелками вызвало волнение в 3-й роте 1-го жел.-дорожного баталиона, которая, разобрав ружья, с криком ура, бросилась к стрелкам, принятая стрелками.

„К нижним чинам присоединилась толпа рабочих и две роты 3-го стрелкового баталиона, увлеченные железнодорожниками, в рассыпную шли с вокзала в свои казармы, где вечером состоялся митинг, на котором нижние чины решили держаться образа действия 2-го баталиона. Для усиления гарнизона вызвал из Мерва один баталион казаков и кубанскую батарею из лагеря".

Этот сухой текст телеграммы генерала Косаговского довольно сильно оттеняет настроение солдатской массы.

Выражение: „Потребовали удаления офицеров, избрали из своей среды командира баталиона и друг. должностных лиц", говорит ярко о той накаленной атмосфере, которая царила в частях.

Генерал прямо телеграфирует, что баталион, несмотря на его обещания удовлетворить некоторые требования, не подчинился ему.

Обалдевший от такой неудачи, генерал Косаговский констатирует только, что настроение солдат в высшей степени наглое и революционное.

В следующей телеграмме Косаговский просит предоставить ему под его личную ответственность полную свободу действий.

Волнения развивались все быстрее и быстрее и, захватив 2-ой стрелковый баталион, перекинулись в 3-й баталион, охватили восстанием 3-ю роту железнодорожного баталиона, кушкинскую железнодорожную роту и достигли батареи.

Вне всякого сомнения, такая солидарность между отдельными частями обслуживалась подготовительной работой в этом направлении среди солдат и в смысле их спайки и выставления категорических требований не только защиты своих товарищей от произвола начальства, но и требований экономического характера с определенной политической подкладкой.

Перечитывая секретную переписку 1906 г., можно заметить, что солдатскую массу далекого Закаспия охватило настроение недовольства и протеста.

Это настроение при всяком удобном случае получило соответствующее выявление.

Случай осуждения баталионным судом нескольких сослуживцев сразу всколыхнул и поднял на ноги весь гарнизон.

По справке судебной части от 19/VIII—6 года видно, что различного рода недовольства имели место еще в 1905 г.

Имеются даты от 23-го октября, 16 и 17-го ноября т. г.

Восстанию же 13-го июня 1906 г. предшествовало волнение в железнодорожном баталионе 5-го июня 1906 г.

Вот рапорт от 13-го июня 1906 г. командира баталиона начальнику туркестанской железнодорожной бригады.

„Брожение среди нижних чинов 2-ой роты вверенного мне баталиона и прикомандированных к ней для несения железнодорожной службы на ст. Асхабад других рот обнаружилось еще 5-го июня, когда нижние чины собрались самовольно в помещении бывш. воскресной школы в числе 250 чел., вызвали меня по телефону прибыть к ним и заявили ряд претензий. . . „Эти претензии, предъявленные командиру баталиона полковнику Антипину, были следующего содержания: 1) чтобы строевые занятия производились два раза в месяц, а не четыре, т. к. им трудно и работать на дороге, и ходить на строевые занятия; 2) чтобы нижних чинов, работающих на доро-

ге, назначили по их специальностям, а в противном случае лучше бы сняли с дороги; 3) увеличение платы чернорабочих с 20—25 коп. в сутки до 60, как установлено в других депо; 4) нижние чины заявили, что командир роты капитан Спектор строг и накладывает за очень маловажные проступки строгие взыскания и поэтому просили о назначении себе отдельного офицера; 5) просили о выдаче, вместо готовых сапог, выдавать материалом".

Когда на следующий день, т. е. 6-го июня, командир баталиона, пригласив к себе на квартиру командира роты, спросил его: „Не было-ли собрания нижних чинов 5-го июня на политической подкладке", последний ответил: „Определить трудно, но, судя по настроению, что-то есть".

Что, именно, есть, капитанская голова, видимо, не могла себе ясно представить, но что касается поддержания строгой дисциплины, то это представлялось ясно: „если хотите иметь вид простой рабочей казармы, говорит он баталионному командиру, то предоставьте им действовать по их усмотрению, а раз об'является в приказах по гарнизону и по баталиону требование о поддержании строгой дисциплины и порядка, я поставлен по долгу службы в необходимость поддерживать это, но в то же время вхожу в положение, что того порядка, как в строевых частях, от них требовать нельзя".

Как он наводил по долгу службы дисциплину, видно из заявления самих солдат, где говорится, что капитан ставил под ружье ежедневно до 60-ти нижних чинов.

Поддерживать дальше „такой порядок" командир баталиона, при создавшейся обстановке, не решился и требования солдат по 4-м пунктам были удовлетворены.

Солдатам указали на незаконность сборища, призвали их к спокойствию, повиновению и исполнению долга.

После удовлетворения всех требований солдаты успокоились.

Не успел командир железнодорожного баталиона уладить с 3-й ротой, как ему было предписано начальником бригады отправиться в Кушку, где на 10-ое июня предполагалось вооруженное восстание всего гарнизона, что видно из рапорта начальника бригады генерала Ульянина от 15-го августа 1906 г.

В среде солдат кушкинской ж. д. роты асхабадский комитет с.-д. давно уже вел работу.

Чем кончилась эта поездка и какие формы приняло в Кушке волнение, к сожалению, в материалах следов нет.

Есть указание только на то, что 14-го июня командир баталиона вернулся из Кушки.

К этому дню в Асхабаде уже разгоралось вооруженное восстание гарнизона.

В следственном материале это восстание именуется „бунтом". (Следственный материал военного прокурора генерал-майора Ринкевича от 9 го августа 1906 г.).

Зачинщиком этого бунта был 2-ой закаспийский стрелковый баталион, хотя главным действующим лицом была 3 рота 1-го закаспийского ж.-д. баталиона, где работал чрезвычайно решительно с.-д. Метревели под руководством местной с.-д. организации*).

Дело рисуется так: „13-го июня около 12-ти час. дня в помещении 1-ой роты 2-го закаспийского стрелкового баталиона явились младший унтер-офицер Симченко, ефрейтор Капарев и рядовой Беляков,

*) См. Муравейский. „Коммунист" № 7—8.

только что осужденные баталионным судом. Вместе с ними пришло много нижних чинов 2-ой роты, чтобы узнать о том, какой приговор вынесен баталионным судом. Рассказ осужденных вызвал волнение среди нижних чинов, которые, выйдя на двор, решили послать за командиром 1-ой роты чтобы потребовать от него об'яснений по поводу строгости приговора. Капитан Осипов, приехав в казарму, застал на дворе толпу нижних чинов 1-ой и 2-ой рот. Капитан Осипов приказал своей роте войти в казарму... Капитан Осипов трижды повторял отданные им приказания, но они все-таки не были исполнены. Тогда командир 1-ой роты заявил нижним чинам, что он в таком случае уйдет. На это послышались крики: „уходи, куда хочешь“ В это время на двор прибыл командир баталиона полковник Крыжановский. На приветствие командира баталиона 1-я и 2-я роты не ответили.

Офицерская каста не могла ничего поделать с этим нарушением воинской дисциплины.

Полковник Крыжановский, видя, что разговаривать со всеми опасно, приказывает избрать представителей, с которыми он мог бы переговорить. Дальше следствие рассказывает, „что в ответ на это выступили вперед младший унтер-офицер 2-ой роты Иванкин и стрелок той-же роты Дмитрий Егоров.

Оба они говорили с командиром баталиона в весьма грубой и резкой форме, а Егоров, кроме того, по временам обращался к баталиону: „правда-ли, братцы?“. На это слышался ответ: „Правда“.

Полковник Крыжановский обещал нижним чинам смягчить приговор баталионного суда и, проговорив около часа, ушел, приказав ротам разойтись, что было исполнено, хотя и неохотно.

Пока он разговаривал с 1-ой и 2-ой ротой, 3 и 4 роты уже волновались.

Проделав ту-же процедуру обещаний в 3 и 4 роте полковник собирался было уезжать, как на встречу ему подошла 1-ая и 2-ая рота под командой фельдфебеля с винтовками, имея по 15 патронов каждый.

Забрать винтовки им удалось только силой; соединиться с 3 и 4-й ротой их заставило желание заступиться за своих осужденных товарищей.

Парализовав совершенно вмешательство офицерства, весь баталион собрался под деревьями у стола 3-й и 4-й роты и заставил писаря Белова записывать то, что ему говорили окружающие стол люди.

На этом собрании присутствовала охотничья команда, приглашенная прибыть с ружьями в баталион. Во время составления требований командир и офицеры прохаживались невдалеке от стола.

Занимательная картинка.

Голоса потребовали удаления вовсе офицеров. Офицеры ушли в канцелярию. Насколько серьезно относились солдаты к составлению требований, видно из того, что вокруг стола, на котором писали требования, были поставлены часовые.

Приехавший в это время комендант города не был допущен даже к столу. Ему пришлось ждать окончания составления требований.

Оградив себя от вмешательства, влияния и агитации со стороны своих командиров, собравшиеся спокойно и деловито занялись выработкой своих требований.

Закончив свою работу, баталион выслушал коменданта города и заявил ему, что выработанные требования будут представлены командиру корпуса.

После этого все разошлись.

В 9 час. вечера через полковника Крыжановского был представлен командиру корпуса следующий протокол:

„Протокол собрания нижних чинов 2-го Закаспийского Стрелкового баталиона, состоявшегося июня 13-го дня на плацу 3-й и 4-й рот сего-же баталиона . Мы, нижеподписавшиеся, нижние чины 2-го Закаспийского Стрелкового баталиона, в числе 580 чел., заявили следующие требования:

1. Приговор баталионного суда от 13-го июня о младшем унтер-офицере Сергее Симченко, ефрейторе Капареве, Степане и Василии Белякове уничтожить.

2. Отменить обвинение в баталионном суде на младшего унтер-офицера—Семко, ефрейтора Касимовского и стрелков Шнейдера, Пржитула и Петра Нечаева.

3. Освободить от гарнизонной гауптвахты стрелка Антона Колтунова, содержащегося за политические дела, немедленно.

4. Пересмотреть дело баталионного суда о стрелке Напржицком.

5. Восстановить унтер-офицеру Голикову прежнюю должность с переводом в первую роту.

6. Отменить стрелкам Лисицыну и Голеву арест на 20 суток.

7. Свободное увольнение со двора по усмотрению старших из нижних чинов.

8. Сейчас-же возбудить ходатайство о переводе в другую часть подполковника Бек Узарова.

9. Улучшить печение хлеба, для чего выдавать пшеничную муку.

10. Лишнюю казенную прислугу у г.г. офицеров отобрать в роты для несения службы.

11. Старослужащим нижним чинам сейчас же выдать новые одеяла.

12. Немедленно выдавать положенное по приказу и в хорошем качестве.

13. Отменить несение нижними чинами полицейской службы и окарауливание начальствующих лиц.

14. Сделать хорошую прачешную в 1-й и 2-й ротах, а также и столовую.

15. Ни на какие работы нижних чинов не посылать, кроме мелких хозяйственных.

16. Заменить все негодные чембары.

17. Отправлять обязательно через две недели в баню.

18. Выдавать деньги за летние фуражки по 1 руб. 20 коп.

19. Устроить хорошие библиотеки и не воспрещать читать газеты и книги по усмотрению солдат.

20. После караула давать полный отдых на одни сутки.

21 Уменьшить караульный наряд в баталионе, а также ночной обход в нем же.

22. Вежливое обращение офицеров с нижними чинами.

23. Выдавать летние одеяла в хорошем виде.

24. Завести хорошее освещение в казармах и помещениях баталионов.

25 Завести швабры или щетки для заметания полов.

26. Беспрепятственно допускать посещение баталиона посторонними лицами, так и вольными своих земляков.

27. По исполнении требований никого не преследовать, т. к. дело сделано общим согласием баталиона.

28. В праздничные дни не назначать на работу.

29. Никогда не выдавать сухарей в пищу.

30. Немедленно выдавать суточные деньги нижним чинам и охотничьей команде.

31. Через день варить рисовую кашу с хорошей кладью масла или сала.

32. Ходатайствовать о немедленном увольнении нижних чинов 1903 г.

33. Устроить в караульных помещениях хорошие нары с мягким изголовьем.

34. В дальние караулы обязательно пищу возить в походных кухнях, устроив для разлива хорошую посуду.

35. Завести хорошую постельную принадлежность с хорошей набивкой свежего сена. Срок исполнения этого требования должен быть об'явлен всему баталиону 15-го сего июня в 4 часа пополудни.

Захар Илугин, баталионный писарь, Егоров младший унтер офицер, Иванкин, Голиков и стрелок Егоров".

В эти требования не вошли требования, высказанные на собрании стрелком Егоровым о том, что правительство обманывает всех, расстреливает их отцов, братьев, не дает государственной думе улучшить быт крестьян.

Требование учедительного собрания, земли и воли письменно не были выражены.

День 14 го июня прошел спокойно.

15-го июня всему собравшемуся баталиону было об'явлено, что из всех требований можно удовлетворить одно, где говорится о покупке веников.

Ответ умопомрачающий.

Покупкой веников думали верные служаки царя вполне удовлетворить все запросы солдат.

Неизвестно, чего здесь было больше: тупоумия или издевательства над солдатом

В ответ на это был об'явлен бойкот и офицерство удалено.

Солдаты из своей среды выбрали командиров и писарь Белов со стола прочитал воззвание.

В этом воззвании солдаты приглашались бороться за свободу и настаивать на исполнении своих требований. Кроме этого, порицались действия правительства, отклоняющего требования государственной думы, не дающего крестьянам земли и всячески угнетающего народ.

В ночь с 15-го на 16-ое июня состоялось совещание выборных, на котором было решено продолжать забастовку. От выборных и нового начальства был послан стрелок 3-й роты в Фирюзу с запиской, которой предписывалось музыкальной команде и находящейся в помощь полиции команде немедленно явиться в Асхабад.

Ни музыкантская команда, ни полицейская, благодаря вмешательству капельмейстера, в Асхабад не поехали.

16-го июня днем приехал сам командир корпуса генерал Касоговский уговаривать солдат, обещая им полное прощение, если они явятся к нему с покаянной до 6-ти час. вечера.

Однако-же, с раскаянием к генералу никто не пошел, т. к. все были убеждены, что обещания генерала останутся только обещаниями.

К 5-ти часам вечера было получено известие, что 3-й баталион пошел на станцию обезоруживать нижних чинов железно-дорожной роты.

Следствие описывает это так: „На поддержку железно-дорожным солдатам против 3-го баталиона были посланы 1-я и 2-я роты, которые и отправились под начальством своих выборных командиров. Перед отправлением во 2-ой роте был штатский Нестеров (судя по воспоминаниям т. Токайшвили, с.-р.), переодетый в форму унтер-офицера конвойной команды.

На станции к приходу 1-й и 2-й рот собралась большая толпа нижних чинов 4-й, 3, 2-ой и 1 стрелкового баталиона, железнодорожного баталиона, артиллерийского и друг. Были и штатские.

Кроме того, были две женщины, из которых одна со стриженными волосами сидела раньше в областной тюрьме.

Простояв некоторое время на станции, толпа направилась к казармам 3-го баталиона, но неподалеку от казармы 1-го баталиона в толпе кто-то выстрелил. Этого было достаточно, чтобы вся толпа бросилась бежать. Некоторые лица старались удержать толпу, и среди них особенно выделялся какой то татарин в длинной одежде, войлочной шапке и с длинной палкой в руках.

Часть нижних чинов направилась в казармы 2-го баталиона, где состоялся митинг с участием посторонних лиц. Большая же часть толпы сгруппировалась около казарм 3-го баталиона и пыталась проникнуть во двор, куда ее приглашали некоторые нижние чины 3-го баталиона. Отсюда нижние чины 1-й и 2-й рот, а также и человек 200 солдат железнодорожного баталиона направились на двор 3-й и 4-й рот 2-го баталиона. С ними пришло много посторонних лиц. Здесь состоялся митинг, на котором ораторами были, главным образом, нижние чины железнодорожного баталиона. Из числа чинов 2-го баталиона говорили унтер-офицер Игнатьев и рядовой 2-ой роты Егоров, уговаривавшие нижних чинов держаться твердо и настаивать на своих требованиях. Говорил и какой-то статский на тему о необходимости поддержания строгой дисциплины во время забастовок и о том, что солдаты добьются всего, если они только будут смелыми и настойчивыми. Часов в 7 с половиной вечера роты разошлись по своим помещениям. Пришедшие на вокзал 1-я и 2-я роты 2-го баталиона действительно застали там 3-й закаспийский стрелковый полк, который выслан был для охраны в случае железнодорожной забастовки.

Прибытие на вокзал 3-го стрелкового баталиона сильно взволновало 3-ю железнодорожную роту, которая немедленно же и вооружилась. Она давно горела желанием присоединиться к волнению 2-го стрелкового баталиона и не хуже его игнорировала всякого рода увещания со стороны своего командира полковника Антипина.

По поводу попыток присоединиться к стрелкам 2-го баталиона он говорил им: „Никаких сторон не может быть, ибо мы служим одному царю. Если у вас есть какие-либо просьбы или желания, то мы можем решить и обсудить у себя дома сами, без посторонних. Могу-ли я на вас надеяться?“ В ответ на это было гробовое молчание, только раздались голоса: „Где бумага?“. И полковнику подали сложенную бумагу, заключающую в себе требования нижних чинов.

Требования были изложены в 35-ти пунктах [1]).

Впереди пунктов бы такой заголовок: „Мы, солдаты 1-го закаспийского железнодорожного баталиона, заявляем вам, командиры, что мы больше не хотим быть бесправными людьми, на которых вы смотрите, как на рабочую скотину, эксплоатировать и издеваться над

[1]) Опубликованы т. Муравейским. «Коммунист» № 7—8 за 1922 г.

которой может всякое начальство, поэтому мы заявляем протест против такого положения".

А вот, что требует первый пункт: „Освобождение арестованных и восстановление в правах всех товарищей, пострадавших за политические убеждения", а 2-й пункт преследует поднятие звание солдата, о чем так много болтали впустую все начальствующие. Этот пункт просто разрешает вопрос: „Отобрание от офицеров всей казенной прислуги, как-то: денщиков, вестовых, т. к. такая роль не соответствует званию солдата". И дальше 4-й пункт: „вежливое обращение начальствующих с нижними чинами и обязательное обращение на вы, т. к. обращение на „ты" является пережитком крепостного права", а 8-й пункт оберегает достоинство человека вообще: „отмена статьи устава, навязывающей солдату лакейские обязанности, как-то: подавание галош, пальто, отворение дверей и т. п.".

Не менее интересны еще следующие пункты:

9) Немедленно же прекратить пользование войсками в полицейских целях, как-то: участие в арестах, обысках и т. п.

12) Устройство баталионных и ротных библиотек и выписка любых газет и книг по выбору самих солдат.

13) Отменить статьи устава, предоставляющие право начальствующим вскрывать солдатские письма.

15) Полная свобода посещения всякого рода собраний и признать законным право устройства солдатских собраний для обсуждения своих нужд.

17) Установить в баталионных и ротных мастерских 6-ти часовой рабочий день.

23) Выяснить обстоятельства снятия с дороги семейных нижних чинов и ареста троих из них. Немедленно восстановить в правах.

24) На будущее время на поверках об'являть об арестах нижних чинов, кто кем и за что арестован.

29) Нижним чинам, служащим на дороге, установить плату не менее 60-ти копеек в день.

35) Выставляя наши чисто-солдатские требования, мы заявляем, что, кроме них, мы, вместе с народом, будем добиваться исполнения всех требований, пред'явленных государственной думой. Исполнение наших требований ожидаем до 4-х час. дня 18 июня с. г.

Несколько выше. мы видим, что стрелковый баталион политических требований письменно не изложил, железнодорожный же ярко подчеркнул эти требования и письменно.

Даже сам командир обратил особое внимание нижних чинов на заявление политического характера, напомнив им о том, что войска должны быть нейтральными и не могут заниматься политическими вопросами. На это рядовой Игнатьев заметил: „А свержение с престола Петра III-го, Екатерины Великой, разве было без участия войск".

Ответ на ответ. Немного ошиблись господа командиры, продолжая видеть в солдате просто безграмотное существо. Проглядели немного, как у них под носом рос и политически развивался серый солдат, но он не только развивался, а и закалялся в решимости все перенести, ради освобождения от кабалы.

В отношении ответственности нижние чины заявляли, что „они готовы перенести всевозможные кары, до каторжных работ включительно".

Вместо удовлетворения пред'явленных железно-дорожным баталионом требований, командир корпуса генерал Касоговский заявил им: „что это тяжкое преступление, что на это подталкивают их не-

годяи, забывшие долг службы, и что он за них походатайствует перед государем о помиловании, если они опомнятся и вернутся к порядку".

На это рядовой Игнатьев ответил: „Вот вы приехали к нам и первым долгом ищите каких-то главарей, дабы распорядиться их арестовать и держать в тюрьме, как правительство держит 72.000 славных борцов за свободу, и вы также готовы перестрелять нас, как это сделало правительство с нашими отцами и братьями и делает теперь". Добиться генералу ничего не удалось и он со словами: „Братцы, опомнитесь, пока есть время", вышел из толпы. На этой беседе генерала присутствовало много рабочих и вообще публики.

День 16-го июня был наивысшим пунктом возбуждения частей. После прибытия на поддержку железнодорожникам 1-й и 2-й роты все об'единились в одно. Железнодорожный баталион устроил даже братание со стрелками.

Следствие так рассказывает про это: „Многие стрелки целовались с нижними чинами железнодорожного баталиона, жали руки, обнимались, выражая полную солидарность, и у многих были смеющиеся лица... В толпе стали робко запевать революционные песни, раздавались одиночные выкрики „бей офицеров, бей вампиров". Было много людей, которые разжигали нижних чинов.

От вокзала части двинулись по городу, по пути окружавшая вольная публика кричала „ура". Был устроен об'единенный митинг, на котором один вольный читал требования и их одабривали.

Того же 16-го июня в лагере в урочище Ак-Тепе поднималось тоже волнение. Днем какой-то вольный в малиновой рубахе разговаривал с нижними чинами. К вечеру этого дня в Фирюзе нижние чины 1-го и 2-го закаспийского железнодорожного баталиона, прикомандированные к роте, самовольно завладели подвижным составом, 3-мя паровозами и на 2-х поездах приехали в лагерь Ак-Тепе, увлекли всех нижних чинов, разобрали ружья, патроны и собрались в казарме для обсуждения своих действий. Когда они приехали в Ак-Тепе, то были встречены громкими криками „ура". Прибывшие перемешались с встречавшими и образовали несколько отдельных кучек, в которых стали горячо обсуждать положение дел. Спустя некоторое время, все вооружились, „их благородие" попросили удалиться. Приехавший вечером подполковник Деханов, обращаясь к роте, начал было говорить, но был прерван: „никаких советов, мы будем говорить с вами завтра. Завтра позовем, а теперь уходите. Оставьте нас".

На следующий день ротному командиру были переданы требования, изложенные в 19-ти пунктах.

Протокол этих требований начинался так: „Собрание нижних чинов кушкинской полевой железнодорожной роты и прикомандированных команд 1-го и 2-го закаспийских железнодорожных баталионов, находящихся на Фирюзинском под'ездном пути, обсудив на общем собрании, решили пред'явить командиру нижеследующие требования:

Почти все 19 пунктов носят чисто экономический характер; той остроты политического свойства, которую мы видели в требованиях железнодорожного баталиона при станции Асхабад, здесь нет. Небезинтересно все таки отметить следующие требования:

Пункт 1. Назначить жалованье за обслуживание Фирюзинского под'ездного пути всем без исключения по 5-ти руб. в месяц, выдать немедленно за май месяц, а в будущем производить уплату ежемесячно.

Пункт 2. Выдать немедленно 1-й команде за сверхурочные часы в апреле месяце.

Пункт 9. Немедленно освободить из-под ареста рядового Габричидзе и снять надзор с рядовых Шапалова, Суркова, Кочева, Кобзева, Лапина, Царькова, Сафьянова и Першина.

Пункт 17. Удаление завед. движением штабс-капитана Чечелова, как несоответствующего своему назначению, и всех офицеров других частей.

Пункт 19. Мы единогласно решили прекратить движение и все работы на Фирюзинском пути и всякие сношения с господами офицерами, за исключением довольственных надобностей",

Кроме стрелкового баталиона и железнодорожных, в волнениях принимали участие и батареи 2-й туркестанской артиллерийской бригады.

Постановление № 1-й от 18 июля 1906 г. военного следователя говорит следующее: „Повидимому, уже задолго до 16 июля, в батареях 2-й туркестанской артиллерийской бригады среди нижних чинов шли разговоры о их нуждах, недоразумениях и неудовольствие, разговоры эти были отчасти известны начальству и нижним чинам, делались раз'яснения, а по некоторым вопросам были возбуждены ходатайства перед высшим начальством".

Недовольство в батареях носило преимущественно экономический характер.

Те мелочи, на которые указывала 1-я батарея, 2-я и 4-я, были, без сомнения, результатом того мошенничества, которое давало возможность кое-кому наживаться и тем самым обрекать солдат на грязь, плохое питание, гнилое обмундирование и проч. Но, помимо этого, в солдатской среде всегда имелся политический душок. В том же первом постановлении военного следователя сказано: „Что в среде их, т. е. солдат, легко могли быть лица, способные нарушить долг службы, и что тогда в 4-й роте появился нижний чин 2-й батареи Никаноров, который склонял нижних чинов к политическим требованиям.

Когда 16-го июня в Асхабаде дело разыгралось не на шутку и понадобилась помощь, то батарейцы на это ответили отказом.

Вот, что пишет военный следователь: „Не представляется неожиданным, что люди с ослабевшей уже к 16-му июня дисциплиной, волнуясь по поводу вызова батареи в Асхабад и собравшись уже в беспорядочную толпу, не послушались сигнала „тревога", а затем и не строились по батареям.

Только тогда успокоились батарейцы, когда узнали, что кубанская батарея не выступает.

День 17-го июня был переломным днем. Многие стали колебаться, хотя митинг в этот день состоялся. На этнм митинге была раз'яснена и телеграмма, посланная на имя Муромцева, содержание ее было такое: „Председателю Государственной Думы г-ну Муромцеву. Попросите государя об облегчении участи солдат, которые тупеют от невыносимо долговременной службы. Необходима полная амнистия всем пострадавшим за политические убеждения. Да здравствует свобода, Дума, народ и народная армия". Подписало телеграмму 8 человек.

Полковник Антипин (который, кстати сказать, еще и сейчас здравствует, обретаясь в мест. Фирюза), пытался было ввести этот митинг в рамки, приличествующие долгу службы, но безуспешно.

На его слова: „Что вы делаете? Как вам не стыдно. Вы забыли бога, потеряли совесть. На собраниях можно решать вопросы экономические, а не политические“—в толпе послышались голоса: „Не мы забыли бога, а наши начальники“. Обиженный полковник сказал: „Так-то вы отвечаете своему командиру, после этого нога моя не будет более здесь и я подаю в отставку“. „Долой, довольно“, отвечали голоса.

Командир ушел, после чего все бросились по своим командам и стали разбирать винтовки.

Вопрос о том, продолжать-ли дальше забастовку или нет, в тот день не был решен окончательно и солдаты на ночь остались с винтовками. За все эти дни осталась нейтральной учебная команда, которая находилась в руках настоящего „вояки“. Для того, чтобы не дать возможности учебной команде присоединиться к общим волнениям, ревностный командир ее штабс-капитан Орахелашвили принимал весьма осторожные меры к изоляции ее от всего внешнего мира.

Он ставил у каждого окна и двери по 2 часовых, чтобы никто не мог проникнуть в казармы из посторонней публики.

Сам лично занимался в эти дни усиленно с командой. Солдаты были вышколены.

На приказание начальства о прибытии на общий митинг фельдфебель давал своему командиру такие раз'яснения: „Так как наша команда не принимала никакого участия в безпорядках и никогда не примет, то не разрешите-ли вывести их на с'емки?“.

Командир учебной команды был человеком офицерского нрава. „В случае насилия, действовать оружием“. Так он наставлял свою команду.

Присутствуя на митинге солдат, он рассказывает про свои впечатления в таком духе: „У ворот баталиона я застал более 1.000 народа, всякого сброду“.

Будучи убежден в стойкости своих молодцев, преданный до мозга костей самодержавному режиму, он пытался сделаться спасителем и просить, по установившемуся шаблону, разрешить ему действовать самостоятельно для подавления бунта.

На эту ретивость „храброго“ капитана начальство сначала не согласилось, но потом, когда „непоколебимые устои“ действительно зашатались здорово, то ночью, 16-го июня, он получил желанное разрешение.

И вот в разгоряченной голове начальника учебной команды создается целый план действий, который он держит в глубокой тайне, ибо, говорит он своим приближенным: „от разглашения этой тайны зависит судьба, если не всего гарнизона, то, во всяком случае, 50 штыков, вверенных мне“.

План намечал: „1) В 9 часов вечера команда должна была сделать вылазку в рассыпную и собраться у второго моста около села Кеши, где ожидать присоединения беглецов из баталиона. Там же я расчитывал захватить музыкантскую команду, за которой было послано мятежниками два фургона.

„2) Перед рассветом атаковать со стороны сада командира корпуса крепость, что в расположении баталиона, и занять ее.

„3) Выделив часть учебной команды, атаковать гауптвахту и захватить знамя.

„4) Атаковать канцелярию, где ночевали главари бунта с Нестеровым, Агапиевым и Любимским, и захватить или перебить их.

„5) Если в ротах найдутся упорные и нежелающие сдаться и сопротивляющиеся, на что я не расчитывал, то по очереди атаковать роты и перевязать их, или в случае вооруженного сопротивления перебить их".

Атаковать, захватить, перебить.

Иных путей, средств и возможностей капитанская голова представить не могла.

Вылазку учебной команде удалось сделать.

Через окна казармы по одиночке вся команда вечером выбралась за город.

Эта предосторожность была сделана с той целью, чтобы спасти солдат от влияния посторонних, которые охраняли казарму, пытаясь проникнуть туда.

Усиленная охрана делала их попытки напрасными.

Хитростью командир сделал то, что он наметил в своем плане.

И, наверное, утром бы 18-го июня он приступил „к атаке" из Кеши, если-бы обстановка положения осталась прежней.

Но рано утром, собравшиеся выборные от всего гарнизона решили, что забастовку дальше продолжать незачем.

18-го июня волнение стихло и офицеры к частям были возвращены.

Видеть в этом переломе влияние учебной команды не приходится. Не уходя в с. Кеши, гарнизон почти что не реагировал, его нейтральность во время восстания на частях не отражалась, т. к. в железно-дорожном баталионе утром еще был митинг.

Весь смысл—„покаянной" 18 июня заключался в том, что волнение, докатившись до высшего своего предела,—подачи требований—ждало результатов и, получив отказ, не сумело найти дальнейших путей своего развития.

Если бы последовали сразу же репрессии, то, наверное, волнение вступило-бы во вторую стадию своего развития, вооруженных стычек, но этого не случилось. Офицерство хитро, по-лисьи кружилось около солдат, то удаляясь от них, то приближаясь и стараясь умаслить, сгладить обостренность обстановки.

Дело доходило иногда прямо до истерики, лишь бы только войти в доверие „к братцам".

Вот случай, имевший место 17/VI. Командир железнодорожного баталиона полковник Антипин хотел сорвать собрание, но солдаты голосами: „довольно, долой", заставили его уйти.

Прошло некоторое время и он снова является в баталион. Свои грозные выкрики: „Так-то вы отвечаете своему командиру?" он уже не повторяет.

Он смирился и „по-братски" беседует с ними.

Следствие рассказывает, что полковник Антипин вступил с ними в беседу и говорил, как трудно и тяжело командовать, когда в него не верят, что он подает в отставку. Во время разговора командир баталиона стал истерически плакать, ему подали воды и стали успокаивать и он стал прощаться.

Такие приемы, конечно, на малодушных действовали. Или вот еще один фокус уже перед самым актом „покаяния". Солдаты были на митинге. Поручик Мадчавариани, зная, что уже добрая половина восставших решила кончить бастовать, вызывает дежурного и говорит: „скажи людям, чтобы они прекратили собрания, я с ними хочу поговорить, а когда я уйду, то они могут собрание продолжать. Когда солдаты выразили готовность слушать, то он начал с ними ласко-

во: „скажите мне, братцы, что вас волнует, что вы хотите сделать, не бойтесь, я вас не выдам и дам вам совет".

„Советчик" долго клялся им в верности и даже просил их не обращать внимания на то обстоятельство, что он агент правительства.

Когда первая и вторая рота пошли уже с раскаянием к командиру корпуса, боевая часть руководителей осталась верна себе: „Пусть идут, а мы будем ждать 9-ти часов" (час, который был установлен для окончательного решения вопроса).

Железнодорожный баталион держался дольше всех. Посланные агитаторы в другие части не могли все-таки рассеять „покаянное" настроение. Причина, положившая начало восстанию, была проста и ясна для всех: спасти товарищей от жестокого суда.

Дальнейшим ходом к ней присоединилось все то, что накопилось у солдат от офицерского режима, что унижало их.

Участие в восстании рабочих железнодорожников и группы вольных граждан придало этому движению известную энергию.

Присоединение к участию просто сочувствующих дало возможность гарнизону порвать окончательно с военной дисциплиной и перенести волнение на улицы.

Тактика, примененная офицерством, после удаления их из частей быть в стороне, вмешиваясь только лишь в особо благоприятных условиях, способствовала пассивному развитию волнений.

Искусственно был удален тот стержень, вокруг которого могли бы нарастать дальнейшие осложнения.

Остановившееся на одном месте восстание гарнизона естественным путем рассасывалось ожиданием и отсутствием дальнейших перспектив.

В этом сказывался дух меньшевизма. В самом деле, нужно обладать тупоумной последовательностью меньшевиков, чтобы целью агитации в войсках ставить „экономическую" борьбу. Требования солдат являлись преимущественно экономическими.

Нужно быть меньшевиком, чтобы забыть о том, что всякое требование, самого невинного характера, пред'явленное солдатами, как требование, есть уже начало не „экономической" забастовки, а решительного восстания, за которое, в случае неудачи, масса пойдет под расстрел и на каторгу.

С самого начала „волнений" руководители-меньшевики не пытались выдвинуть вопроса о захвате власти в городе, несмотря на то, что это было на деле почти осуществлено. Меньшевики ограничивались „экономической" забастовкой.

Между тем, июнь 1906 г. в Туркестане по революционной ситуации был самым благоприятным месяцем для восстания. Железнодорожные рабочие были настроены революционно по всей линии: в Ташкенте в это время прошла упорная 29 дневная забастовка. 3 июня на ст. Ташкент произошли крупные солдатские беспорядки.

Единственным соображением, которое могло останавливать руководителей—это меньшевитская оценка положения в России.

Но дело все-таки не в этом, а в том, что меньшевики слишком хорошо помнили наказ Плеханова после московского восстания: „не надо было браться за оружие". Они выполняли резолюцию стокгольмского с'езда „против вооруженного восстания", как ее называли большевики.

Меньшевистская резолюция говорила в п. в) „на обязанности партии лежит противодействие всем попыткам вовлечь пролетариат в вооруженное столкновение при неблагоприятных условиях, чем бы такие попытки ни вызывались". Большевики предлагали принять с'езду: „Необходимо усилить работу в войсках, имея при этом в виду, что для успеха движения недостаточно одного брожения в войсках (! ред.), а необходимо прямое соглашение с организованными революционно-демократическими элементами войска, в целях самых решительных наступательных действий против нравительства".

Асхабадские меньшевики были дисциплинированы. Они выполняли постановление с'езда, усердно „противодействовали" „вооруженному столкновению".

В результате влияние меньшевиков в Туркестане после асхабадских событий значительно ослабело, напр., в Ташкенте. По воспоминаниям Дворянова*), в начале 1906 г. в ташкентской организации насчитывалось до 500 ч., представленных на стокгольском с'езде Зурабовым, а в конце 1906—начале 1907 г лишь 85—90 человек. Масса ушла к эс-эрам, которые использовали процесс асхабадских солдат очень широко в целях своей агитации.

Волнения солдат в Асхабаде не были обособленным, чем то солдатским „бунтом".

Помимо того, что вольные сливались с солдатами во время уличных демонстраций, следствие определенно указывало на солидную агитационную работу в частях вольных людей.

Следствие рассказывает: „подготовка к восстанию велась давно в войсках асхабадского гарнизона, велась извне, при содействии гражданских лиц и целью восстания были политические задачи, скрытые от масс, под флагом экономических требований. Настроение восставших, подготовка их предыдущими событиями вполне обрисовывается показанием одного из главных участников в восстании стрелка Дм. Егорова, который показал, что до 13-го июня к ним в баталион приходили многие вольные, одетые в форму железно-дорожного баталиона, и узнавали, как они живут, как их служба, вообще разузнавали про солдатский быт. Нижние чины баталиона ходили свободно в городской сад и в город, где встречались с вольными, с которыми говорили обо всем, что творится на белом свете, и эти рассказы разжигали их страсти".

Чтение газет солдатами практиковалось тоже довольно часто. Их политическая любознательность не ограничивалась лишь простым прочитыванием газеты, а вызывала соответствующую критику. Следствие указывает на нижнего чина Кожевникова и говорит: „что, читая газеты нижним чинам, Кожевников одобрял действия государственной думы и беспорядки в войсках".

Рядовые не верили своему начальству. Они слишком уже чувствовали их „заботливость" о тяжелом положении. Они прямо заявляли им, „что они примкнут к товарищам, что ждать довольно, язык устал просить начальство, что высшее начальство во всем виновато, так как оно очень плохо о них, нижних чинах, заботится".

Чем занималось офицерство, видно из показания баталионного писаря Егорова: „если солдаты жаловались на плохую пищу, их ругали нецензурными словами, называли забастовщиками, некоторые из офицеров являлись в нетрезвом виде и совершенно не интересовались делами рот, если офицер не пьянствовал, то воровал: ста-

*) «Красная летопись Туркестана» № 1—2 1923 г.

рался класть в котел продукты в уменьшенном виде и недоброкачественные, за неловкое подание шашки один из рядовых был ранен офицером в бедро шашкой, случалось, что офицера из столовой выносили в безчувственном виде, писарей доводили невыносимо тяжелой работой почти без отдыха до изнеможения, заболевания чахоткой".

Понятно, что благожелательное отношение к „братцам" во время волнений было явным фарисейством и не понимать этого солдаты не могли.

Поэтому призыв рядового Журавлева к вооруженному митингу есть результат того унижения, которое допускали стражи долга службы и порядка. Баталионного суда солдаты не признают и вооруженные винтовками осужденных этим судом товарищей берут под свое покровительство. Они избирают командиров из своей среды, чтобы обеспечить себе единство действий.

Винтовка в руках солдат делала их сразу уверенными в том, что начатое дело это их дело „раз мы взялись за винтовки ты (командир баталиона) уходи, не твое дело".

Унтер-офицер Голиков, чтобы достать солдатам летние одеяла, прямо берет „быка за рога", в казне на это средств хватит, так как их можно взять, уменьшить оклады окружных генералов, которых у нас на Руси 12, и 13 министров. Такие проблески политического сознания были не случайны. Солдат медленно, но верно шел к своей гражданственности.

У некоторых из них сознание правоты своего долга настолько окрепло, что неудачи нисколько не изменяли взгляды на положение вещей.

Вера, что не все еще кончено, не покидала их даже перед фактом поражения.

Баталионный писарь Егоров, вызванный для об'яснений командиром баталиона после „покаяний" восставших, заявил: „что еще далеко не все успокоено, что следует ожидать еще новых событий".

Метко и просто было сказано.

Действительно, огонь негодования, нестерпимой боли за издевательства над элементарными требованиями пробуждающего гражданства был потушен, но пламя неугасимого протеста еще тлело и тлело.

18-го июня волнения были прекращены самими восставшими и только в августе начались первые шаги к расправе.

Командир корпуса своим рапортом доносит: „что, благодаря предупредительным мерам, арест зачинщиков беспорядка, 2-го закаспийского стрелкового баталиона и других принадлежащих к составу корпуса, произведен без всяких осложнений. Над остальными людьми установлен надзор.

„Арест зачинщиков железнодорожной бригады производится постепенно и на случай осложнений мною заготовлен наряд для принуждения неповинующихся исполнить волю начальства".

Начальство было настолько усердно, что в Асхабаде для размещения 15-ти арестованных железнодорожного баталиона не оказалось ни одного свободного места, а потому дано было распоряжение об отправке их на мервскую гауптвахту.

Суд над' восставшими состоялся 7-го сентября 1906 г. Показания давались щедро: бессрочные каторжные работы, каторжные работы на 20 лет,, 12 лет, 6 лет, дисциплинарный баталион на 3, на 2, на 1 год, исправительные арестантские отд ления 3 г., 1 г. и т. п.

Палачам царизма не удалось все-таки в спокойной обстановке вершить свое дело. Для предупреждения новых беспорядков, в связи с начавшимся судом, потребовалась вооруженная сила охраны и казачьи раз'езды.

И все-таки железно-дорожные рабочие, выражая свою солидарность сидящим на скамьях подсудимым, не работали в день суда.

В рапорте военного инженера генерал-губернатору туркестанского военного округа доносится: „что по мере же приближения дня разбора этого дела в военно-окружном суде в городе начали распространяться слухи, что среди служащих на дороге готовится забастовка, как протест против суда".

В виду этого, начальник дороги в день приезда из Ташкента в Асхабад сессии окружного суда 6-го сент. потребовал для предупреждения могущих быть беспорядков одну роту вооруженных солдат на вокзал и держать ее ежедневно, сменяя, до конца разбора дела.

Кроме того, в первый день заседания суда 7-го сент. по его же требованию были назначены взвод нижних чинов при управлении дороги и казачьи раз'езды по улицам, примыкающим к вокзалу.

Далее, он повествует о том, что же в результате дали принятые меры: „ Протест со стороны железнодорожных служащих против суда выразился в Асхабаде: 1) мастеровые в асхабадском депо 7-го сент. работу не производили, 2) машинист почтового поезда № 3 хотел отказаться вести поезд от Асхабада, но под угрозой увольнения со службы согласился ехать, 3) ко всем остальным поездам того же 7-го сент. паровозные бригады совсем не явились и были заменены нижними чинами железнодорожного баталиона.

Даже отдельные кизил-арватские мастерские не оставались в долгу у своих и весь день 7-го сентября не производили работу.

Вообще роль железнодорожных рабочих 13—18 июня 1906 г. была не мала.

Одиночки из солдатской среды жадно прислушивались к тому, что случайно перепадало им из этого резервуара революционной агитации, каким были железнодорожные мастерские, и разносили ее по всем казармам.

Посеянное попадало на благоприятную почву пробуждающейся солдатской массы.

Всякая политическая новость быстро облетела всех и будоражила умы даже самых спокойных.

Казенная система изолированности казарм оставалась только формальностью. Связь с рабочими была тесная. Тот факт, что требование железнодорожного района, как более близкого к рабочим, гораздо ярче требований стрелкового баталиона, служит ярким показателем этой смычки.

Зачинщиком восстания были 1-ая и 2-ая роты стрелкового баталиона, а последним смирился железнодорожный баталион, как опять-таки близкий к живой рабочей среде.

Железнодорожный баталион принял близко к сердцу протест стрелков против баталионного суда, стал фактическим вожаком восстания.

Он повел, вместе с присоединившимися рабочими, части от вокзала с манифестацией по городу.

За время восстания только он сумел направлять „работу" стрелков, выбрасывая политические лозунги, поддерживая колеблющихся и уходя последним с поля действий.

Социал-демократические организации вели кропотливую работу пропаганды революционных идей.

Они руководили митингами, следили за развитием восстания. Их внимание было обращено особенно на учебную команду, которую они караулили днем и ночью.

После об'явления бойкота офицерам, когда были уже выборные командиры, для материальной поддержки, неизвестным лицом, в батальон были переданы деньги. Деньги эти были приняты, но лицо, принесшее их, не пожелало открыть своего имени. Так хранили они свою конспиративность.

Когда восстание вылилось из казармы на улицу, то мы видим и по материалам следствия уже явные признаки руководства.

Присутствующие каким-то вольным призываются к дисциплине, выдержке, стойкости.

Обстановка была революционна, она не была использована. Было сделано кровопускание военной организации партии по пустякам.

Участие рабочих в волнениях.

Самым беспокойным местом, все время волнующим бюрократическое спокойствие царелюбивых служак, был Кизил-Арват.

Железнодорожники кизил-арватских мастерских не давали покоя, не только местным „держимордам", но тревожили даже и высочайшее имя".

Торгово-промышленная газета „Закаспийское обозрение" иначе, как „осиным гнездом", и не называла Кизил-Арват.

А сколько различного рода угрожающих приказов, распоряжений заставили кизил-арватские рабочие написать начальствующих лиц и не перечтешь.

Рапорт кизил-арватского полицейского управления доносит 31 XII 1906 г. „что, детально ознакомившись с городом Кизил-Арватом и изучив характер его обывателей, я пришел к заключению, что, помимо всего того, его превосходительством г. начальником Закаспийской области сделано для водворения в Кизил-Арвате должного порядка и спокойствия для населения города, необходимо издать на основании правил о чрезвычайной охране следующее обязательное постановление:

1) воспретить всем жителям г. Кизил-Арвата, за исключением лиц, снабженных полицией удостоверениями в виду их служебного положения выход, из домов с 10 часов вечера до 6-ти часов утра;

2) все имеющиеся в городе питейные заведения, не исключая и тех из них, в которых ведется торговля вареной пищей, закрывать во все дни праздников с 10 часов вечера до 7 час. утра следующего непраздничного дня;

3) воспретить всем лицам гражданского ведомства носить папаху с красным верхом, т. к. папаха эта представляет из себя принадлежность обмундирования кубанского казачьего войска и может вводить в заблуждение нижних чинов стоящей здесь казачьей сотни во время их ночных обходов по городу, и

4) обязать всех владельцев домов торговых заведений и пр. ч. гор. Кизил-Арвата в течение двухнедельного срока со дня распубликования сего постановления в двух асхабадских газетах завести по три штуки трехцветных флагов, указанного полицией размера, для украшения их домов, торговых заведений и проч. в табельные и высокоторжественные дни.

Большим шрифтом красовалась на улицах Кизил-Арвата такое обязательное постановление для станции Кизил-Арват:

„1. Воспрещаются в полосе отчуждения всякие собрания служащих и рабочих дороги и посторонних лиц, как-то: на улицах, путях, садах и проч., так равно и в домах, квартирах без особого на каждый раз разрешения жандармской полиции.

2. На платформу ст Кизил-Арват с 9-ти час. вечера до 5 час. утра могут выходить только лица, имеющие проездные билеты.

3. С 9-ти часов вечера до 5-ти часов утра должны быть прекращены всякие хождения в пределах станции, если это не вызывается исполнением служебных обязанностей. Лицам, обязанным быть на путях и на станции по делам службы, будут выдаваться жандармской полицией удостоверения.

4. Лица, прибывающие с поездом с 9-ти час. вечера до 5 час. утра, для проезда или прохода до квартиры обязаны получать удостоверения жандармской полиции на вокзале. Виновные в нарушении изложенных обязательных постановлений подвергаются распоряжением особого комитета в административном порядке аресту не свыше 3-х месяцев или денежному штрафу до 500 рубл.“.

Рабочие смотрели на все эти распоряжения, конечно, по своему. Им мало было дела до этих грозных рукописей начальствующих. Своей пролетарской рукой они продолжали все-таки расправляться с теми, кто был невыносим в своих действиях, поступках по отношению к рабочим.

Исходя из этого, начальник Закаспийской области сообщает туркестанскому генерал-губернатору: „противоправительственное движение не подавлено и революционные очаги, свившие прочные гнезда среди железнодорожных рабочих, продолжают свое разрушительное действие проявлением террористических актов в виде убийств чинов полиции, администрации и железнодорожных, не сочувствующих революции“.

Отсюда он заключает: „ вышеизложенное заставляет меня ходатайствовать перед вашим высокопревосходительством, как о продлении положения чрезвычайной охраны в тех пунктах, где это положение существует в настоящее время, так и о возобновлении положения усиленной охраны для всей остальной территории области“.

Интересна переписка туркестанского генерал-губернатора с начальником Закаспийской области по поводу возможности снятия чрезвычайной охраны.

Генерал-губернатор запрашивает начальника Закаспийской области: „Признаете-ли вы возможным снять действующую ныне (это уже в 1909 г.) в пределах вверенной вам области чрезвычайную охрану с заменой таковой усиленной. На это начальник области отвечает: „конечно, далеко лучше, когда не приходится прибегать к исключительным мерам, но освободительное движение настолько вывело всех из колеи и изменило понятие о допустимом и недопустимом, что говорить об излишестве исключительных мер в данную минуту не решаюсь“.

Трусит генерал „отпустить вожжи“ свирепого гонения „на прочные гнезда“ стойких рабочих.

„Освободительное движение—жалуется он дальше—гнет свою линию. Положение о чрезвычайной охране на здоровом элементе населения области совершенно не отражается и ни в чем не стесняет его жизни, и если это положение неприятно, то только вредным и разрушитель-

ным элементам, очень малочисленным, но вместе с тем слишком нарушающим спокойствие жизни мирных обывателей области".

Как не крепился блюститель порядка, а правду о рабочем классе „выболтал:" хоть и малочисленны вредные элементы, но слишком нарушают спокойствие жизни мирных обывателей", грустно заявляет он. Особую заботливость в этом направлении проявлял не только начальник области и особый комитет при Ср.-Аз. железной дороге, сам департамент полиции, оказывается, был активным шефом над рабочими и для того, чтобы дать почувствовать себя, учреждает в Асхабаде особый розыскной пункт.

Понятно, что такая „забота" о рабочих железнодорожниках не могла пройти мимо царя, который вполне сочувствует всем мероприятиям своих „сторожевых псов". И санкционирует высочайшим указом продление чрезвычайной охраны в Закаспийской области в пределах отчуждения Ср.-Аз. железной дороги и в прилегающих к ней городах: Красноводске, Кизил-Арвате, Асхабаде, Мерве.

Относительно применения нового закона о военно-полевых судах по военному министерству был издан такой указ: „командующий войсками и генерал-губернаторы, которые допустят отступление от этого высочайшего повеления, будут за это ответственны лично перед его величеством. Командующие войсками должны озаботиться, чтобы по этим делам не представлялась государю телеграмма о помиловании".

Не отступать от высочайшего повеления, а о помиловании и не просить—таковы были лозунги самодержавия в 1906 г.

Шифрованная телеграмма из Питера в Асхабад самого министра внутренних дел Столыпина показывает, как много пришлось „потрудиться" самодержавию над рабочим успокоением.

Тут „они" пускаются на всякие средства, лишь бы только достигнуть желанного результата.

Телеграмма от 7/VII—1906 г. гласит: „Ввиду ожидаемого ближайших дней возникновения общих беспорядков, прошу немедленно распорядиться обысками, арестами руководителей революционных и железнодорожных, а также боевых организаций и агитаторов среди войск. Примите действительные твердые меры к обузданию печати с закрытием, если нужно, типографий".

Беспокойство, проявляемое начальствующими по отношению рабочих, основывалось на том, что рабочие действовали организованно, что у них были „свои" и был создан даже руководящий комитет. Постановление начальника в Закаспийской области имеется следующее: „Произведенным негласным расследованием выяснилось, что проживающий в Асхабаде служивший конторщиком в службе сборов Ср.-Аз. железной дороги Феликс Гротковский во время забастовок на этой дороге был одним из главных организаторов, заведывал движением и состоял „комендантом" ст. Асхабад, председательствуя на заседаниях с'езжавшихся делегатов, происходивших в вагонах. К выдающейся роли у железнодорожников он готовился заранее и при университетском образовании, со средствами из неизвестных источников, поступил на скромную должность конторщика, очевидно, не ради заработка, а чтобы только войти в среду железнодорожных служащих и рабочих. Гротковский обратил на себя внимание жандармской и общей полиции постоянными раз'ездами по линии железной дороги с неизвестными целями, а также беседами с рабочими красноводского депо и кизил-арватских главных мастерских. Наконец, вел обшир-

ную корреспонденцию и получал загадочные телеграммы". Гротковский был арестован.

Дальше, в постановлении рассказывается, что находящиеся члены революционной партии всеми мерами стараются прийти в соприкосновение с арестованным, чтобы получить от него нужные указания. Так, 15-го февраля 1906 г. из кизил-арватского депо была прислана телеграмма в асхабадское депо на имя рабочего (один из главарей забастовки) с просьбой узнать, возможно ли свидание, необходимое по важному делу „распределения" запаса с арестованным Гротковским. „На имя Гротковского также присылались разными лицами чрезвычайно подозрительные телеграммы".

Из этого обзора ясно видно, что у рабочих была и связь между собою и ответственные по работе товарищи, которые и сносились с разными революционными организациями. Относительно существования центрального комитета есть указания самого Гротковского в его дневнике, где написано: „Октябрь 1905 г. 13/26 четверг меня выбрали в центральный комитет Ср.-Аз. дороги. Я послал в 2 часа ночи с 13 на 14-ое депешу по линии о начатии забастовки 12-го в 10 час. утра".

Упоминание о центральном комитете есть и в донесении асхабадского прокурора: „Усматривая из содержания дознания, что в нем имеются данные, относящиеся к деятельности местного центрального комитета Ср.-Аз. железной дороги, имею честь просить о присылке мне следующих документов: а) списка кандидатов в центральный комитет средне-азиатского отделения Всероссийского союза, предложенных служащими службы движения; б) извещение центрального комитета; в) 6 телеграмм".

В частном письме от 8/III—1906 г. какому-то превосходительству некто Малыгин пишет: „В виду же последних тревожных известий, соображения эти (принятие мер к неосвобождению Гротковского) теперь приобретают особое значение. Сейчас только что расшифрована телеграмма из Чарджуя: „начальник гарнизона получил от начальника штаба округа депешу, в которой говорится, что департамент полиции сообщает, что революционеры предполагают устроить вооруженную забастовку и что они небольшими группами сходятся для совещания в школах и частных домах. Одной из мер против этого признаю немедленное закрытие железнодорожного собрания ввиду невозможности следить за лицами, ежедневно его посещающими".

В этом же письме упоминает о телеграмме из Каахка: „О задержании там двух лиц с несколькими подложными удостоверениями, с преступными воззваниями и с каучуковыми штемпелями: „Кавказский союз соц.-демократической рабочей партии". „Тифлисская организация". Задержанные назвали себя дворянином Иваном Немарадзе и мещанином Александром Ивановым". Рабочие не дремали. У себя на местах они довольно настойчиво боролись с теми начальниками, которые были явными сторонниками царского режима. Вот какое письмо передали кизил-арватские мастеровые генералу Бойчевскому, который, несмотря на предупреждение рабочих о нежелании иметь его своим начальником мастерских, все-таки заделался таким.

„Мы, нижеподписавшиеся мастеровые, нашими подлинными подписями подтверждаем содержание отправленного вам письма с печатью „кизил-арватской организации рабочих" и заявляем, что, в виду вашего приезда, свидетельствующего о нежелании исполнить наше мирно-высказанное законное предложение, мы всей своей почти ты-

сячной массой ополчимся на вас одного и примем все меры от мелких булавочных уколов до серьезных демонстраций,—рискнем, если понадобится, и заработком и даже свободой, но добьемся того, что вас в Кизил-Арвате не будет.

„Итак, мы делаем вам второе и последнее предупреждение: откажитесь от должности начальника кизил-арватских мастерских. Подлинное за 471 подписями мастеровых кизил-арватских мастерских".

Прямо, без обиняков, ставится вопрос: массой ополчимся, но добьемся своего.

К этому низовому бойкоту присоединился и об'единенный комитет туркестанских организаций РСДРП.

Этот любопытный документ, довольно ярко характеризующий дух того времени, начинается со следующего: „В виду имеющего быть 1-го августа с. г. (1906 г.) приезда вашего в Кизил-Арват для фактического вступления в должность начальника главных мастерских, совет рабочих депутатов*) этих же мастерских, обсудив это весьма важное для жизни мастерских обстоятельство, постановил, при всеобщем одобрении мастеровых, нижеследующее: вы для Средне-Азиатской дороги лицо не новое, которое в роли начальника мастерских могло бы оказаться плохим, напротив, вас знают хорошо и в управлении, и на линии, знают также многие мастеровые и в Кизил-Арвате и, наконец, ваша служба на т.-ор. железной дороге нам тоже небезызвестна и все эти сведения о вас такого характера, что мы сделали бы большую тактическую ошибку, если бы допустили вас начальствовать в кизил-арватских главных мастерских, потому что вы против освободительного движения, хотя, быть может, в душе вы сочувствуете ему, на практике, на службе, вы будете противодействовать этому движению для вашего преуспевания службы вообще и, кстати, вашей личной служебной карьеры, в частности. В настоящее историческое время, когда в России рушится старый строй и на его месте должен быть создан новый, более социалистический порядок, каждый гражданин должен быть оценен прежде всего, как политическая единица. В обычное мирное время каждый из нас был прежде всего дельцом, ученым, служакой и проч. и только на досуге занимался политикой, теперь же, в острый момент крайне обостренной революционной борьбы, каждого обывателя необходимо учитывать по его политическим симпатиям и антипатиям.

„И вот, анализируя вас с этой политической точки зрения и также не упуская из виду, хотя это и на втором плане, ваших эксплоататорских способностей прижимать служащих и загонять экономию, мы и вынесли настоящее категорическое постановление: „вас в мастерские не допустить", посему предлагаем заблаговременно к нам для начальствования не являться.

„Мы расчитываем на ваше благоразумие и надеемся, что наше постановление будет вами исполнено. Если же, паче чаяния, вы возомните себя Юпитером и „истинно-русским человеком" и вздумаете игнорировать наше законное желание, то из этого произойдет лишь одна канитель в ущерб дороге, в ущерб вашей личной карьере и в ущерб мастеровым. Словом, в результате получатся одни минусы и ни одного плюса.

„Неужели лавры нашего бывшего благодетеля Коваля не дают вам спать и вы захотите сделаться „кабинетным начальником мастерских", как Коваль, который всегда избегал мастерских, а в последнее время, в течение полугодия не смел, вследствие нашего бойкота, ступить ногой по двору мастерских и лишь три раза: при по-

*) Скопировано ли здесь только название? В 1905 г. в Туркестане это название не встречалось. Истпарт.

вальном обыске, при весенней комиссии и при сдаче мастерских рискнул он проникнуть в мастерские в нерабочее время, когда мастеровых ни души. Если бы вы даже решились высиживать первое время в кабинете в надежде на русское „авось“ и лучшие времена, то и это вам не удастся—опыт борьбы с Ковалем научил нас быть более энергичными и, смеем вас уверить, не дадим „засиживаться“ в кабинете

„В мастерских работа лишь очень недавно, при Толочко, наладилась и если ей суждено будет при всеобщей революции в стране разладиться, то вам не следует брать на себя такую неблагодарную миссию.

Мы все сказали. Дело за вами“.

17 июля 1906 г. (Печать).

Союз туркестанских организаций РСДРП.

Кизил-Арват. **Кизил-Арватская организация.**

Трое рабочих, подавших это постановление, были сразу уволены со службы: Белковский, Плотников и Траунтвейн, но начальнику дороги генералу Ульянину этого было мало, он пишет начальнику области: „я считаю это увольнение совершенно недостаточным, так как они, оставаясь в Кизил-Арвате, будут подговаривать остальных мастеровых добиваться всеми средствами не допустить инженера Бойчевского к управлению мастерскими. Поэтому я покорнейше прошу ваше превосходительство ходатайствовать перед туркестанским генерал-губернатором о высылке их в места вне района Ср.-Аз. железной дороги“.

„Осиное гнездо“ так тревожило всех, что пришлось обратиться за помощью в Питер, откуда, конечно, власти не замедлили дать свои указания. Вот переписка Питера с Асхабадом по телеграфу:

„Петербург. Начальнику управления железных дорог. Копия. Министру путей сообщения.

„После затишья вновь стали поступать от рабочих мастерских и депо требования двух родов—первое о приеме уволенных служащих и второе об устранении нежелательных для них служащих, с угрозами насилия над последними“.

Подписал *Ульянин.*

14 августа.

„Асхабад (ответ).

Начальнику дороги.

Министр признает требования недопустимыми, надлежит обратиться за содействием к местным административным властям и принять меры к предупреждению насилий. Следует поставить при мастерских военную охрану и просить власти арестовать агитаторов“.

Подписал *Губерн.*

Отлегло немного у „асхабадцев“ на сердце и они верно следуют своим старшим блюстителям царизма.

Для охраны начальника мастерских они требуют у полиции 12 человек. Полиция торгуется по поводу такого наряда людей и предлагает 3-х человек охранять инженера, когда он будет являться в мастерские, но и то считает такую меру нецелесообразной, указывая на то обстоятельство, что это еще больше вызовет озлобление против инженера, и предлагает ограничиться тем, что хочет предпринять в этом отношении сам начальник мастерских.

А последний выставлял такие условия при своем поступлении в мастерские: „он примет пост начальника мастерских в том случае, если начальник дороги даст ему в руки карт-бланш (полную сво-

боду действий) увольнять из мастерских и контор по его усмотрению, и если будет отдан приказ по дороге, что в случае совершения насилия над ним или кем нибудь из служащих, мастерские будут закрыты".

„Немного" хотел забрать себе власти „скромный" инженер для того, чтобы волю рабочих подчинить своей собственной воле.

Какую роль рабочие играли среди населения города, видно из рапорта полиции начальнику Закаспийской области. „В 8 час. утра 7-го сентября мастерские забастовали... в это время на базаре появилось несколько агитаторов с требованием закрыть лавки, что торговцами было исполнено... в 8 час. вечера получил сведения об увольнени за эту забастовку следующих лиц" (поименно перечисляются 16 человек).

В рапорте того же полицейского управления, но только уже от 12-го сентября 1906 г., указываются и фамилии тех рабочих, которые агитировали среди торговцев: А. Бельковский, И. Попов, Н. Пентюхов и др. Как щедра была полиция на всякого рода аресты рабочих, показывает нам рапорт заведывающего полицейской частью, где он просит начальника области к арестованным уже 16 рабочим прибавить еще 17 чел., перечисляя всех поименно и особенно выделяя, как главного агитатора, Ивана Попова.

Но живуча была рабочая масса.

Беззаветно шла она на все.

Жертвовала своей семьей, личной свободой, только бы не отстать от „своего дела" и дать почувствовать при всяком удобном случае жандармерии, что жив рабочий класс и ничто не в силах смирить его.

Всякое насилие над своими товарищами—рабочими вызывало в их среде сильное революционное действие, независимо от того, были ли это кизил-арватские „боевые" мастерские или отдельный красноводский рабочий уголок.

Везде они были одинаковы.

Стойкие, неустрашимые, твердые в решимости отстоять „свое", какой бы тяжелой ценой это ни досталось.

Имеется такой рапорт начальника Красноводского уезда от 17/VII 1906 г.:

„16 сего июля, в 11 часов утра, с поездом прибыли в Красноводск военные арестанты, приговоренные за беспорядки в г. Ташкенте.

„В 12 час. дня получено сведение, что железнодорожная рота и рабочие депо Красноводска собираются освободить арестантов. Вызванная одна полурота и учебная команда заняли гауптвахту и прилегающую площадь, а 2 рота и остальная часть баталиона—две улицы, ведущие от казарм к вокзалу.

„В 2 часа дня железнодорожная рота, разбив цейхгауз, вооружилась винтовками, с толпой двинулась из своей казармы по направлению к гауптвахте, но у вокзала железной дороги остановилась, толпа же рабочих двинулась дальше.

„Посланный начальником гарнизона подполковник 8-го красноводского резервного баталиона Рчеулов уговорил железнодорожную роту вернуться в казарму, а толпа рабочих с криками ура подошла ко 2-ой роте баталиона и начала увещевать нижних чинов соединиться с нею, но рота отказалась, а командир роты заявил толпе, что откроет стрельбу.

„Толпа бросилась на Скобелевскую площадь, к гауптвахте, но в это время арестанты уже были посажены на пароход и, хотя срок отправки их назначен был только 19 числа сего месяца, при конвое

от баталиона, во избежание дальнейшего беспорядка, отправлены в Петровск.

„При возврате войск в казармы толпа держала себя крайне вызывающим образом, для прекращения чего заведывающий учебной командой баталиона приказал взять на руку и двинулся на толпу, которая мгновенно обратилась в бегство, никаких повреждений никому не причинено, порядок восстановлен.

„Командир отряда пограничной стражи, по моему приглашению, немедленно прибыл с командой конных, все время иаходился на месте происшествия и ночью в помощь полиции выслал два раз'езда.

„Нижние чины железнодорожной роты совершили преступление, не смотря на все угрозы комадующего ротой воздержаться от совершения его; предварительно ими высылались посланцы в резервный баталион с просьбой присоединиться, но резервные отказались. Подлинный подписал начальник уезда Стражалковский".

Из этого рапорта видно, как решительно и без колебаний рабочие шли отстаивать арестованных.

И это не случайно.

Рабочие железнодорожники знали, что надеяться твердо можно только на себя, что надо илти вперед и вести за собой остальных.

Что дело спасепия рабочих—дело самих рабочих.

Даже среди такого слоя рабочих, которые еще не совсем порвали с прежним укладом жизни, прямо бурлит новое, революционное сознание происходящего.

Интересно в этом отношении письмо старшего кондуктора Ивана Бондаря к своему брату, где он, наряду с традиционными поклонами всем своим родственникам, так ловко клеймит безобразия самодержавия, что приходится только лишь признать за революцией могущественнейшего учителя в понимании солдат классовых основ низовой массой.

Он пишет (орфография сохранена автора). „Ожидаем ответа пишите мне новости которые у вас, у нас было много забастовок сейчас бьют солдаты, некоторые стоят за народ, а некоторые за наше гнилое противное самодержавное правительство, которое пьет бедного люда кровь, высасывает пот и здесь идут погромы. Не забудьте, товарищи, граждане, свою, что мы должны получить землю кровью, но мирным путем министры не дадут, а мы должны все граждане соединиться, как один человек и повешать всех министров, губернаторов, земских урядников, стражников, если у вас бьют мужиков казаки, солдаты, то прямо собирайтесь селами и гоните кольями, топорами чем попало, так как государственную думу разогнали, не дают ничего, долой самодержавие, да здравствует свобода, да здравствует бедный рабочий народ, песня народный гимн, которую не любят богачи жандармщики. Смело друзья не теряйте бодрства в неравном бою, родину мать вы спасайте честь и свободу, через пять слов припев следующий: тело (очевидно, дело) потом отозвется в тюрьмах и шахтах сырых, тело (дело) потом отзвется на поколениях живых, песню кровью свободу получат борцы, если погибнуть придется в тюрьмах и шахтах сырых, пусть нас по тюрьмам сажают, пусть в рудники посылают, пусть мы все казни пройдем, нимет тяжкие вздохи наш бедный русский народ, руки он к нам простирает, нас он на помощь зовет жизнь обновляет гимнами народной споет, бодрым словом нас вспомянет к нам на помощь придет, в могилу нас похоронит и борцам вечную память споет...

Писал старший кондуктор Иван Бондарь".

„Да здравствует свобода, ура—социал-демократия".

Письмо это было перехвачано полицией и Бондарь был арестован.

Ловили и арестовывали не только рабочих.

За произнесение противоправительственных речей в городском саду, 30-го июля сам начальник области постановляет арестовать студента Евг. Ляуданского, а вот еще постановление от 20 марта 1906 г.

„Продолжительным негласным полицейским надзором установлено, что проживающий в г. Асхабаде Воронец имеет постоянные сношения и находится в общении с лицами, известными своей политической неблагонадежностью, а вернувшись из Петербурга с делегатского с'езда, на митинге в цирке произнес возмутительную по дерзости речь против министра князя Хилкова и графа Витте.

„В настоящее время, как и во время забастовок, состоял и состоит председателем центрального железнодорожного комитета, ярый противник существующего государственного порядка, ведет тайную революционную пропаганду, даже между солдат частей войск, с целью склонить их на сторону революционеров чем обеспечивается вооруженное восстание, а потому на основании 21 ст. об усиленной охране постановил: немедленно подвергнуть названного Воронца предварительному задержанию".

Воронец был популярным среди революционных кругов и его арест произвел большое впечатление на его приверженцев.

Об этом пишет министру внутренних дел генерал Косаговский следующее:

„Насколько сильно влияние г. Воронца на его последователей-приверженцев революционной партии, можно судить по следующим фактам:

1. Когда Воронец был арестован, то все общество революционеров положительно растерялось, а благонамеренная часть публики успокоилась.

2. Посещ ния арестованного Воронца его сподвижниками носят характер необычайного посещения и поклонения перед ним.

3 Не только уволенные от службы на дороге агенты, но и состоящие ныне на службе, при всяком даже неудобном случае, в той или иной форме стараются упросить меня или вообще произвести на меня давление, с целью освобождения Воронца из-под ареста.

4. Новая газета „Средняя Азия", которую я не мог, к сожалению, не разрешить на основании закона (24 ноября 1905 г.), возникла в Асхабаде главным образом по инициативе Воронца; причем газета эта обещает быть крайнего направления и доставит мне много забот".

Так как Воронец и среди рабочих был хорошо известен, то для предупреждения каких-либо неприятностей в Кизил-Арват дается такая телеграмма:

„Десятого почтовым проезжает через Кизил-Арват Воронец. Предупредите рабочих, что флагов и музыки не разрешаю, но собранию рабочих на вокзале не препятствую. Будьте тактичны, возможно, что будут частичные порывы, но мелочам не придавайте особого значения".

За период 1906 г. выходило не мало и агитационной литературы. Вся она преследовала ту же цель, что и рабочие. Вот какую листовку выпустил Всероссийский железнодорожный союз в мае месяце: „Сильно отозвались декабрьские дни на Всероссийском железнодорожном союзе—он потерял в борьбе лучших своих представи-

телей. Но могучую организацию не удалось правительству вырвать с корнем и она в скором уже времени пустила ростки, и с каждым днем все больше и больше разрастается. Почти на всех дорогах уже существуют союзные организации, но многие малодушные товарищи боятся опять присоединиться к ним, хотя и ясно сознают необходимость об'единения и тем наносят большой ущерб, как для общего дела, так и для наших лучших товарищей, томящихся по тюрьмам и голодающих со своими семьями, благодаря дикому произволу правительства. Их мы не должны забывать, они достойны того, чтобы мы хотя материально поддержали их, если еще не в силах заставить правительство восстановить их в правах.

„Организованные товарищи уделяют им все, что могут. Но этого не хватает—пострадавших слишком много. К неорганизованным мы обращаемся.

„Товарищи, ведь не только для себя они хлопотали.

„Ведь вы тоже сочувствовали им в их деле и даже были их единомышленниками и только благодаря причинам, для вас самих лучше известным, вы не выступили активно и тем спаслись от кары начальства и голодовки... Их дело—ваше дело. Вспомните, что большая часть арестованных и уволенных ваши выборные представители...

„Все за одного и один за всех", только при этом условии мы выйдем из рабского и полуголодного существования.

„Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза".

У арестованного в марте месяце Михаила Дьяченко было обнаружено 64 штуки прокламаций с воззванием к солдатам, в которых солдаты приглашаются к открытому возмущению и к убийству генералов.

Одна из этих прокламаций начиналась так:

„Братцы, солдаты и рабочие.

„Что вы ждете себе улучшений напрасно, ничего все равно не дождетесь, посмотрите, вся наша родина залита нашей же кровью, так не лучше-ли, братцы, сделать так, чтобы они ее промыли.

Соединимся, братцы, вместе, начнем бить тех, кто правит нами, кто проливает нашу кровь.

„Братцы солдаты, посмотрите, что делают с вашими отцами и братьями на родине нашей, бьют, секут, вешают и расстреливают, и вы все молчите. Разбудите свои сердца, соединитесь с нами, мы победим врага.

„Везде расстреливают наших товарищей и здесь в Асхабаде будет то же, что внутри России.

„Уже начинают увольнять служащих и тоже они, наверное, подвергнутся участи—расстрелу. Братцы солдаты, соединимся вместе и сотрем с лица земли всех наших правителей".

У помощника машиниста депо Алексея Заплаткина 16-го августа было при обыске найдено 3 воззвания к рабочим от 12/VII 1906 г., отчет о бывшем собрании, устав союза рабочих механического производства; издание асхабадского комитета, отчет об отозвании с'езда, отчет о вечернем заседании 26/VI—1906 г., проект устава профессионального союза рабочих депо Асхабад.

Отобранные полицией революционные материалы у Заплаткина дают сразу ясное представление о той революционной силе, какая таилась в пролетарской среде.

Все было мобилизовано для того, чтобы организовать, раз'яснить, призвать к борьбе.

В этих материалах мы находим и первые следы организации профсоюзов.

По описи бумаг, найденных во время обыска у Вахнина, видно, какая литература была в обиходе тогда у революционеров.

Всего в описи перечислено 40 различных названий.

Вот некоторые из них:

1. Искра.
2. Российская социал-демократическая рабочая партия.
3. Кто чем живет.
4. Царь последыш—надгробное слово самодержавию к 10-ти летию царствования Николая II.
5. Пролетарский праздник, издание Искры.
6. Длина рабочего дня по русскому законодательству.
7. Классовая борьба.
8. Революционная демократическая литература пролетариата и крестьянства.
9. Движение чартистов.
10. Извещение о 2-м очередном с'езде.
11. Бельгийская конституция.
12. Во что обходится русскому народу война.
13. Женский вопрос.
14. Милитаризм и рабочий класс.

У рабочего кизил-арватских мастерских полиция захватила следующую литературу: 4 экземпляра газеты рабочий листок „Молот“ № 2.

2. 2 экз. нагорной проповеди.

3. Литографированная прокламация товарищей кизил-арватского местного комитета.

4. Требуйте полной амнистии.

5. Прокламация „Товарищи“.

6. Дневник социал-демократа.

На допросе (19-IV—1906 г.) Иван Попов дает об'яснения относительно попавшей к нему литературы:

1) „Нагорную проповедь“, я списал с книжки, чтобы оставить у себя на память; 2) воззвание „Товарищи“ я писал, так как увольнение товарищей я находил несправедливым и поэтому я написал воззвание; 3) прокламации, писанные карандашем, товарищи, писал я, чтобы уничтожить зло и преследовать одну правду; 4) брошюра „Извещение“, я не знаю, кто мне ее передал, раздавалась, она в цехе после манифестации 17 окт.; 5) начало отчета по революции и черновик, писанный карандашем, начал писать я, мною была прочтена книжечка о французской революции и я захотел попробовать свои силы на литературном поприще, но нашел, что к этому не способен—бросил“.

Перед полицией развернулась картина, как и над чем пробует свои литературные способности рабочий, какими путями хочет он бороться „со злом“ и какую „правду“ преследует, полиция узнает здесь, что читают рабочие и что получается после этого чтения—рабочий сам начинает писать „отчет революции“.

Попов был посажен в асхабадскую тюрьму.

Рабочие не только читали, „пробовали свои силы“, но сами разбрасывали прокламации, за что и платились тюрьмой.

В крепости Кушка были арестованы двое рабочих депо, Валяев и Евстафиев, за то, что разбрасывали и расклеивали прокламации.

В Асхабаде за расклейку прокламаций тоже были арестованы двое деповских рабочих—Виктор Молоток и Иван Тимофеев. На дознании рабочие не скрывали своих действий. Молоток показал: „В ночь на 14-е июля я, вместе с Тимофеевым, расклеивал воззвание к гражданам. Нас задержали городовые". Обнаруживались прокламации полицией и на квартирах.

В Асхабаде были арестованы Сафрон, Цицхадзе и Владимир Челидзе за то, что в квартире, где они жили, были обнаружены прокламации противоправительственного характера.

Итак, рабочие в 1906 г. в Закаспии были все-таки вожаки революционных волнений.

Мы их видим на улице, как это было в Асхабаде при восстании гарнизона, и в казармах, куда они тайно проникали. Знаем их и выступающими на митингах, собраниях, особенно тех, где надо было руководить, рассказать о целях борьбы, вдохнуть непреклонную веру в победу.

Везде и всюду их неугомонная пролетарская революционная энергия зажигала искру классового пробуждения, яркого протеста против царизма, эксплоатации.

Разбрасывал-ли рабочий прокламацию, писал-ли воззвание, пробовал-ли свои силы над составлением отчета о революции, стоял-ли на следствии перед жандармом, он был одинаков.

Тверд, прямолинеен и непоколебим.

Ему нечего было скрывать.

Слишком все безобразие выпирало из всех щелей самодержавия.

Каждый из них ясно представлял себе, что борется за всех и все за него.

Не знал рабочий и колебаний, так как нечего было колебаться в выборе между революцией и царизмом.

Эксплоатация на фабриках, заводах и мастерских еще в 1906 г. приготовила из рабочих прочный материал для постройки социализма.

Полицейско-бюрократический аппарат самодержавия, скрепленный вековыми скрепами царя, помещика и капиталиста, раздавил своей тяжестью еще молодой рабочий класс.

Волнения солдат не перешли в восстание, хотя рабочая масса стремилась к „прямому соглашению с организованными революционно-демократическими элементами войска, в целях самых решительных наступательных действий против правительства".

Революционное настроение в войсках нигде в России в 1906 г. не было таким высоким, как в Туркестане.

Меньшевики, которые пользовались в это время самым большим вниманием, не стремились „вырвать власть", они осуществляли резолюцию с'езда и вели солдат под оппортунистическим, по выражению тов. Ленина, лозунгом: „вырвать право".

По отношению к окраинам, особенно Туркестану, первый пункт резолюции о вооруженном восстании на IV с'езде, предложенной большевиками, был особенно верен.

Этот пункт говорил: „вся история современной демократической революции в России показывает нам, в общем и целом, неуклонный под'ем движения к все более массовым, охватывающим всю страну, решительным и наступательным формам борьбы против самодержавия".

Однако, меньшевики и в решительный момент, когда им отда-

вали солдаты и рабочие власть, оставались последовательными меньшевиками.

Ведь, только в августе, через два месяца, правительство могло решительно приняться за „ликвидацию“ июньских событий.

Но, по выражению одного из участников восстания Егорова, „еще было не все кончено“.

Царизму надо было ждать еще „новых событий“ и они пришли через 10 лет.

Каково было настроение в 1906 г. туземной массы (текин), судить трудно.

Без сомнения, что бедняцкие слои были задавлены баями нисколько не меньше, чем наши крестьяне деревенскими кулаками.

Работая круглые сутки, текинец-бедняк переносил ужасную эксплоатацию, но существующие патриархальные отношения не давали ему даже и думать об уменьшении этого зла, а не только о какой либо попытке посягнуть на права богатея.

Эта бедняцкая трудовая масса переносила гнет безропотно.

Если и были отдельные случаи недовольства, то дальше двора бая они не шли

Иного выхода, как отдать себя богатею на изнеможение от непосильного труда, у них не было.

Работа в городе на железной дороге была для них редким исключением.

Богачи пользовались таким положением и, находя поддержку у наших самодуров-чиновников, ворочали делами найма работников на землю так, как им позволяла их ненасытная собственническая натура.

Кое-какие признаки общественного существования стали проявлять зажиточные слои туркмен в период японской войны, когда они почувствовали, что как ни хорош русский урядник, но хорошо было бы, если бы его совсем не было.

Неудачи войны были в этом отношении хорошим возбуждающим средством

Националистическая жилка сыграла также не малую роль, и туземная масса (кулацкая) зашевелилась.

Приводились доводы, что русские разбиты совсем, что они теперь совершенно бессильны и что пора им убираться из Туркестана.

Бывали, правда, между туркменами схватки на почве различных группировок, связанных с тем или иным покровительством различным старшинам русскими властями, но это была просто драка за господство, за угодничество, за получение милости от русского начальства. В рапорте начальника Красноводского уезда имеется такой случай: „25-го августа 1906 г., при производстве выборов старшины племени Джарарбай, общество разделилось на две враждебные группы партии *).

Одна из них подала голоса в пользу прежнего старшины Тайчи-хана Дауелханова, другая уже в пользу Алты-Оде-Хаджи-Оглы, являющегося уже несколько лет главарем партии, недовольной нынешним старшиной, подававшим неоднократно жалобы на деятельность Тайчи-хана и особенно усиленно агитировавшим о производстве новых выборов...

От составления приговора партии отказались, причем Алты

*) Этот факт должно рассматривать, как проявленне родовой борьбы. Истпарт.

заявил мне, что если старшиной будет назначен Тайчи-хан Даулханов, то они не станут вносить податей, что общество, т. е. партия его избирателей, готова платить хоть мальчику, лишь бы не Тайчихану".

Так как обе партии были не примиримы, то наши „колонизаторы", учитывая обстановку и преследуя цель во чтобы то ни стало выжимать законом положенные налоги, хотят кончить дело „миром". Они ходатайствуют об образовании двух обществ, в виду крайне обостренных отношений партий, а главных смутьянов выслать из пределов своего общества в отдаленные места других уездов области, с учреждением в месте высылки особого наблюдения за их деятельностью и с воспрещением всякой отлучки.

В отношении смутьянов было доложено также, „что они виновны в распространении слухов среди населения, что после войны с Японией, Россия совершенно ослабела, что не надо платить податей и исполнять приказания начальства, так как скоро придет японский император и освободит их от русской власти.

Что касается зажиточных текин старых родов, то они находились под непосредственным покровительством высшей власти области. С ней они вели интимную переписку и от нее получали все благодеяния.

Для них не существовало никаких революций.

Раболепство их было настолько наивно и ребячески бессмысленно, что только царизм не мог не забавляться.

Вот один документ этого раболепства.

„П е р е в о д.

Его превосходительству господину начальнику Закаспийской области.

Бабаханова Ковшутханова

П р о ш е н и е.

Было сказано вами мне, чтобы я написал и передал полковнику о желании души моей.

Я доволен его императорским величеством, генералом и всеми полковниками.

Мы довольны потому, что когда подается письменная просьба, сообщается о результате, имеем доступ к словесному разговору и дела наши правильно разбираются, прибывающих к вам с 4-х сторон представителей (Кедхуда) не обращаете в рабство и не продаете без различия национальности, относитесь к просителям, будь они туркмены, русские, армяне, персияне, евреи, а также открыты всем двери учреждений. Аг-падишаха, хорошего человека, все люди называют хорошим.

Я просил у вас назначить ко мне одного полковника с 100 кедхудами для поездки.

Сыновья Ковшут-хана:
перечислено четверо,
внучата".

Имеются имена 9 человек.

„21 марта, день суббота. Бабахан Ковшут-хан оглы приложил именную печать. Итак, душа Ковшут хана довольна его императорским величеством и почему, – не трудно понять".

Другой документ еще раболепнее.

Написан он прямо царю.

„П е р е в о д.

Его императорскому величеству.

Верноподданнейших текинцев из родов Атамыш и Тохтамыш, Мервского оазиса.

Желая вашему императорскому величеству все мирские блага, просим господа бога, чтобы весь мир был покорен вашим величеством.

Текинский народ с принятием подданства благоденствует, земля его обрабатывается и превращается в золото, а простые камни обратились в драгоценности, бедняки сделались богачами, а богачи-баи наши приумножились.

Сыновья старинного нашего владетельного хана Ковшут-хана имеют надежду получить от двора высочайшего признак (знак) милости, а потому все Атамыш-Токтамышское общество всеподданнейше просим: дабы был милостиво возведен в ханский чин внук Ковшута хана—Анна-Турды-хан-Хаджа-Реб-хан оглы и удостоен должности, этим будет обрадована и душа покойного Ковшут-хана".

Приложены 34 должностные печати старшин и 2 именные печати.

Местная власть не может, конечно, отказать в просьбе и ходатайствует о производстве Анна-Турды-хан-Ходжен-Ханова в своеобразный ханский чин, а именно—в прапорщики полиции.

По этим двум документам можно узнать кое-что из настроений туземной массы.

Кулак богатей везде в милости у самодержавия, а бедняк он повсюду угнетается в одинаковой степени властелином земли, фабрики, завода.

Туркменская крестьянская беднота оставалась совершенно забитой, темной, в тисках патриархально-феодальных отношений Востока; средняцкий элемент ссорился между собой за отвоевание друг у друга милостей у тупоголового чиновничества самодержавия; туземец-рабочий был так малочислен, что его совершенно не чувствовалось.

Царили баи.

Жалкой лестью, подхалимством добывали себе милость царя.

В то время, как рабочие выбивались из сил, чтобы не дать потухнуть революционному огоньку 1905 г., царизм в 1906 г. начинал итти все тверже и тверже по пути расстрелов, ссылок, обысков.

Глава IV.

1907—1917 г.

Конец 1906 и 1907 г.г. были временем разгрома туркестанских партийных и профессиональных организаций.

В январе 1907 года образовалось турк. районное охранное отделение. Начались повальные обыски, аресты, провалы работников, типографий, организаций.

В Асхабаде продолжает еще работать полиция.

10-го февраля 1907 г. Карцов посылает туркестанскому генерал-губернатору письмо следующего содержания:

„30-го января с. г. у конторщика службы пути Ср.-Аз. ж.д. Ивана Первышева, в гор. Асхабаде, был произведен обыск, причем в квартире его обнаружено дело местного комитета Всеросс. ж.-д. союза. Дело это содержит весьма серьезный ценный материал, при помощи которого, вероятно, окажется возможным раскрыть весь состав областного комитета, его верную (?) деятельность, всю организацию социал-революционной местной партии и ее участников, с привлечением виновных к законной ответственности, после чего, несомненно, будет парализована дальнейшая противоправительственная деятельность революционеров, о чем я донес вашему высокопревосходительству шифрованной телеграммой 7-го февраля за № 51 с ходатайством о командировании опытного специально-подготовленного лица для производства подробного дознания по этому делу. В настоящее время Первышев, по постановлению моему, содержится под стражей в порядке охраны и срок месячного ареста его оканчивается 1 марта. Считая безусловно необходимым содержать далее под стражей Первышева, до окончания дознания, ходатайствую о продолжении ему ареста, уведомив меня о последующем по телеграфу. Затем также нахожу необходимым, в виду вредного характера деятельности Первышева и несомненной принадлежности его к революционной партии, выслать его из пределов Туркестанского края на один год“.

18-го февраля Карцов посылает туркестанскому генер.-губ. по существу дела Первышева следующую телеграмму: „По отзыву Квитинского, документы Первышева относятся средне-азиатскому отделению Всероссийского железнодорожного союза и бывшему в конце октября минувшего года с'езду областного комитета этой организации, преследующей созыв учредительного собрания и установления 8-ми часового рабочего дня; организация охватывает средн.-аз., оренбургскую и ташкентскую линии; первая имеет 12 районных комитетов с областным в Асхабаде; вторая—8 районных и областной в Оренбурге; узловой комитет, действующий только при выступлениях, находится в Ташкенте. С'езд участковых представителей 5-ти район., имеющих около 2.000 членов, обсуждал вопрос о боевых дружинах, об экспроприациях, как значится в протоколе заседания. Дебаты и постановления с'езда по этому предмету конспиративных собраний оглашению не подлежат; по анкетам комитетов настроение членов приподнятое. Районы преимущественно связаны линейными комитета-

ми социалистов-революционеров. Розыском установлена связь асхабадского комитета бомбичной мастерской, обнаруженной в Асхабаде 10-го м. января. Возможно, что экспроприация 14.000 станции Кауфманской осуществлена этой организацией, израсходовавшейся ныне на выборную победу крайних левых, что видно из отобранных у Первышева счетов. Карцов".

23-го февраля Карцов посылает дополнительно следующую телеграмму: „Доложите генерал-губернатору и сообщите прибывшему в Ташкент прокурору асхабадского окружного суда Саковичу, что, как установлено формальной экспертизой имущества дел Первышева, черновая рукопись воззвания, озаглавленная „Ко второму созыву государственной думы"; оканчивающаяся словами: „венцом нашего освободительного движения будет революция, только верховенство народа и учредительное собрание",—написано почерком, тожественным почерку присяжного поверенного Агапъева".

22-го февраля в Кизил-Арвате был арестован А. И. Гнездилин—член кизил-арватского районного комитета рсдрп., о котором было вынесено заключение о выселении из Туркестанского края. В этот же день в Асхабаде был арестован В. С. Шелапутов, о котором также было вынесено решение о выселении из края.

После обыска у Первышева царским властям удалось по делу ж.-д. союза арестовать и присудить к различным мерам наказания следующих лиц: С. Т. Батакова, работавшего в рядах армии; Ф. Юдина, участвовавшего в асхабадской и ташкентской организациях партии эс-эр; С. К. Кастюнина, члена асхабадской организации рсдрп.; Е. Хворостова, участвовавшего в убийстве Ульянина; И. Ф. Носова, члена асхабадского районного комитета; И. Тихонова в Чарджуе; А. Талпинского тоже; С. Листунова, члена организации эс-эр; М. Малинина, члена комитета ж.-д. союза; Л. Кочмарека, члена комитета ташкентск. революц. орган.; Майхровского одного из главных агитаторов; И. Ильясова тоже; К. Павлушко тоже; Ф. Хардамова, по агентурным сведениям, участвовавшего в обсуждении смертного приговора подполк. Чернову; М. Хлыстова—члена местного ж.-д. комитета; Т. Борцева—агитатора; И. Матвеенко—арестованного с тремя револьверами при выходе из конспиративной квартиры организации эс-эр, и Ф. Я. Гуляева, участвовавшего в покушении на жизнь военного губернатора Ферганской обл.*).

В дополнение к своей телеграмме от 31-го марта 7-го года начальник жандармского полицейского управления Сред.-Аз. ж. д. посылает турк. генер.-губерн. следующее письмо: „24-го марта с. г. полицмейстером гор. Асхабада задержаны и заключены в асхабадскую тюрьму 9 чел.: Ф. Вайман, Д. Аусикевич, А. Ляторовский, И. А. Багиев, у коих при обыске квартир ничего не найдено; Е. Засухин, А. Вайман, Ф. Мишин, П. Амбаружков, И. Л. Клингоф, у коих найдены: программы союза жел. дор., отчет с'езда их, прокламация и нелегальная литература. Из числа упомянутых лиц, об Аусикевиче и Клингофе упомянуто в донесении моем от 12-го марта с. г. 27-го сего марта по полученным агентурным сведениям, полицмейстер г. Асхабада обнаружил по Красноводской улице, в д. Богдановича, снаряженные бомбы, взрывчатые вещества, большое количество нелегальной литературы и более пуда типографского шрифта. Спрятаны во дворе секретом, того же числа задержаны, пришедшие в эту квартиру молодые люди Никифор Рыбин, Михаил Качатуров и Григорий Макаров, а также Степан Прохватилов, 50 лет, и заключены в тюрьму, из них Михаил Качатуров дал некоторые показания".

*) Эти обвинения, как и другие данные канц. генер.-губерн., требуют проверки путем воспоминаний участников. Относительно с.-р. большой материал дают процессы с.-р. Истпарт.

Арест Первышева дает возможность царским органам обнаружить ряд политических деятелей, участвовавших в событиях, как в Закаспийской области, так и в других городах Туркестана. Так, при обыске в квартире техника Николая Константинова 13-го апреля 1907 г. обнаруживается следующее письмо закаспийского областного комитета рсрп, вместе с рядом других документов, касающихся революционной деятельности последнего. Письмо гласит следующее: „Товарищи, посылаем вам литературу: наказ солдат депутату Миронову, врученный ему при его от'езде и газеты „Наш мир". Через пять дней пришлем прокламации, изданные цк и перепечатанные у нас (они уже набираются). Тов рищи, вам тов. Миронов должен присылать, как он н м сообщил, пять номеров газеты „Народная дума". В последних номерах этой газеты вы должны были получить письмо к организациям думской соц.-дем. фракции. Сообщите, получили или нет? Если нет, то мы для вас его перешлем. Товарищи, Вы просили нас относительно статьи, написанной в газете Асхабад о социал-демократии, мы об этом говорили и решили не отвечать за недостатком пропагандистских сил, только как в это время Ладо отлучается в Ташкент, а теперь скрывается, так как он зачислен в покушении на Еремеева. По городу ходят слухи, что он останется жив, хотя ему и вырезали кишек, говорят еще, что он едва останется жив. Мы присоединяемся к последнему мнению. Миронов прислал телеграмму Карцеву, а не Первышевой. Слышали, что он, Миронов, требовал освобождения Первышева Товарищи, сообщаем вам, что нами получено письмо из Ташкента, где говорится о провале социал-демократической организации и просят нас ничего не принимать с явкой и паролью. Печать такая, как асхабадская организация. Примите к сведению. Сообщите нам, товарищи, свои адреса для писем, явок и литературы. Наш новый адрес вам известен, т. е. письмо на Викторова и для денег тоже известен, а для явки Заплаткину и литературы для Ф. М. Ка. Газета нами будет выпускаться через месяц, в виду того, что еще наша типография для газеты не вполне оборудована. Товарищи, еще раз просим вас выслать нам отчисление, так как за недостатком средств работа замедляется, а также просим прислать и на поездку делегата на с'езд, ибо ему нами было занято 100 руб. и их необходимо уплатить. Еще раз просим прислать каталог книг вашей библиотеки, нам он необходим. Связанную литературу оптом просим прислать в Казанджик т. Цепову.

Остаемся с товарищеским приветом областной комитет зак. орг. рсдрп секретарь Краснобай".

По распоряжению турк. ген.-губ., согласно ходатайства местных властей, Константинов из Туркрая выселяется. Главной причиной ареста и высылки является то, что Константинов, после избрания Миронова в члены государственн. думы, заступил на его место по всем делам ж.-д. союза

Из асхабадск. тюрьмы в ночь на 23-е августа 1907 года совершил побег политический заключенный—Теодор Клингорф. Все принятые меры царскими органами результатов не дали и последний благополучно скрылся.

Согласно ходатайства турк.-ген. губ., в Тифлисе и Баку начинается розыск революционеров Дукельского и наборщика Промышленского. От 28 марта 1907 г. турк. ген.-губ. получает из Баку телеграфный ответ на свой запрос, в котором сообщается, что Промышленский задержан, а Дукельский нет, при чем, по имеющимся сведениям, последний выехал в Эривань. О розыске его также сделано

надлежащее распоряжение. 30/III из Эривани получается телеграмма, что Дукельский задержан. По дальнейшим материалам видно, что Дукельский являлся одним из членов турк. обл. комит. с.-р.

30-го января в Асхабаде был арестован один из видных деятелей асхабадск. организации партии с.-р. На неоднократные заявления, как его, так и его жены, не получалось в течение 7-ми мес. никакого ответа. Дело его числилось за м. в. д. Жена Первышева 8-го августа пишет на имя м. в. д. прошение об освобождении мужа.

На это заявление 25-го сентября канцелярия турк. ген.-губернатора сообщает асхабадскому полицмейстеру следующее: „Об'явите проживающей в Асхабаде Анне Первышевой, в ответ на прошение ее, что главн. начальник края не признал возможным освободить мужа ее Ивана Первышева из под ареста впредь до решения судом возбужденного о нем дела. Мустафин".

Дальнейшая судьба Первышева неизвестна. Есть основание полагать, что он был отправлен в ссылку в одну из сибирских губерний.

По донесению полиции после 17 апреля был произведен обыск в киоске Ляторовского, в результате чего составлен следующий протокол: „1907 г. 18-го апреля, гор. Асхабад. Я, помощник полицейского пристава гор. Асхабада Белов, сего числа, по поручению г. асхабадского полицмейстера, поверяю киоск, находящийся на Скобелевской площади, принадлежащий Ф. И. Ляторовскому, причем в последнем оказались брошюры, с надписями „В борьбе обретешь ты право свое" под заглавиями: „Как люди пытаются жить по правде"--два экземпляра, „Как народные представители спорили с министрами на счет передачи всей земли крестьянам"—один экземпляр.„ У кого земли много и почему много"—1 экз., „Бороться за землю и волю"—2 экз., „Какие порядки нужны народу и как их добиться" —1 экземпляр, „Следует-ли переселяться",—три экземпляра, „Крестьянские союзы в Сицилии"—один экземпляр, „Мировой рост и кризис социализма"—один экземпл., „Архив государственной мудрости или злачное место", и „Где же государственные раки зимуют"—один экз., „Песни и стихи революции"—один экз., „Откуда берется прибыль и как создается богатство", и, кроме того, брошюры, на которые наложен арест, согласно циркуляров главного управления по делам печати".

Дальше дается перечень 14 названий, 250 экземпляров эс-эровской литературы...

„Спрошенный находившийся в этом киоске в качестве продавца П. Ю. Набрин показал: „около месяца тому назад меня нанял в этот киоск в качестве продавца Ляторовский с окладом 25 рубл. в месяц. Книги и брошюры находились здесь все до меня. Более показать ничего не имею".

В 11.214 № газеты „Новое Время" от 2-го (15) июня 1907 г. помещены сведения о закрытом заседании государственной думы. Касаясь закаспийских организаций, газета пишет: „д) отчет о первой конференции закаспийских организаций российской социал-демократической рабочей партии.

Заключая в себе сведения о положении партийных дел в разных городах Закаспийской области, отчет говорит, что „в Мерве военная организация, работающая под руководством солдатского коллектива, охватывает все части войск, что наиболее крупная организация в Асхабаде, где организацией были проведены солдатские восстания в июле и 7-го сент. одновременная забастовка протеста по поводу суда над солдатами".

Затем приводится резолюция, принятая конференцией „о необходимости вести широкую устную и письменную пропаганду для превращения оппозиционной массы в революционную, что крайне необходимо для будущих революционных выступлений“, „о необходимости обратить особо серьезное вниимание на привлечение солдат и широкую постановку работы среди войск“, „об издании периодического солдатского органа“, „о доступности экспроприации оружия“, и, наконец, о том, что принятые конференцией 9-го и 10-го п.п. резолюции в отчете не помещены и опубликованию не подлежат.

22-го июня ген. Карцов посылает туркестанскому ген.-губ. следующую телеграмму: „21-го июня вечером в Кизил-арвате, по приходе почтового поезда из Асхабада, следовавших в гор. заведывающего полицейской частью Борова, его помощника Тараненко и сопровождающих казаков с моста, перекинутого через рельсы, брошено несколько бомб и открыта стрельба. Тараненко убит, других жертв нет. Пока никто не задержан. Карцов.“

26-го же июня в развитие телеграммы посылает следующее письмо: „в дополнение к телеграмме моей от 22-го июня с. г. доношу вашему высокопревосходительству выясненные командированным мною в Кизил-арват и. д. младшего штаб-офицера особых поручений, капитана Цуриковым подробности произведенного 21-го июня на завед. полицейской частью в Кизил-арвате г. Борова и сопровождавшего его конвоя нападения.

„Боевой организацией кизил-арватских главных ж.-д. мастерских решено убить г. Борова. С этой целью членами боевой организации за Боровым установлен надзор, дабы в удобный момент можно было его убить. Подходящим местом указанной организацией в данном случае было выбрано узкое место под пешеходным мостом через полотно ж. д., где обыкновенно проходил с вокзала домой г. Боров. С 19-го июня Боров выбыл в Асхабад по делам службы. 20-го июня ожидалось возвращение Борова в Кизил-Арват. Помощник пристава г. Тараненко, совместно с чинами полиции, охраны из казаков и пешеходов, вышли на вокзал встретить г. Борова, который обыкновенно выезжал и возвращался в Кизил-арват без предупреждений и оповещений. Г. Тараненко, заметив сидящих на перроне вокзала трех подозрительных лиц, указал на них околодочному надзирателю Думпману. Люди эти, сообразив, что их заметили, быстро встали и стали удаляться с вокзала. За ними последовали чины полиции. Удалявшиеся побежали, но один из них был настигнут и у него в руках оказался „браунинг“. На вопрос „что это“, схваченный отвечая „ничего“, швырнул оружие на крышу дома. Лицо это было задержано и брошенн. им оружие затем было найдено. 20-го июня завед. полицией в Кизил-арват не возвратился, а потом г. Тараненко, имея в виду вышеописанный случай выслеживания Борова, явился на вокзал на другой день 21-го июня для встречи своего начальника. Когда Боров возвратился в Кизил-арват с почтовым поездом, то Тараненко, при встрече, видимо, не предупреждал его, вследствие чего не принял особых мер осторожности. Боров, с встречавшей его семьей и сопровождающими его лицами, отправился обычной дорогой домой. На пешеходном мосту, через полотно дороги, стоял сигнальщик, который, заметив приближавшегося Борова, не дошедшего до моста 30—40 шагов, крикнул „дуй“. Вслед за этим из-за забора было брошено впереди моста две бомбы и через непродолжительный промежуток времени еще две бомбы, но позади моста. Одновременно была открыта нападающими револьверная стрельба из-за забора, из-

под вагонов, из маневрирующего паровоза, стоявшего здесь-же под мостом.

„Боров и охрана открыли ответную стрельбу, и, прикрывая семью, стали отступать к вокзалу. Не успел Боров выйти на перрон, как маневрировавший паровоз подошел к месту остановки Борова и люди, бывшие на паровозе, открыли вновь беспорядочную стрельбу по Борову. Боров, Тараненко и сопровождавшие их ответили стрельбой по паровозу; по утвердительному заявлению Борова, на паровозе несколько человек упало, вслед за чем паровоз быстро скрылся. Когда полиц. чины станционной службы нашли означенный паровоз, то на нем ничего не оказалось. Маневрировавшим паровозом с 8-ми часов вечера того дня руководил помощник машиниста Иван Богомолов, а машинист Франц Михайловский был в саду-питомнике и на паровоз прибежал только после тревоги. Показания Богомолова сбивчивы, он не отрицает, что на паровозе были стрелявшие люди, но кто они—назвать отказался. Боров, в первое время суматохи, упустил из виду осмотреть паровоз тотчас же после стрельбы. Утром, когда паровоз был осмотрен в депо, то площадка его оказалась тщательно вымытой, что обыкновенно не делается и дает предупреждение, что на паровозе были раненые. По просьбе Борова, администрацией мастерских составлены списки неявившихся на работы утром 22-го июня Ведется тщательная проверка причины неявки на работы. В Кизил-Арвате носятся слухи, что несколько человек из нападавших ранены, но фамилии их пока неизвестны. Помощник пристава г. Тараненко убит револьверной пулей, выпущенной из-за забора в то время, когда он с Боровым, стоя на перроне, отстреливался от лиц, стрелявших с паровоза. Карцов".

В результате этого нападения был убит пом. пристава Тараненко и ранены рядовой 6-го геок-тепинского резервного баталиона Алехин и железнодорожн. фельдшера Тепурский и Новицкий. Что касается самого Борова, то его убить не удалось. Сразу-же царская машина после этого нападения заработала. Начались обыски и аресты. Арестованный помощн. машиниста не сознавался и таким образом состав участвовавших в описываемом нападении остался секретным. Начиная от министерства внутренних дел и кончая начальником Закаспийск. обл., все возмущались этим явлением и готовы были принять какие угодно репрессии, лишь бы выяснить участников.

Немедленно же была переброшена в Кизил-Арват сотня казаков для необходимой расправы, с винтовками. Но в результате оказалось, что ни массовые аресты, ни другие виды репрессий не дали возможности царским органам раскрыть участников нападения.

В начале июля в Асхабаде группой социалистов-революционеров был убит один из крупных палачей Закаспия, начальник Средне-Азиатской жел. дороги ген. Ульянин. Вслед за этим начались снова массовые аресты, обыски, гонения и т. д. 12 июля ген. Малыхин посылает в Петербург следующую телеграмму: „Получил ныне совершенно точные указания личности убийцы ген. Ульянина, сделал распоряжение об аресте, дополнительно донесу. № 256".

20 июля посылается другая телеграмма следующего содержания: „Дополнение телеграммы № 256 доношу, 14 июня по моему указанию арестован по охране Асхабада токарь здешнего депо Яков Запорожцев, по агентурным указаниям, обвиняемый в убийстве ген. Ульянина, а также городового Мартынова и, вероятно, слесаря Руша (?). Ввиду имеющихся некоторых улик, добытых судебным следствием,

обнаружены*) родного брата арестованного, весьма сходного с ним по приметам машиниста кизил-арватского депо Константина Запорожцева, находящегося в Асхабаде в день убийства, последний ныне также арестован. Для окончательного выяснения в виновности убийцы дело передано прокурору. Арестованные будут числиться за начальником области, дополнительно донесу. № 166 Малыхин".

Возникает большая переписка. Высшие органы продолжают требовать у начзакобласти представления материалов и данных на действительность убийства Запорожцевым, а начобласти этих материалов не имеет, так как он, оказывается, подозревал и арестовал Запорожцева на основании имеющихся у него заявлений о политической неблагонадежности Запорожцева.

Запорожцев сидит, а переписка продолжается. Наконец, 8-го января 1908 г. турк. ген.-губ. дает заключение в м. в. д. о необходимости выслать Запорожцева из пределов Туркестанского края.

В ответ на это из мин. в. д. получается следующее распоряжение уже от 5 апреля 1908 г.: „По рассмотрении особым совещанием, образованным согласно ст. 34 положения о государственной охране, обстоятельств дела о крестьянине Якове Петрове Запорожцеве, подозреваемом в участии в убийстве ген. Ульянина и городового Мартынова, г. министр внутренних дел 31 марта 1908 г. постановил: переписку о названном лице в порядке, указанном ст. 34 положение об охране, прекратить. О таковом постановлении имею честь уведомить ваше высокопревосходительство вследствие отношения от 8 января сего года за № 38, для зависящих распоряжений и об'явления означенному лицу".

Таким образом, Запорожцев освобождается из под ареста, не смотря на то, что он на самом то деле в убийстве ген. Ульянина принимал деятельное участие**).

18-го сентября 1907 г. начальник Асхабадск. уезда доносит рапортом нач. Зак. обл. об аресте нелегального собрания в квартире А. Коломина: „Негласными сведениями в ночь на 16-е сентября, в квартире конторщика мобилизационного отдела упр. Ср.-Аз. ж. д. Александра Коломина, находящейся на Хилковской улице, в д. Локтина, обнаружено нелегальное собрание в числе 16 мужчин и 9 женщин. Большинство из них принадлежит к интеллигентному классу и между ними помощник секретаря асхабадского окружного суда В. Куликов.

„Оратором был прибывший в Асхабад месяц тому назад и проживавший в гостиннице Гранд находящийся без определенных занятий бывший студент, назвавший себя по профессии журналистом, по паспорту, выданному саратовским полицейск. управлен., П. И. Сокольский.

„При обыске квартиры Коломина обнаружено: 1) талонная книжка в сто листов с печатями на каждом листке „РСДРП", 2) подписной лист с такой же печатью для сбора пожертвований в пользу заключенного бывш. члена государственной думы от Закаспийской области—Миронова, 3) одна прокламац. армянской революционной партии „Дашнакцутюн" и др. менее важные документы.

„У Сокольского при обыске занимаемого им номера в гост., кроме 4-х неразрешенных брошюр, ничего не обнаружено.

---

*) Транскрипция сохранена. А. М.

**) Тов Я. Запорожцев после революции и поныне состоит членом ркп. А. М.

„Насколько возможно было подслушать чинам полиции до прибытия и. д. полицмейстера на сборище, Сокольский вел речи противоправительственного содержания и пропагандировал убийства, как высших, так и низших правительственных чиновников.

„По окончании обыска квартиры Коломина и лиц, бывших на митинге, все они, для установления личности, под конвоем были доставлены в полицейское управление, а по установлении и докладе его превосходительству ген.-майору Волковникову, были отпущены, за исключением Коломина и Сокольского, которые заключены в тюрьму в порядке охраны". Следует подпись. Нач. уезда подполковник Шелашников.

По дальнейшему ходу следствия мы видим, что в составе арестованных были следующие лица:

1. А М. Айрапетов—учитель армянск. приходск. школы;
2. Х. Г. Бабикян—учитель той же школы;
3. А. М. Гюрджиян—без определенных занятий;
4. С. Ю. Досов—слесарь депо Асхабад;
5. В. И. Куликов—пом. секретаря окружн. суда;
6. С. М. Велунц—бухгалтер в магазине „Мануфактурн. Т-ва";
7. Г. А. Абкарьянц—учитель армянского училища;
8. П. В. Панфилов—техник;
9. А. И. Берлинер - слесарь депо Асхабад;
10. А. А Коломин—конторщ. мобилизац. отдела управл. Ср.-Аз. ж. д.;
11. К Я. Гелдт—слесарь депо;
12. И Д. Богданов—слесарь депо;
13. С. А. Сокольский—приезжий студент;
14. С А. Чальянц – бухгалтер купца Арутюнова;
15. Г. И. Чевокин—слесарь депо;
16. В. К. Беляев, конторщик пенсионной кассы Ср.-Аз. ж. д.;
17. Ф. И. Пискунова—служащ. техн. отд упр. Ср.-Аз. ж. д.;
18. София Марголина—зубн. врач в Асхабаде.;
19. Лия Израилевна Зегельман—зубн. врач;
20. Наталия Израилевна Зегельман—тоже;
21. Любовь Израилевна Зегельман—слушательница повивального института Киева;
22. Ева Израилевна Зегельман—служащ. общества „Кавказ и Меркурий";
23. Нина Абеловна Лурсабова—дочь асхабадск. фотографа;
24. Эстер Эл. Тодрис—ретушерка фотографии Черняева;
25. Сираннуш. Татевос. Агбалянц—дочь армянск. священника.

16-го сентября Гродеков доносит министерству внутренн. дел следующее:

„В Асхабаде 16-го сент. в квартире конторщика мобилизац. отдела ж. д. Коломина обнаружено нелегальное собрание, в котором одним из ораторов пропагандировались убийства. При обыске одной из квартир обнаружены документы рсдрп. Коломин арестован в порядке охраны. Дознание передано прокурору. Ходатайствую продлении Коломину срок ареста до разрешения дела—Гродеков".

Протокольным постановлением особого комитета при управлен. Ср.-Аз. ж. д. Коломин увольняется со службы без права обратного поступления. Сокольский-же, вместе с 19 арестованными за политические дела, 18-го сент. удирает из тюрьмы и царским чиновникам поймать его не удается.

Местные органы возбуждают перед министерством ходатайство о высылке всех участников на арестованном собрании. Наконец, 9-го февраля 1908 г. получается из м. в. д. следующее распоряжение: „По распоряжению особого совещания, образованного согласно ст. 34 положения о государственной охране, обстоятельств дела о содержавшемся под стражей конторщике мобилизационного отдела Ташк. ж. д. Коломина, изобличаемом в принадлежности рсдрп, г. министр внутренних дел постановил: подчинить Коломина гласному надзору полиции в избранном местожительстве, за исключением столиц, столичн. губерний и Туркестанского края, на два года, считая срок с 24-го I 1908 г.“

Это решение местными властями приводится в исполнение немедленно же.

Прибывающие из центральной России для отбывания ссылки в Кизил-Арват политработники еще больше подымали революционное настроение в рабочих массах. И вот в довершение окончательной ликвидации всяких выступлений в массах, согласно ходатайства кизил-арватских и асхабадских властей, канцелярия туркестанского ген. губерн. 5-го января 1908 г. возбуждает перед м. в. д. ходатайство о прекращении присылки в Кизил-Арват административно высланных лиц из других местностей России. На это ходатайство м. в. д. от 18-го марта 1908 года пишет следующий ответ: „Временн. турк. ген.-губ.: „Туркестанский ген.-губернатор возбудил ходатайство о том, чтобы лица, удаляемые из разных местностей в порядке исключительных правил, не направлялись в укр. Кизил-Арват Закаспийской обл.

„Принимая во внимание, что в укр. Кизил-Арват, где имеется железнодорожное депо, проживает значительное количество железнодорожных рабочих, среди которых за последнее время стало проявляться революционное брожение под влиянием приезжих агитаторов, я признал необходимым, чтобы при применении ст. 19 правил военного положения и п. 4 ст. 16 положения об охране, а равно при высылках в порядке ст. 34 названного положения под надзор полиции в избранные места жительства, высылаемые были предупреждаемы, что, в случае прибытия их в Кизил-Арват, они будут удалены оттуда распоряжением местной административной власти, в силу предоставленных последней положением об охране полномочий. Об изложенном уведомляю ваше превосходительство для зависящих распоряжений“.

Из приведенных выше данных мы видим, что политические организации Закаспийской области возникали и развивали свою работу в годы революции 1905—6 и 7 г. г. исключительно среди европейского населения. Здесь, между прочим, вполне оффициально, но нелегально, существовали почти во всех городах области организации рсдрп, партии эс-эров, довольно значительная и сильная организация армянской партии „Дашнакцутюн“ и друг. Общая обстановка, в которой приходилось разворачивать свою деятельность всем этим партиям, заставляла их очень часто создавать единый фронт действия. Поэтому, следя за материалами, нередко можно встретить случаи, когда созываются собрания с участием членов различных партий, на которых решались вопросы тактики.

Каждая из действующих партий имела, несомненно, свои руководящие областные органы, которые, при тяжелых условиях свирепствования царской жандармерии, не могли абсолютно установить систематическое руководство работами местных партийных органов. Однако, кое-какая связь с руководящими органами была; низовые

органы от последних получали письма, воззвания к массам, готовые прокламации, газеты, литературу и даже денежную поддержку, но все это не дает возможности, однако, считать, что при подпольных условиях существовало надлежащее руководство сверху. В Туркестане за все революционные годы только в самый разгар деятельности политических организаций мы видим конференции с.-д. (февраль 1906 г. *), июль 1906 г., во время с'езда ж.-д. союза и ноябрь 1906 г. под руководством Джапаридзе **). Связь с цк поддерживалась перепиской и присылкой работников. Участие в с'ездах партии Туркестан также принял. Так, от Самарканда ездил на стокгольмский с'езд Морозов (больш.), на лондонский—Воронов, рабочий, от Ташкента на IV с'езде был Зурабов (под фамил. Беков), от Туркестана Быстров (Седой), от Кизил-Арвата—Марк Бузанский (в списке участников с'езда не числится) **).

Работа политических партий в области была поставлена во всех почти слоях населения, за исключением, конечно, местного коренного. Разногласия, существовавшие между отдельными партиями, все-таки не мешали каждой из них разворачивать свою деятельность в среде какого либо определенного слоя населения. Так, социалисты-революционеры преимущественно в интеллигентских массах, социал-демократы среди рабочих, дашнаки среди армянского населения работали, подготовляли, призывая к одной основной цели—это свержению самодержавия в России и созданию демократической республики. И в результате упорной работы этих партий были охвачены все городские массы, которые частью сочувственно относились к разворачивающимся событиям, а частью активно шли вперед под руководством партийных организаций со своими экономическими и политическими требованиями.

Особенно революционно были настроены солдатские массы области. Среди них работали и руководили артельными выступлениями с теми или иными требованиями—почти все активно действовавшие в то время политические партии, со второй половины 1906 г., в особенности, партия социалистов-революционеров. Последняя имела более крепкую и сплоченную организацию в области.

Все партийные организации были разбиты на мелкие политические кружки, в которых и велась воспитательная работа. Социал-демократическая партия и партия социал-революционеров образовали сети кружков, в которых велись занятия по воспитанию масс членов и нечленов, посещающих кружки. Выслушивались доклады, лекции, устраивались громкочтения, собеседования по отдельным вопросам и т. д. Пособиями для занятий в этих кружках и саморазвития их членов служили: получаемая из центра скудная литература, в большей части эс-эровская, и газеты.

Как кружками, так и работой местных органов руководили в большинстве своем оффициально высланные царским правительством и специально делегированные для работы на места из центральных более крупных и сильных организаций той или иной партии лица. В массах местных рабочих за годы революции все же не были подготовлены теоретически крепкие кадры. Слишком поздно началась пропагандистская работа. Этим об'ясняется легкий переход рабочих масс в 1906 г. от с.-д. к эс-эр. и в 1907 г. к анархистам.

---

*) Черновский, А. „Коммунист" за 1922 г., № 7—8. Истпарт.
**) Дворянов, „Красн. Летопись Туркестана", № 1—2. Истпарт.

Проводились митинги, собрания и заседания, но, к великому сожалению, установить более точное состояние работы отдельных партий не представляется возможным.

В Асхабаде, судя по материалам канц. турк. ген.-губ., был образован революционный комитет, который руководил движением в массах и свое действие распространял на территории всей области. Он в годы борьбы об'единял работу всех революционных групп, вооружал их, подготовлял восстания как в рабочих, так и солдатских массах, устраивал побеги политических арестованных и т. д. Подробные материалы о деятельности этого ревкома до нас не дошли. Состав его также остается неизвестным.

Что же делалось среди местного коренного населения? Из всего мы видим, что среди последних ровным счетом не велась никакая работа. Туземцы стояли в стороне, их по прежнему эксплоатировали и угнетали царские колонизаторы. Вся революция развивалась и распространялась по полотну железной дороги, а дальше, в аулы она не проникала, вследствие того, что перенести ее было некому. Таким образом, если в России можно было наблюдать сдвиг и массовое движение в крестьянстве, то здесь, в Закаспии, наоборот. Дехканство не только не принимало участия в борьбе за свои права, но оно абсолютно не было осведомлено о совершающемся по близости, в городе.

1907—8 гг. являются годами окончательной победы над всеми революционными организациями и массового выселения политических деятелей из пределов Туркестанского края. Судя по материалам, которые служат основой для составления настоящего очерка, большую роль в деле раскрытия политических организаций сыграли провокаторы, специально посланные царскими полицейскими органами для выявления активных и деятельных членов партии Еще большую роль сыграли предатели.

Окончательная победа над революцией в Закаспийской области завершается царизмом одновременно с победой в Центральной России. Но здесь новые организации возникают не одновременно с организациями, возникшими в промышленных центрах России после победы черной реакции, а возникают гораздо позже, примерно, к февральской революции 1917 г. И после окончательной победы реакции в 1908 году на всей территории Закаспийской области, за исключением отдельных мелких вспышек и недовольств, мы не наблюдаем широкого массового движения до февральской революции 1917 г.

Империалистическая война снова пробуждает в рабочих массах Закаспия интерес к политичеекой борьбе. Начало об'единения вокруг революционных лозунгов собираются класть опять-таки прибывшие из центра политические ссыльные. Но и на этот раз работа блестящих результатов не дает, вследствие неустанного надзора полиции за каждым шагом руководителей. Не считая нужным подробно останавливаться на деятельности отдельных товарищей за период до февральской революции, т. к. эта деятельность носила неорганизованный характер, тем не менее, находим необходимым осветить один из наиболее интересных и важных моментов в истории революционного движения в Закаспийской области,—это Мадритовскую экспедицию, всколыхнувшую туркменскую массу и открывшую последней глаза на сущность царской политики. Вот как описывает ее туркмен Х. И., соплеменники которого пострадали.

„В 1916 г. была создана карательная экспедиция ген.-лейтенанта Мадритова против туркмен-иомудов, в связи с отказом последних

дать на тыловые работы германского фронта мировой войны своих людей.

„Карательная экспедиция состояла из 15.000 регулярного войска, артиллерии и автомобилей, при полном снаряжении. Она высадилась в персидском порту Кара-Су, устроила там штаб и базу и начала „усмирять восставших туркмен-иомудов“ против России и Персии на территории последней (иомуды были подданные Персии).

„Экспедиция в то время послала отряды по реке Атреку, составляющей границу России с Персией, распространила свои карательные действия и на севере от реки Атрека и избивала одинаково население, живущее в России и Персии.

„Эта карательная экспедиция истребляла мирных жителей, сжигала кибитки, уничтожала посевы, захватывала скот и имущество и бесстыдно грабила. Были случаи, когда казаки (русские) поднимали на пику живых детей, зарывали в ямы живых людей и вырезали из чрева беременных женщин детей.

„Генерал-лейтенант Мадритов отнял у иомудов до 5.200 заводских кровных иомудских лошадей, несколько сот тысяч баранов и другого скота.

„6 старшинств (волостей) иомудов родов Джафарбай и Атабай, русско-подданных, проживавших к северу от реки Атрека, вынуждены были переселиться (бежать) в Персию и с тех пор живут в Персии, не заглядывая в Россию, даже и не появляясь здесь.

„Все жители (до единого) по обе стороны р. Атрека, отступая перед жестокостями и безумием экспедиции, сдвинулись и ушли в Персию, в Буджиуд, отбиваясь от наступающих. После того, как революция убрала генерала Мадритова, иомуды возвратились на свои раззоренные места, а в 1918 г. весною вывезли генерала Лаврова, полковника Михайлова, пограничных комиссаров Персии, многих русских колонизаторов и поселенцев из Бумбета (Персия) на берег моря и просили их совсем уехать в Россию.

„Все награбленное генерал Мадритов в течение 1916 г. и начале 1917 г. отправлял в Россию и куда-то устраивал, а в 1917 г., после революции, когда Мадритов возвратился в Россию, в городе Баку солдаты обыскали его и нашли при нем „личного ручного багажа“ 62 пуда серебряных кранов и 80 с лишним пудов туркменских ковров. С тех пор у иомудов сохранилось враждебное отношение к России, а матери туркменки-иомудки и поныне пугают своих детей тем, что „придет Мадритов“.

„Среди раззоренных иомудов, особенно рода Атабай, по р. Атреку, возвратившихся на свои пустынные пепелища, образовался особый род бедняков „гот-торбали“, так как у них осталась только торба, привязанная сзади, в этой торбе у них хранится аркан, который они накидывают на шею встречному и отнимают у него имущество. Делали они это от голода и с улучшением экономического положения „гот-торбали“ начали исчезать, бросая свое занятие.

„С тех пор, т. е. с 1916 г., по сей день никто в России не сказал обездоленным и истерзанным экспедицией иомудам, что это было безумием царского времени и личной жестокостью русского генерала, и никто „не извинился“ перед ними за пролитую кровь и поднятых на пики туркменских детей. Вследствие этого, иомуды относят эту кошмарную экспедицию „за счет“ вообще России, и часто недоверчиво смотрят на север.

„Следует подпись: сын этого народа Х. И. К. Х. О.“

Глава V.

От февральской до октябрьской революции.

Как мы уже говорили выше, в момент февральской революции в Закаспии не было оформившейся политической организации, которая могла бы руководить и организованно вести рабочие массы к захвату власти в свои руки.

Мало того, даже возникновение февральской революции еще долго не было известно населению области.

К моменту февральской революции в Асхабаде издавалась газета „Асхабад", которая постоянно перед этим печатала агентские телеграммы, освещающие важнейшие действия европейской войны, экономическое положение Европы и наиболее важные моменты в жизни царской России. В конце февраля 1917 года, приблизительно 25 числа, газета перестала помещать эти телеграммы, и страницы ее стали заполняться или старыми телеграммами, или же устарелыми вырезками из центральных и заграничных газет. Такое положение невольно заставляло думать, что Закаспий находится в положении полной оторванности от центра. Даже перестали поступать сведения о событиях, совершающихся в центре Туркестана—Ташкенте, где в то время творил политику известный по русско-японской войне „собиратель икон"—генерал Куропаткин. Все с внешней стороны, казалось, обстояло „благополучно", несмотря на то, что верхушкам Туркестана, в том числе и в Закаспии, давно было известно о больших волнениях петроградских рабочих, роспуске государственной думы, о тяжелом экономическом кризисе и пр. и пр. Такое затишье продолжалось до 4 или 5 марта 1917 года.

В течение почти целой недели по городу ходили слухи, передаваемые из уст приезжающих из центра граждан, о свержении царя, об образовании временного правительства, об аресте всех царских министров и проч. Но оффициальных сведений, подтверждающих эти слухи, не было никаких. Наконец, приостанавливается и выпуск „Асхабада". Числа, приблизительно, 4 марта по стар. стилю начальник области Калмыков созывает совещание*) из начальников отдельных учреждений и редактора местной газеты. Знакомит собравшихся с содержанием поступившнх за период с 26 февраля по 4 марта агентских телеграмм и об'ясняет, что телеграммы, содержавшие известия чрезвычайной важности, хотя и получались своевременно, все-же не опубликовывались, потому что требовалась проверка и подтверждение фактов высшими инстанциями власти. Собравшиеся узнали на этом совещании из оглашенных генералом Калмыковым телеграмм, что еще 26 февраля председатель государственной думы г. Родзянко послал царю в ставку телеграмму о серьезности положения и о необходимости немедленного составления нового правительства, на что царь ответил роспуском „мятежной" думы и назначением новых выборов не позднее, во всяком случае, апреля. Далее шла информация

*) См. «Туркм. Извест». 1922 г.

о 2-й телеграмме Родзянко, поданной им от имени буржуазии и буржуазных партий, где он настаивает перед царем принять меры немедленно, считая, что завтра уже окажется поздно: „Настал последний час, когда решается судьба родины и династии". В заключение генерал Калмыков информирует о том, что 27-го февраля, когда и для членов государственной думы уже не стало сомнения, что революция победила, дума выделила из своей среды временный исполнительный комитет, нечто в роде предварительного временного правительства. Приводит также текст воззвания комитета к населению, переданный телеграфно. Словом, сообщает целую кучу новостей, вплоть до отречения Николая II, назначения на его место Михаила, отречения последнего и т. д. и т. п.

Все эти сообщения на собравшихся закаспийских властей произвели ошеломляющее впечатление. Совещание, после долгого и продолжительного обмена мнениями, решило все полученные ранее не об'явленные телеграммы опубликовать в возобновленной газете, а наиболее важные из них, в виде отдельных плакатов, отпечатать и расклеить на улицах Асхабада. Таким образом, населению Асхабада стало известно о совершившихся событиях в центре после этого совещания, т. е. почти через две недели после события в Питере, а войсковым частям итого позже.

Правда, частично кое-кому из солдат местного гарнизона было уже кое-что известно о совершающихся событиях, в особенности чинам комендантского управления, через которых проходили телеграммы на имя командующего войсками области (он же начальник области), но это только немногим, а для огромного большинства частей войск все происшедшее, повторяю, оставалось оффициально тайной, чуть ли не до 10 марта. Окончательно войсковым частям все стало известно 10 числа, когда, в честь свержения царя и организации временного правительства, был дан парад войскам асхабадского гарнизона, где сам начальник области Калмыков об'явил об этом в форме приказа.

Некоторые группы солдат, осведомленные гораздо больше о свержении царя, создали инициативное ядро, так называемого, „солдатского комитета", исключительно из нисших чинов комендатуры. На 7-ое марта этим ядром было созвано совещание делегатов от всех войсковых частей местного гарнизона. Избрали председателя и секретаря и двух представителей в образовавшийся к этому времени особый „офицерский комитет". Работа солдатского комитета велась числа до 10 марта, так сказать, подпольно. Ему часто приходилось собираться и заседать на частных квартирах, во избежание возможных репрессий со стороны начальника области. Только 10-го марта, когда комитет выступил, как общественная организация, на параде, заняв место рядом с другими такими же организациями, вроде рабочих организаций, он почувствовал себя лишь более или менее прочно. С этого момента комитет переходит на легальное положение, перенеся свою, доселе нелегальную, агитационную работу—выражающуюся в раз'яснении значения происходивших событий в солдатских массах в казармах—в открытую.

Но солдатский комитет, хотя и считался уже легальной организацией, долгое время действовал нерешительно. Он очень почтительно относился к начальнику области и ко всем высшим военным чинам. Часто его журнальные постановления за этот период существования требовали санкции „г. г. офицеров", мнение которых играло при этом несомненно решающую роль. В этих постановлениях пестрят выражения весьма почтительного характера, например, „жела-

ние г. г. офицеров гарнизона", „просить коменданта города г. полковника" и т. п.

Числа 12-го марта, после об'явления всех телеграмм в печати, в театре „Спорте" был созван первый всенародный митинг, где был избран гражданский исполнительный комитет. В него вошли и представители от солдатского комитета. Митингом руководило несколько человек, назвавших себя социалистами. Руководили они очень неумело и неорганизованно. Казалось, что после митинга и организации исполнительного комитета, власть должна была перейти, хотя временно, в руки последнего. Однако, старые власти продолжали оставаться на своих местах: не было произведено ни арестов, ни смещений, и царская машина продолжала работать по-прежнему. Начальник области, его канцелярия, уездные начальники и пристава продолжали работать, как раньше. Складывалось впечатление, что ничего особенного и не произошло. Солдатские комитеты, и сам гражданский исполком, хотя и существовали, но, ввиду их трусливого подхода к делу и нерешительности, совершенно стояли в стороне и не вмешивались в дела фактически правящей царской власти. Общественные организации не имели права, хоть сколько-нибудь серьезно, вмешиваться в сферу управляющего царского аппарата. Местное туркменское население, которое несколько месяцев назад выдержало кровавую борьбу за свою свободу *), ничего не знало о победе российских рабочих и никакими новыми правами не пользовалось.

Начальство абсолютно не торопилось знакомить туркменское население области с событиями, не спешило говорить о значении февральской революции, о важности свержения монархии, и не думало организовывать в аулах исполкомы вместо беспощадных эксплоататоров и угнетателей туркмен—старшин—агентов и чиновников царского правительства. Туркменское население, привыкшее подчиняться желаниям и приказаниям „начальства", стояло как-бы в стороне от всего происходившего и по старой привычке толпилось „по своим-де делам" в приемных начальника области, который тогда находился на положении „завоевателя" народа своим авторитетом, влиянием и т. д.

Такое положение продолжается в области более месяца, т. е. до тех пор, пока начальник области, генерал Калмыков, не соизволил покинуть пределы Закаспия, ликвидировав свои дела. После от'езда его, исполнительный комитет вместо начальника области избрал, так называемого, областного комиссара, местного присяжного поверенного графа Георгия Доррера, который на бумаге подчинялся исполнительному комитету, а в действительности мало с ним считался.

Что-же из себя представлял указанный исполком? В нем сидели (в качестве членов) значительный процент чиновников, адвокатов и только несколько представителей из среды квалифицированных рабочих железнодорожников. Местное туркменское население в составе исполкома не имело своего представителя, кроме одного Хана Иомудского, который, собственно, оффициально не являлся членом исполкома, а лишь только служил новому правительству, как полковник русской службы. Надо сказать, что хотя Хан Иомудский тогда и действовал, как представитель туркменского населения, однако, он с последним фактически не имел ничего общего, т. к. он с малых лет являлся оторванным от масс местного коренного населения и пере-

*) См. главу 4.

шел в русское вероисповедание. Только через довольно продолжительное время туркмены избрали своим представителем в исполком Хана Махмута Кули, тоже полковника, который по русски не был грамотен абсолютно и который также не стал надлежащим защитником интересов туркменского населения области. Исполком фактически выслушивал доклады комиссара области, но давать директивы или вмешиваться в внутренние дела и распорядки комиссара не имел возможности. Таким образом, последний самостоятельно „правил" областью.

Что касается уездов, то здесь дело обстояло еще хуже. В уездных городах, во-первых, исполкомы возникли с гораздо большим запозданием, а во-вторых, в составе их фактически ни представителей рабочих, ни представителей от коренного населения не было. И в большинстве уездные исполкомы были сформированы из чиновничьего и интеллигентского элемента старого царского закала.

Из сказанного мы видим, что февральская революция для Закаспия значительно запоздала и прошла не только без какой-либо классовой борьбы, но и без малейшего участия местного коренного забитого царским правительством населения. Даже генерал-губернаторство Куропаткина сохранилось чуть не до конца мая месяца 17 года, и все его приказы, циркуляры и „раз'яснения" нового строя имели большее значение, чем распоряжения и приказы органов народной власти на местах—исполнительных комитетов.

Только впоследствии, когда постепенно, по примеру центра России, начали организовываться советы рабочих и солдатских депутатов в области, в руководящие органы понемногу начали вовлекаться представители народных масс, преимущественно из мелкой интеллигенции и железнодорожной квалифицированной рабочей массы.

Такова, в общих чертах, история февральской революции в Закаспии.

Останавливаясь на последующих месяцах истории возникновения первых советов рабочих и солдатских депутатов, придется вернуться несколько назад.

Совершающиеся во всей России события вызвали к жизни старых политических деятелей (из числа сосланных), которые по примеру центральных городов организовались в политические группы. Таким образом создались группы социалистов-революционеров, социал-демократов, народной свободы, большевиков. Возник также союз интеллигентного труда, состоящий исключительно из царских чиновников, почувствовавших, что власть уходит из их рук. Таких союзов и групп в одном Асхабаде насчитывалось в момент выборов в городскую думу до 36. Все эти группы и союзы ведут агитацию среди населения на митингах, собраниях, заседаниях и т. д., стремятся вовлечь в свои ряды массы населения, эта агитация, несомненно, дала свои положительные результаты для каждой партии и группы в отдельности. Ряды их росли быстро и первое место среди них по количеству членов занимала партия социалистов-революционеров, оставившая в этом отношении позади себя остальные организации. Рост партии социалистов-революционеров можно об'яснить тем, что ораторы, выступавшие от нее, как более подготовленные, своими зажигательными и на первый взгляд революционными речами овладевали массами и притягивали их в свои ряды. Нужно добавить, что вожди эс-эров, упиваясь успехами роста партии, принимали в свои ряды не только обманутых красивыми речами рабочих, шедших с открытой душою, но и царских чиновников, игравших в то время большую роль в руководящих правительственных

органах. Ниже мы увидим, что партия социалистов-революционеров в заключение превращается в партию мелкой и крупной буржуазии и все рабочие, находящиеся в ее рядах, или выбрасываются самой партией, или же выбывают добровольно, поближе ознакомившись с составом ее и политической тактикой.

Царская власть продолжала свое существование. Положение в уездах оставалось прежнее. Местное коренное население исполняет роль только лишь наблюдателя и существующим правительством не информируется о ходе происходящих революционных событий. Такое положение выдвигает перед большевиками необходимость об'единить все существующие политические партии, группы и союзы *) для организованной борьбы с бюрократическим правительством, для передачи власти в руки пролетариата в лице совета рабочих и солдатских депутатов. Первая инициатива в этом деле, несомненно, принадлежит незначительной еще молодой организации „большевиков", которая, с целью об'единения всех пролетарских сил, созывает, приблизительно, в августе месяце заседание всех об'единений города Асхабада. Собрание происходит в „Спорте". Явились представители около 36 об'единений. Собрание открывается в точно намеченное время, при наличии полного зала театра „Спорте", что об'ясняется желанием каждой группы провести целиком свои предложения. Надо добавить, что каждая группа перед общим собранием сумела с'агитировать определенную часть населения, результатом чего театр кишел публикой самого разнообразного толка. По утверждении повестки дня первым докладчиком по вопросу об об'единении для организованной борьбы, выступает представитель и лидер партии социалистов-революционеров асхабадской организации—Алексей Доррер. Он предлагает об'единить все силы для создания городской думы, целью которой должен являться захват власти в городе Асхабаде и на местах в области. Доррер в своей обширной речи указывал на распространяющееся влияние и авторитет социалистов-революционеров, на необходимость об'единения вокруг них остальных групп и союзов. Далее старался доказать, что партия большевиков, не должна существовать легально и тем более не должна принимать участия в какой бы то ни было мере в новом об'единении. Оратор также отрицательно относится к солдатскому комитету, который, кстати, целиком стоял за партию большевиков. На собрании большинство присутствующих были солдаты, которые стояли за свой коллектив, а через него и за большевиков. Речь Доррера оставила у них неприятное впечатление и они с нетерпением ожидали выступления ораторов из большевистского лагеря, который бы сумел доказать неправоту точки зрения окончательно обуржуазившейся партии социалистов-революционеров. Вслед за этим на трибуне появляется представитель партии большевиков тов. Старых, которого солдатская масса встречает бурными аплодисментами. Тов. Старых, пользуясь большой популярностью в солдатских массах, в своей речи доказывал соглашательство политики соц.-революционеров, заявив о том, что он, как оратор от партии большевиков и солдатского комитета—сторонники которого составляют на данном собрании большинство—требует введения в городскую думу представителей партии большевиков и солдатских масс, угрожая, в противном случае, об'единением солдат вокруг партии большевиков и об'явлением классовой борьбы тем, которые не желают оффициально признать партию большевиков и отказываются

*) По рассказу участников т.т. Кукаева и Зотова.

работать вместе в городской думе. Пламенная и справедливая речь тов. Старых раскрывает глаза присутствующим солдатским массам, поднимая дух и настроение их, и последние, не дожидаясь выступления следующих ораторов, подымают целую бучу с криками: **„долой соглашателей“, „да здравствует Советская Власть, во главе с партией большевиков“** и т. д. В результате как руководители, так и рядовые члены противного лагеря исчезают, срывая этим самым собрание. Таким образом, **оставшаяся часть товарищей решает на следующий день созвать новое собрание, на котором решить вопрос об отношении к городской думе, и расходится.**

На следующий день, по инициативе эс-эровской организации, **в доме начальника Закаспийской области созывается совещание руководящих, верхушек всех правых групп и об'единений города, на котором решается вопрос о выборах в городскую думу.** При разрешении вопроса принимается предложение представителя партии эс-эров о том, что, в виду большого количества членов эс-эровской организации,—50% всех мест в городской думе предоставить в распоряжение последней, а остальные распределить между остальными группами и об'единениями. Таким образом, **из 60 мест в городской думе 30 отдаются эс-эровской организации, а остальные 30 распределяются между другими правыми группами, начиная от мелких и крупных торговцев и кончая мещанской публикой города.** Что же касается большевиков и солдатского комитета, то таковые заседанием оставляются без внимания. Все эти постановления **проводятся в жизнь полностью, и асхабадская городская дума избирается в числе 60 человек, из коих 30 членов являются оффициальными представителями партии социалистов-революционеров. Выборы проходят, конечно, прямым, равным и тайным голосованием.**

Партия большевиков, насчитывавшая в то время незначительное количество сырых, молодых и еще необработанных членов, с этого же момента находит правильный путь в своей дальнейшей тактике. Она решает бросить все имеющиеся силы в широкие массы пролетарского населения Закаспия, среди них вести агитационно-пропагандистскую работу, чтобы поднять самосознание масс, об'единить их вокруг советов рабочих и солдатских депутатов и подготовить к захвату власти в свои руки. Вот почему и большевистская партия не считает особенно необходимым принимать участие в городской думе, а переходит к агитации и пропаганде за власть советов. Городская дума, приступив к своей работе, первой своей задачей, казалось бы, должна была поставить вопросы благоустойства города, поднятия хозяйства, народного просвещения и т. д. Но на самом деле она занималась совершенно другими задачами. Видя, что партия большевиков наметила себе вполне правильную линию, что она своей повседневной работой привлекает на свою сторону широкие трудящиеся массы населения, вообще завоевывает авторитет, городская дума начинает, вместо разрешения вопросов, вытекающих из обычных своих задач, разрешать вопросы политического характера. Таким образом, все заседания городской думы (за все время ее существования заседаний было только 3), судя по материалам, заняты вопросами исключительно борьбы с нарастающей большевистской заразой и борьбы с советами рабочих и солдатских депутатов. Мы приведем из рассказов участника последнего заседания городской думы один пример.

Собирается заседание в зале мужской гимназии. Являются все члены думы, в том числе и очевидец (вошедший в думу, как представитель партии эс-эров и перешедший в партию большевиков) На повестке дня заседания стоял вопрос: „Доклад вернувшейся из Ташкента комиссии асхабадской думы о событиях в Ташкенте“. В виду

особой важности этого вопроса, на заседание были приглашены не только члены городской думы, но и многие другие лица из чиновничьего и интеллигентского мира. Заседание происходило в большом зале мужской гимназии, где еще продолжал висеть громадный портрет Николая II. Выступивший в прениях один из ораторов штабс-капитан Тер-Терьянц, заявляет, что „темная масса, как глупое стадо баранов, сегодня может стоять на одной стороне, а завтра может перейти на другую, а поэтому мы и должны воздержаться от передачи широким темным массам, в особенности коренного населения, получаемых известий о происходящих в центре России событиях".

Вслед за этим выступил оратор—большевик И. Зотов вполне справедливо (с точки зрения большевистской тактики), отметивший подлую политику городской думы и доказавший, что дума занята разрешением не тех вопросов, которые должны были быть ею разрешены, а занята слишком высокой политикой. Тов. Зотов кончает свою речь следующими словами: „Если та темная масса „баранов", о которой здесь нам говорил г. Тер-Терьянц, стояла долгое время за этим вот гапошкой (указывая на портрет Николая II), то он (Николай II), благодаря этому, и был „его величество". Теперь эта масса пошла за Керенским, Родзянко и др. членами временного правительства, потому что они являлись членами этого правительства. Я ничуть не сомневаюсь в том, что эта масса, как единая сила. в ближайшем будущем станет за великим вождем мирового пролетариата тов. Лениным, которого здесь так резко критикуют. И мы тогда будем праздновать великую социальную революцию, создадим диктатуру пролетариата, которая явится последней властью, имеющей величайшую твердую опору за собой в лице этой темной массы".

И, действительно, оказалось, что тов. Зотов в своем определении ничуть не ошибся. Но это было последнее заседание городской думы—тов. Зотову не удалось доказать этой публике правильного своего определения, так как дума через несколько дней была разогнана советом.

Глава VI.

От Октябрьской революции до белогвардейского переворота*).

Вскоре после 3-го заседания городской думы, на котором тов. Зотов своим выступлением вполне правильно оценил политический момент, область получает известия о новых сильных волнениях рабочих Петрограда и Москвы, о росте нового революционного движения под новым лозунгом--„Вся власть советам", о влиянии и авторитете партии большевиков в рабочих массах и т. д. Вслед за этими сведениями, телеграф приносит новые известия о новом вооруженном восстании рабочих Петрограда и Москвы, о разгоне временного правительства Керенского и, наконец, о взятии власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. В Закаспии же получилось совсем иное положение: совету не удалось разогнать городскую—эс-эровскую думу, и захватить в свои руки власть. Это об'яснялось следующими причинами: 1) слабостью и молодостью совета; 2) недостаточной подготовленностью местной большевистской организации; 3) отсутствием тесной связи с Центральной Россией; 4) демобилизацией старой армии, которая вносила большую дезорганизацию в дело спокойного захвата советом в свои руки власти; 5) существованием еще достаточно крепкой организации партии социалистов-революционеров в Асхабаде и т. д.. Это все вместе взятое оттягивало переход власти в руки совета на целые полтора месяца. Первый асхабадакий совет возник еще до Октябрьской революции. В него входили представители всех политических групп и об'единений гор. Асхабада, но он фактически по известным уже нам причинам бездействовал. Когда же совершилась Октябрьская революция, то к этому моменту совет имел уже возможность поставить перед собою во всю ширь задачу захвата власти в свои руки. А через полтора месяца, когда из среды большевиков постепенно стали выдвигаться работники, когда в совете стали распространяться влияние и авторитет партии большевиков, совет получил возможность с успехом разрешить эту задачу и, разогнав городскую думу, взять в свои руки бразды правления. Переход власти в руки совета совершается следующим образом: исполком совета на своем заседании выделяет из состава членов исполкома т. т. Кукаева и Буторина, которым и дает полномочие „распустить" городскую управу при асхабадской городской думе, при чем Буторину поручается занять место председателя управы, а Кукаеву вести подготовительную работу к реорганизации городской управы в отдел городского хозяйства при исполкоме. Означенные товарищи являются в городскую управу, председателем которой являлся лидер партии эс-эров—прапорщик Безруких, и об'являют ему постановление исполкома о роспуске думы, предлагают ему покинуть свой пост и сдать дела тов. Буторину. Оказалось, что г. Безруких еще до этого

*) Составлена по материалам, данным т.т. Кукаевым, Зотовым и др. участниками закасп. событий.

был осведомлен о постановлении исполкома и успел уже подготовить всю служащую массу городской управы к забастовке, в том случае, если совет попытается назначить руководителем управы своего представителя. Столкнувшись с таким явлением, тов. Кукаев решил принять репрессивные меры и этим предотвратить остановку работы такого важного аппарата, каким являлась управа. Вдвоем с тов. Буториным, выхватив револьвер, встали у входа управы и заставили остаться на своих местах всех сотрудников, за исключением г. Безруких, до разрешения одного важного вопроса. Публика возвращается по своим местам, Безруких удаляется, а тов. Кукаев, подходя к каждому сотруднику, об'являет: „Вы можете уйти из данного учреждения, но с условием, что за саботаж будете уволены без права поступления в какое бы то ни было советское учреждение". Струсившие сотрудники решают остаться на своих местах и продолжать свою работу попрежнему. Так переходит в руки совета самый основной аппарат асхабадского городского самоуправления.

Перед советом встала другая, более важная задача—образование областного органа, который бы смог об'единить всю работу в областном масштабе. С этой целью постановлением исполкома был выделен на должность областного комиссара тов. Б. Тузин, которому было поручено, вместе с тов. Кукаевым, приняться за реорганизацию аппарата. Тов. Тузин, заняв кресло комиссара области, некоторое время посещал учреждения (канцелярию бывшего начальника области), но сотрудники, в особенности ответственные, совершенно не желали подчиняться ему и нисколько не считались с новым начальником, компрометтируя его на каждом шагу. Тактика, примененная к сотрудникам управления Кукаевым, и здесь дала свои положительные результаты. Имея в своем распоряжении только 12 человек вооруженных солдат пограничников, тов. Кукаев направляется в здание канцелярии начальника области и допрашивает каждого из ответственных сотрудников, и тот, кто желает подчиниться совету, оставляется на своей должности; тот же, кто считает Советскую власть властью авантюристов и самозванцев, немедленно же арестовывается. Проверив весь состав сотрудников (ответственных и технических), тов. Кукаев обнаруживает 17 человек, не желающих признать Совласть. Их под стражей отправляют с запиской к начальнику асхабадской тюрьмы на предмет заключения под стражу до особого распоряжения исполкома. На следующее утро тов. Тузин получает заявление 17 арестованных, в котором они из'являют готовность признать и подчиниться Советской власти и просят освободить их из под стражи. Эта просьба удовлетворяется. С этого момента исполком распространяет свое влияние на всю область.

Подчинением управы и канцелярии начальника области исполком, конечно, в окончательном смысле не разрешает вопроса о захвате в свои руки власти. Перед исполкомом каждый день ставит все новые и новые задачи: нужно было организованно демобилизовать старую царскую армию с тем, чтобы это не ослабило военную силу асхабадского совета; нужно было приложить все усилия к тому, чтобы выжать весь имеющийся в составе городского совета социал-соглашательский элемент; нужно было пронзвести перевыборы исполнительного комитета с целью подбора наиболее подготовленных работников и этим самым укрепить еще молодой совет; нужно было обезоружить возвращающиеся из Персии и других фронтов солдат

ские и казацкие полки, чтобы предотвратить опасность в смысле оказания последними поддержки готовящимся к восстанию белогвардейским массам в городах по линии ж. д. до Ташкента. И наконец, перед советом стояла неотложная задача в области привлечения в органы управления представителей местного коренного населения.

Первый декрет Российского Советского правительства о демобилизации старой армии был об'явлен войсковым частям асхабадского гарнизона немедленно же по получении. Асхабадский совет должен был принимать активное участие в организованном роспуске по домам старой армии. В то время в одном Асхабаде было: 3 полка пехоты, 1 полк казаков, 2 туркменских дивизиона, 30-ая пограничная закаспийская бригада и другие мелкие части. Поэтому, совет был занят довольно продолжительное время вопросом демобилизации. Прежде всего нужно было успокоить волнующиеся солдатские части, которые в большинстве своем находились под влиянием дезорганизующих элементов, в частности называющих себя социалистами. С этой целью совет связался с солдатским комитетом, в состав которого целиком входили, если не большевики, то сочувствующие последним. Постепенно стали отправляться по домам в первую очередь дезорганизующие элементы. Надо сказать, что совет сначала нерешительно подходил к указанной демобилизации, что можно об'яснить боязнью лишиться последней вооруженной опоры, которую совет имел в лице армии. Однако, хотя и медленно, но систематически армия стала демобилизовываться. Отсутствие хлеба и продовольствия для прокормления армии являлось также одной из причин, способствовавших скорейшей демобилизации. Результатом роспуска армии явилось отсутствие у совета преданной опоры.

Одновременно с роспуском полков старой армии, совету предстояло демобилизовать еще туркменские дивизионы, во главе которых стояли царские полковники, Ораз-Сардаров, Ходжи-Мухамедов и другие, которые не желали раз'езжаться по домам. Совет был вынужден означенные дивизионы не распускать, а разогнать вооруженной силой, так как они ни на какие соглашения в результате мирных переговоров итти не желали. Этому разгону способствовал приезд из Ташкента председателя снк тов. Колесова, который, после нескольких орудийных выстрелов в воздух, напугал указанные части и заставил сложить оружие, причем офицерство перебежало в Персию, а часть разбежалась с оружием в руках в аулы.

Вслед за демобилизацией армии, большевистской организации было необходимо вести подготовку к перевыборам советов. Но прежде, чем произвести перевыборы, во весь рост встала неотложная задача поднять самодеятельность отдельных членов партии и подготовить массы населения, в первую очередь рабочий элемент, к тому, чтобы они голосовали при перевыборах совета—если не все, то большинство, за большевиков. Эта работа, хотя и не дала особенно больших результатов, все же сосредоточила внимание партии на работе в массах. Большевистская фракция совета связалась с общественными организациями и наметила кандидатов от большевиков, которых должны были провести эти организации в совет. Проходят перевыборы. Большевистская организация одерживает победу, добившись проведения в совет необходимого количества товарищей из своих членов. В состав исполкома от большевиков входят следующие товарищи: Я. Житников, Б. Тузин, Молибожко, Н. Старых, И. Кукаев,

Ф. Лыков, Г. Степкин, В. Арутюнов, Е. Беренев, Ф. Кулишев, Дизер, К. Кулиев и др. Рядом с этими же товарищами в исполком прошли представители партии эс-эров: Фунтиков, Архипов, Калькаев, Каляганов и др., впоследствии при перевороте сыгравшие подлую роль.

Новый исполком, в составе которого большинство было большевиков, первой своей задачей ставит вопрос об укреплении, как политической, так и военной своей мощи. Сведения, поступающие из всех концов Туркреспублики и Центральной России, а также деятельность местных соглашательских партий говорили за то, что необходимо обезоружить все возвращающиеся из Персии части старой армии с тем, чтобы не давать возможности этим вооруженным силам, еще недостаточно осведомленным о революции, попадать под влияние подготовляющих восстание масс на пути следования. Первым постановлением нового совета явилось: „приложить все усилия к обезоруживанию возвращающихся частей". Все члены совета были переброшены на эту работу. Совету необходимо было, вследствие отсутствия вооруженной силы против хорошо вооруженной царской армии, находящейся еще под влиянием своего офицерства, сопоставить исключительно агитационные свои силы. На этот счет исполком имел и директивы от Турцика. Исполком, как областной орган, чтобы не делать оплошности, прежде всего, регулирует прием прибывающих частей, делая секретные предписания железно-дорожной администрации, чтобы последние больше двух эшелонов вооруженных солдат ни в коем случае не оставляли на крупных железнодорожных станциях Таким образом, исполком получил возможность, сопоставив исключительно агитационную кампанию, иметь большие успехи в этом деле. Для освещения деталей обезоруживания мы остановимся на одном из характерных случаев:

„В дождливый, грязный зимний день, часа в 2, на станцию Асхабад прибывает первый эшелон, а вслед за ним и второй казачьей пехоты. Исполком, получивший ранее известие о прибытии эшелонов, направляет своих членой (большевиков) на станцию. По прибытии же эшелона, члены исполкома начинают вести переговоры с рядовыми солдатами. В результате выясняется, что означенные товарищи не только не осведомлены о второй (Октябрьской) революции, но живут еще в старых условиях, подчиняясь всем требованиям и приказаниям офицерства. Офицерство данной команды следует с эшелоном в отдельном классном вагоне. Это дает возможность товарищам большевикам вполне открыто и без боязни призывать казацкие массы к сдаче оружия, раз'яснить им сущность и значение Советской власти и знакомить их с текущими событиями. И в момент, когда большевики ведут агитацию среди рядовых казацких масс, мы видим, как эс-эровская братия, не упуская минуты, бросила свои силы в офицерский вагон, где также ведет переговоры и разрешает вопросы, как бы сделать так, чтобы рядовые казацкие массы не пошли на удочку большевиков и не сдали оружия. Переговоры и подготовка мнений таким образом ведутся до 7 часов вечера. Большевики, до некоторой степени заручившись согласием наиболее выдающихся товарищей из казаков, прежде всего подготовляют администрацию станции, а затем, выставив имеющиеся в их распоряжении всего лишь 5 орудий на воинской платформе, прицепляют паровоз к стоявшему составу, отделяют половину состава с офицерским вагоном и быстро двигают к воинской платформе. Здесь отцепляется офицерский вагон, который находится на положении фактически окружен-

ного, а остальная часть состава возвращается обратно к своему месту. Отделив офицерский вагон, представитель исполкома Кукаев, вместе с другими, обращается к казакам с об'явлением, что весь ваш командный состав арестован и исполком призывает вас сдать оружие. После этого об'явления со своим оружием выходит из первого вагона молодой казак, который призывает остальных последовать своему примеру—сдать оружие. Вслед за ним тянутся и остальные и, таким образом, весь эшелон добровольно обезоруживается. Одновременно с этим, в городе обезоруживаются все офицеры после больших сопротивлений с их стороны.

Что касается работы среди местного населения, то, признаться, совет больших результатов не добился, что можно об'яснить следующими причинами: 1) одновременно с агитационной кампанией за Советскую власть, проводилась кампания членами партии социалистов-революционеров за учредительное собрание; 2) отсутствие подготовленных сил и наличие массы наиболее важнейших вопросов мешали исполкому и, в частности, большевистской организации развертывать широко свою роботу среди коренного населения; и, наконец, 3) общая обстановка и боязливость туркменского населения прямо поставить вопрос о выборе аульных советов, о выборе своих представителей в областные органы управления и т. д.

Вот те основные—разрешенные и неразрешенные вопросы, которые занимали внимание молодого, слабого исполнительного комитета советов. В самом городе деятельность исполкома заключалась в том, чтобы укрепить и пополнить новыми пролетарскими силами государственный аппарат, оставшийся наследством от царского правительства. Нужно было поднять благоустройство города, национализировать имеющиеся на территории области заводы, крупные земли и т. д.; поднять народное образование, создавая новые школы в рабочих районах города и т. д. и т. п.

Каждая партия попрежнему продолжала свою агитационно-пропагандистскую работу среди населения в особенности, в начале. В это время популярностью продолжает пользоваться партия эс-эров. Главные руководители партии большевиков, находясь в составе исполкома, были заняты вопросами общегосударственного характ ра и слишком мало времени уделяли агитационно-пропагандистской деятельности партии. Таким образом, мы видим громадный рост рядов и влияние организации социалистов-революционеров не только в массе населения, но впоследствии, благодаря выбытию некоторых членов большевиков в область на места—и в самом исполкоме. Оставшаяся в исполкоме часть большевиков становится перед необходимостью распустить совет и образовать временный революционный комитет, которому поручить вести подготовительную работу к созыву нового областного с'езда советов рабочих, солдатских и дехканских депутатов.

Назначается ревком исключительно из большевиков, в составе следующих товарищей: председателем—Батминов, тов. председ.—Арутуньянц и членами: Виноградов, Житников, Кукаев, Лыков, Белов, Станиславский, Старых и другие.

Образование исключительно большевистского ревкома окончательно откололо партию социалистов-революционеров от совета и они начали вести подготовительную работу к перевороту, об'единив вокруг себя все соглашательские силы и элементы, как в Асхабаде, так и в других городах Закаспийской области.

Эс-эрами создаются: армянская дружина, во главе с руководителем местной организации армянской национальной буржуазной и контр-революционной партии „Дашнак-Цутюн“, союз фронтовиков, во главе с офицерством, и другие, яко-бы, для „защиты“ в нужное время Советской власти.

К описываемому моменту из города Ташкента военным комиссаром области т. Копыловым была получена телеграмма об учете трудящихся области возраста от 18 до 35 лет. Эти сведения нужны были центру для выяснения наличного кадра пролетарских масс, который мог бы быть, в случае необходимости, вооруженным для защиты Советской власти.

На основании телеграммы областным военным комиссаром было сделано распоряжение разбить гор. Асхабад на 4 района, в которых вести учет трудящихся. Город был разбит на следующие 4 района: городской сад, овощной базар, текинский базар и новые постройки.

Все это было использовано белогвардейцами, в том числе и соглашателями, в своих целях. Они, предварительно осведомившись о последующем распоряжении военного комиссара, распределили свои силы по означенным районам, дали директивы с'агитировать массу против учета. В дальнейшем было решено население города собрать в городской сад, чтобы открыть здесь митинг, который должен был решительно высказаться против всякой мобилизации и учета.

Эс-эровская организация, еще перед распределением своих сил по району, успела разослать воззвание по всем рабочим районам города с призывом собраться не на намеченных военкоматом пунктах, а в городском саду. Так и было сделано. 17-го июня, к 10 часам утра стали подходить к городскому саду рабочие и заинтересованные граждане города. Белогвардейская, эс-эровская и остальная соглашательская публика не зевала. Она стала группироваться и группировать своих ораторов вокруг трибуны. В $10^1/_2$ ч. утра открывается митинг. Президиум не избирается, и с речью выступает каждый, кому не лень, кто может красноречиво говорить. Создалась такая обстановка, что эс.-эр. шайка готова была, пользуясь этим моментом, призвать рабочих к вооруженному восстанию. Первым оратором выступил Шарагин (член партии эс.-эр.), который, как надо было полагать, призвал рабочих и граждан—отказаться от явки на учет и заявить протест против политики Советской власти, направленной „к военщине“. Оратор старался доказывать, что телеграмма прислана исключительно с той целью, чтобы произвести мобилизацию рабочих на Дутовский фронт. Затрагивая больные стороны присутствовавших рабочих (усталость, голодовка, обремененность семьями и т. д.), он окончил свою речь следующими словами: „довольно крови, нам надо жить в мирной обстановке, наша власть должна состоять из тех лиц, которые и тут не за, а против военщины. Поэтому долой мобилизацию и тех, которые ее проводят“.

Выступившие вслед за Шарагиным ораторы из правого лагеря также однобоко доказывали темным массам правильность точки зрения первого оратора и призывали согласиться с его мнением. Ораторы от большевиков не могли никак добиться до трибуны. Все их старания, требования, настояния и т. д. дать слово, не привели ни к чему, и только в конце митинга решили выслушать военного комиссара тов. Копылова, который, не выходя из

рамок телеграммы, должен дать соответствующее раз'яснение по существу, указав конкретно причину производимого учета. Еще до выступления т. Копылова, пользуясь моментом маленького затишья, выступает т. Кукаев, который, призывая рабочих к сознанию, дает об'яснение по существу телеграммы, поясняя, что она не говорит вовсе о мобилизации, как здесь рисуют соглашатели. Оратора перебивают криками: „он большевик", „долой его" и т. д. и не дают до конца сказать речь. Появляется на велосипеде военный комиссар т. Копылов. Пока он добирается до трибуны через эту толпу, проходит около 6 мин. Получилась тишина. У массы создалось ожидающее настроение. Все рабочие с большим нетерпением ждали начала речи т. Копылова. Правая публика вся, подняв головы к трибуне, с большой жадностью наблюдала за началом речи оратора с тем, чтобы как можно основательнее его обрезать и доказать рабочим свою правоту в последующих своих выступлениях Маленькая, но смелая фигура т. Копылова, окруженного со всех сторон пред телями, выступает на трибуну. Он свою речь начинает с оглашения полученной из Ташкента телеграммы, в которой абсолютно ничего о мобилизации не говорится. Затем, начинает давать раз'яснения по существу телеграммы. Толпа под давлением банды начинает волноваться. Крики „неверно", „ложно", „довольно", „обман" и т. д. и т. п. становятся с каждым моментом все больше и громче. Наконец, появляются крики из толпы „долой его", „долой большевиков", „долой германских шпионов", „бей их" и т. д. Во время этих криков к говорящему т. Копылову подходит слесарь депо Асхабад Малинин, хватает его с трибуны и наносит ему удары. К Малинину присоединяются и другие: Торочкин—слесарь депо, Киселев—машинист и другие, которые т. Копылова сбрасывают с трибуны и начинают беспощадно избивать. Находясь вблизи от места происшествия, большевик того же депо Арутюнов подбегает чуть ли не через головы толпы и пытается защищать несчастного избиваемого. Тогда, обозленная толпа переходит к избиению и т. Арутюнова. Сознательная часть рабочих, видя незаконные действия толпы, с большим трудом спасает избиваемых товарищей от верной смерти и дает им возможность скрыться.

Большевикам в этот момент оставалось только одно—это сорвать митинг. И вот были пущены в толпу все члены партии, а также был подготовлен начальник гарнизона тов. Асанов с маленьким красногвардейским отрядом для, якобы, „маневров". Отряд при появлении в городской сад, был встречен (под давлением, конечно, соглашателей) криками: „он с оружием к нам явился с целью расстрела наших руководителей", „бейте его" и т. д. Толпа стала подходить к тов. Асанову, который, видя тяжелое свое положение, решил дать несколько выстрелов в воздух с тем, чтобы напугать массу. Но это еще хуже подействовало на спровацированную толпу. После первого „нажима" часть митинга пошла добивать „врага", а часть разошлась по призыву эс-эров по домам за оружием на предмет уничтожения сидящих в правительстве отдельных лиц. Тов. Асанову удалось скрыться. Оставшаяся часть толпы снова группируется у трибуны и выступившие ораторы из эс.-эр. Инцертов, Архипов, Курятнинов, Рагожин и другие в один голос приводят много разных примеров, в частности поступок Асанова, призывают рабочих вооружиться для массового восстания против существующих порядков. После такого призыва, оставшаяся часть толпы также пошла вооружаться. Рабочим было дано указание от выступивших, чтобы, воор ужившись, шли по квартирам и заставляли всех оставшихся пассивными рабочих встать под оружие

для скорейшего захвата власти. Кто же из рабочих не подчинится распоряжению руководителя, было дано право расстреливать на месте.

Боязливое состояние рабочих, с одной стороны, и создавшееся положение, с другой, послужили причиной того, что все железнодорожные рабочие встали под оружие, за исключением некоторых, твердо решивших поддержать Советскую власть.

Вечером же 17-го июня в городе была открыта рабочими перестрелка, в результате чего было ранено несколько человек, в том числе и заместитель областного комиссара продовольствия тов. Вайцман. Этой перестрелкой и вообще быстрой подготовкой рабочих к восстанию белые соц. соглашательские элементы сумели доказать свою мощность и произвести проверку,—насколько сильно их влияние в рабочих массах Асхабада. Они, несомненно, были в восторге от своих успехов в деле завоевания рабочих и подготовки последних к восстанию против Советской власти и большевистской партии. В эту же ночь была послана от имени рабочих в депо Асхабада телеграмма кизил-арватским рабочим — вернее, тем же эс-эрам. В телеграмме кизил-арватцы призывались организованно и вооруженными прибыть на помощь восставшим асхабадским железнодорожным рабочим.

На другой день, т. е. 18-го июня, в 12 часов, кизыл-арватские рабочие в двух эшелонах прибыли в Асхабад под командой Югатова. Вслед за ними прибыли и красноводские рабочие, которые, остановившись на ст. Безмеин, прислали свою делегацию в Асхабад. По прибытию эшелонов, были даны тревожные гудки и собраны рабочие. Открывается митинг. Фракция (большевиков) ревкома является на этот митинг с единым мнением—ликвидировать этот инцидент мирным путем без всякого кровопролития. Выступившим ораторам—большевикам т.т. Молибожко, Тейле и др. удалось уговорить рабочих (сначала Кизил-Арвата, затем Асхабада) в необходимости ликвидации инцидента мирным путем, а затем была избрана делегация, которая должна была вести переговоры с ревкомом на предмет невыполнения телеграммы Турцика об учете рабочих и разрешить другие вопросы, связанные с восстанием.

Делегации удается получить согласие ревкома об отмене распоряжения об учете, о переизбрании ревкома. и комиссариата. Кизил-арватские рабочие, вместе с красноводскими, возвращаются вечером же 18-го июня обратно к своему месту работы. Ревком это согласие, конечно, дал с тем, чтобы оттянуть момент, успокоить до некоторой степени волнующиеся рабочие массы, пока приедет из Ташкента чрезвычайный комиссар по делам Закаспия тов. Фролов, о назначении которого ревкому как раз стало известно перед этими переговорами.

Соглашательским элементам не удалось на митинге провести свои предложения, главным образом, благодаря тому, что красноводцы настоятельно поддерживали большевиков и, в частности, ревком, будучи настроены за Советскую власть, и готовы были в случае восстания кизил-арватских и асхабадских рабочих, прийти на помощь ревкому.

После возвращения рабочих, населению города становится известно, что в Закаспий едет чрезвычайный комиссар. По городу начинают ходить самого разнообразного рода слухи. Вся соглашательская публика, пользуясь этим моментом, с одной стороны, руководит распространением этих слухов, с другой—ждет основательного вооружения рабочих и окончательного сплочения их вокруг себя с тем, чтобы организованно выступить, повсеместно и одновременно восстать,

связывая в то-же время свою деятельность с деятельностью собратьев других городов Закаспия.

За долго до приезда тов. Фролова в Асхабад, был организован контакт (по инициативе эс.-эр.) между союзом фронтовиков и организовав. в то время боевой дружиной эс.-эр. В начале никому о существовании этой дружины эс.-эр. не было известно, так как она была организована на особых началах, из особо преданных членов партии. О ней стало известно, в особенности большевистской организации, лишь только в дни переворота, когда эти дружины, совместно с союзом фронтовиков, выступили против Советской власти. Надо сказать, что эс-эровская организация аналогичные боевые дружины имела и подготовляла и во всех других городах Туркестана, причем главный центр организации намечался в Ташкенте и Асхабаде. Узкий круг интеллигенции и рабочих городов Туркестана, по описанию одного из крупных эс-эров, относился к боевым дружинам и союзам фронтовиков (об'единившимся) чрезвычайно сочувственно.

Руководящим центром дружин подготовлялось организованное одновременное выступление во всех городах Туркестана в августе месяце 1918 года.

Все эти факты рисуют нам картину почти полной подготовки соглашательских и рабочих масс в Закаспии к восстанию к приезду тов. Фролова Но, так как в других городах Туркестана вооруженные силы соглашателей не были подготовлены, то руководящий центр дал директивы организовать выступления повсеместно в августе месяце. Лозунгом выступления должны были явиться: „всеобщее, равное, прямое и тайное голосование, без различия национальностей и классов в туркестанское учредительное собрание до ликвидации германо-большевиков во всероссийском масштабе, а потом всероссийское учредительное собрание". Связь между рабочими и союзом фронтовиков Асхабада существовала: от рабочих через Фунтикова и от союза через председателя Ходжи-Муратова, союз фронтовиков об'единял следующих руководителей: полковник Ходжи-Мурат, полковник Ораз-Сартаров, капитан Эверт, генерал Ласточкин, полковник Крылов, прапорщик Белов, капитан Игнатов и другие. Таким образом, эс-эровская братия духовно была связана в своей борьбе против Советской власти с царскими генералами.

24-го июня 1918 года в Асхабад прибывает поезд с полсотней конных красногвардейцев с пулеметами и двумя орудиями, во главе с чрезвычайным комиссаром Андреем Фроловым. По его приезде положение в городе сразу же изменяется. Тов. Фролову еще до приезда, было известно царящее в Асхабаде контр-революционное настроение в массах: „Асхабад—контр-революционное гнездо". Так говорили в этот период почти во всех концах Туркестана. Фролов, приехав в Асхабад, должен был все мероприятия и директивы высших органов Соввласти проводить беспощадным путем, строго карая виновников. Прежде всего, город был об'явлен на военно-осадном положении. Все органы и учреждения Асхабада встряхнулись и начали работать оживленнее. Большевистская организация, поддерживая мероприятия Фролова, постепенно стала чувствовать себя не в одиноком положении, в котором она находилась до приезда Фролова. Большинство руководителей восстания фактически подготовлялись сотрудниками управления Ср.-Аз. жел. дороги. Поэтому, тов. Фролову и пришлось предложить управлению дороги выехать в Ташкент, получив на это предварительное распоряжение Турцика. Но когда управленцы отказались подчиниться распоряжению, то тов. Фролов

заставил управление дороги грузиться и выехать в Ташкент в течение 48 часов. Казалось бы, что после отправки управления дороги, с которым уехала часть крупных руководителей, положение дел должно было измениться, но на самом деле оказалось обратное. А знаменитый Фунтиков в своем об'яснительном письме *) комитету спасения пишет: „Когда Фролов выслал управление дороги в Ташкент, то мы, конспираторы (эс-эры) навострили уши и решено было притаиться и выжидать, что будет дальше, т. е. если Фролов в Закаспии сорганизует совдеп из доминирующих большевиков и левых эсэров, то пусть будет так, не будем им мешать. Этим временем раз'едемся по городам Туркестана для подготовки переворота в общетуркестанском масштабе, а некоторых из наиболее известных проведем членами в совет. Так и было сделано. Я лично сам был избран в совет от профессионального союза паровозных машинистов, где нас Фролов принудил записаться, если не в партию большевиков, или левых эс-эров, то хотя стать сочувствующим левым эс-эрам.“. Дальше он пишет: „Фролов производил выборы в совдеп, в который, между прочим, прошли не целиком большевики и левые эс-эры, собирается выехать в Кизил-Арват, считая, что здесь уже добился ликвидации противников совета и большевиков. И 9-го июля он выезжает из Асхабада в Кизил-Арват, предварительно демонстративно пройдя со своей бандой – конных до 100 и пеших до 150 человек, по городу и, особенно, по Хитровке (рабочий район), с плакатом, на красном фоне которого было написано „Смерть саботажникам“.

„Мы тоже не дремали. Еще до Фролова были установлены с Кизил-Арватом, как с главным центром рабочих Закаспия и наших организаций (эс.-эр.) и шифры, и пароль, как при переговорах по аппарату, так и фонопору“.

„При отправлении фроловской банды из Асхабада были у нас и у кизил-арватцев все исчерпывающие сведения. И кизил-арватцы на всякий случай были подготовлены и подтянуты. Фролов, выезжая из Асхабада, дал телеграмму, что Кизил-Арват об'является на военно-осадное положение ...“.

Деятельность тов. Фролова за время его пребывания в Асхабаде, повторяю, была направлена к тому, чтобы самым революционным и суровым путем проводить мероприятия Соввласти. Курс этот нужен был, как мера воспитательного характера, во имя запугивания поднявших свои головы контр-революционных масс Асхабада в частности, и во всей области. У тов. Фролова, несомненно, были и отрицательные стороны, наряду с положительными. Он, например, иногда, употреблял свои права неуместно. Бывали случаи, когда наказывал несовсем уместно провинившихся людей, наказывал без малейшей жалости людей, которые нарушали установленные в приказах порядки, и т. д. Страдал он также одним недостатком—пьянством. Частое его появление в пьяном виде в массе или в общественных местах привлекало внимаиие рабочих. Эс-эровская публика свою агитацию строила на недостатках и ошибках Фролова, результатом чего наблюдается рост разочарования рабочих в руководителях Советской власти.

Чтобы автора не обвиняли в пристрастии, я приведу полную выдержку из вышеприведенного письма Фунтикова, в котором он подробно рассказывает историю выезда в Кизил-Арват тов. Фролова и об организации в Асхабаде вслед за ним белогвардейского переворота:

---

*) Истпарт при цккпт. Орфография сохраняется.

„Когда Фролов выехал в Кизил-Арват, я находился в то время в Асхабаде. В Кизил-Арвате утром 10-го июля шла в главных мастерских обычная работа. Вдруг появляются конные и пешие отряды, которые окружают мастерские и город, окружившие открывают перестрелку и кизил-арватцы все, бросив свои работы, разбегаются, кто куда попало. Меня срочно вызывают к аппарату некий Сильный—дежурный по станции—это наш единомышленник. Обменявшись условными знаками, он бьет тревогу, что Кизил-Арват взят Фроловым с боем и, что он сию минуту бежит из аппаратной, т.к. в окна свищут пули. Только и были слышны истерические крики: „скорее помощи, мы погибаем“. И, действительно, в фонопор была слышна ружейная трескотня и разрывы ручных бомб. Так как у нас все было на чеку, то я тут же, не отходя от фонопора, по телефону стал уже приказывать. Немедленно по тревожному гудку все сбежались в вагонный цех, где решено было сегодня же отправиться с двумя эшелонами на выручку кизил-арватцев. В Асхабаде был организован стачечный комитет под моим председательством, который впоследствии был преобразован в исполнительный комитет Закаспийской области, председателем которого был также избран я (Фунтиков). С этого момента мы принуждены были действовать открыто. Преднамеренно ли был послан на разгром Кизил-Арвата Фролов, или это просто стечение обстоятельств, судить не берусь, но только дело в том, что совершенно не было понятно для нас выступление Фролова. Все его поведения похожи были на вызов. Я лично склонен думать, что выступление 17-го июня в Асхабаде есть плод провокации; как видно, все-таки ташкентскому совнаркому удалось пронюхать кое-что, это видно из телеграммы от Колесова к Фролову, перехваченной нами: Фролову главою Туркестанского Советского царства Колесовым дается такая телеграмма: „Еще раз вам повторяю, вырывайте с корнем ненавистное нам асхабадское контр-революционное гнездо В средствах не стесняйтесь, подкрепление немедленно будет выслано“. Перехватив эту телеграмму, мы должны были понять, что с нами шутить не будут, во-первых, в тот же день нами были разосланы на все крупные рабочие пункты вдоль железно-дорожной линии, начиная от Красноводска до Ташкента, так называемые летучие отряды (из дружины) для информации о положении дел; эти пункты немедленно по ознакомлении дела должны были примкнуть к нам или, в крайнем случае, не пропустить к нам, или тормозить поезда с большевистскими бандами. Кроме летучих отрядов, много было послано телеграмм по всей сети туркестанских железных дорог, вызывающие к сочувствию и с обличением в негодности и хулиганстве большевиков и вообще всяких комиссаров. На мои телеграммы почти со всех пунктов, кроме ташкентского, я получил ответ полным сочувствием и обещанием немедленной поддержки. В телеграммах от Самарканда, Черняева, Катта-Кургана и много др станций обещали не пропустить ни одного комиссарского поезда, а нас приглашали поскорее и немедленно продвинуться к Ташкенту. По пути к нам должны были примкнуться приславшие телеграфные свои согласия, мы, таким образом, немедленно должны были бросить ненавистное иго ташкентских комиссаров-хулиганов. Когда нашими был занят Асхабад (Асхабад и Кизил-Арват были заняты в тот же день), обыватели города ринулись ко мне с предложением своих услуг, а старики фаэтонщики, которых я отказался отправить на фронт, принимая во внимание их старость, меня чуть не поколотили. Из их голдежки только и было слышно, что я их не принять не имею права, потому что

они больше свех обижены большевиками, т. к. у них были отобраны Фроловым все лошади и фаэтоны, которые, между прочим, по прибытию из Кизил-Арвата наших победителей, были им отданы обратно. Кроме того, пришла депутация от персидских подданных—бабистов с предложением средства и людей. Когда я спросил, а где же ваши люди, они мне ответили: „если у вас есть время, то пожалуйте в нашу мечеть, там собрались все и за вас молятся богу, а детей своих, за последнее время, мы каждое утро ставим в переднйй угол и заставляем их молиться богу за вас по христиански. Казалось бы, что все нам сочувствуют. Но мы прекрасно знали, что этот порыв будет длиться не так долго. Следовательно, нужно было предпринимать что то более положительное. Не имею права скрывать того, что вокруг меня, кроме рабочих не было никого. Что же делать. В Кизил-Арват с эшолоном поехал только один молодой человек, некто Худоложкин, знающий военное дело, и Немцов. совершенно не знающий военного дела, Окунев и священник Быков были взяты Фроловым с собою в поезд, как заложники и при нападении асхабадцев были освобождены. Около меня находился один из офицеров молодой человек—Рагожин.

„Мы, вдвоем с Рагожиным, решили немедленно броситься к опытному и старейшему асхабадцу—это к военному начальнику полковнику Прозорову, который относился к нам с полным сочувствием. Решено сегодня же пригласить всех имеющихся на лицо в Асхабаде офицеров, а завтра об'явить мобилизацию и группами отправлять небольшими эшелонами на линию в сторону фронта, т. е. Ташкента. Так и было сделано. Имеющийся командный состав в Асхабаде примкнул к нашему движению со всею серьезностью дела. Тысячи 4 людей были брошены в сторону Ташкента и через неделю мы уже были у Чарджуя. Люди не слушали своих начальников, лезли вперед и вперед. Остановить их не было никакой возможности. Люди торопились занять Чарджуй, инстинктом своим совершенно правильно угадывая, что в Чарджуе слишком много имеется оружия, чтобы его не оставить в руках комиссаров.

„Наши передовые отряды вошли было уже в Чарджуй, западной стороной, но, благодаря малому количеству и неприсылки подкрепления, вынуждены были отступить. Пришлось отступить в то время, когда в Чарджуе к нам было полное сочувствие; кроме некоторых рабочих и красноармейцев, все уже собирались сдаться.

„После отступления из Чарджуя командующий фронтом полковник Ораз-Сартар сделал назидание войскам, чтобы они слушались начельства и не лезли стихийно, в противном случае с себя он сложит командование. С данного момента Ораз-Сартарову удалось до некоторой степени свое войско поставить в известную тактику. Вскоре стали ко мне появляться и из интеллигенции, некоторые сами предлагали свои услуги, а некоторых пришлось упрашивать. Почти первым ко мне появился Алексей Доррер, он был где-то в отлучке. Конечно, я был безумно рад ему, да и не даром. Дело в том, что нам нужно было немедленно организовать главный штаб, для чего нужен был высший командный состав. Приглашен был генерал Савицкий, но он так был расшатан, да и разбит, что о привлечении его к работе не было никакой возможности. Моя к нему была просьба помочь хотя бы советом и подбором людей, что и было обещано.

„Канцелярская работа была налажена, благодаря Татаринова, он судьбой застрял проездом в Красноводск. Спасибо ему, т. к. он на

мое предложение работать с нами, отозвался со всей серьезностью сознательного человека. Благодаря Доррера, мне удалось завязать переговоры с англичанами в Персии. Мы прекрасно знали, что у нас этот под'ем духа не на долго, а местные большевики пока только притихли, но при всяком удобном случае сумеют нам вонзить кинжал в спину, или-же пустить в лоб пулю, т. к. самые главари большевистской организации находятся еще в Асхабаде. Хотя их и немного, но они могут сорвать начатое нами дело. Я лично многих знал, как по доносу, так и сам лично. Они нам делали всякие каверзы: то оборвут провода между Асхабадом и Гауданом, через которые мы усиленно переговаривались с англичанами, но, благодаря назначенному мною особого военного конного отряда специально Гаудан-Асхабад, каковая линия обслуживалась день и ночь Нам удалось предупреждать обрывы проводов, но вдруг фронтовики, несмотря на то, что они накануне рвались скорее от'езжать на фронт, ни с того, ни с сего, требуют меня лично к себе в баталион на общее собрание, и вот, изволь бросать переговоры по прямому проводу с Ташкентом, Чарджуем и с англичанами, одним словом, бросай все нужное дело и уезжай просто-на-просто для болтовни. А болтовня эта заключалась в том, что, сколько вы нам будете платить, и почему не гоните на фронт в первую очередь тех, которые совсем никогда не были на войне и т. д. и т. п. К изолированию более зловредных большевиков мною было приступлено и с особой энергией и беспощадностью, но, к сожалению, меня командировал исполнительный комитет на фронт для поднятия духа в войсках, где уже начался упадок духа и энергии. По от'езде на фронт предложил оставить вместо себя Курилева, как человека, который в курсе дела. Уезжаю на фронт с эшелоном в 1000 человек. С момента приезда Доррера к нам, т. е. к двум группам присоединилась еще группа „Туркестанский союз против германо-большевиков". Благодаря этой группе, мы живо сговорились с англичанами, которые успели нам дать 20 человек сипаев с пулеметами, только благодаря сипаев у нас не получилось панического бегства из Мерва, только благодаря англичан мы держали дальнейший натиск противника вплоть до отхода на Каахкинские позиции. Я вернусь немного назад. По приезду Доррера я еще вызвал из Мерва директора реального училища Зимина, как человека, который пользовался у нас в крае особой популярностью. Нужно было нам поддерживать дух в тылу. а для того, чтобы связь с англичанами была более плодотворна, то мы и делали так: Доррера, который тоже на мой зов приехал из Ташкента (последний также пользовался популярностью во всем Закаспии). Мы его немедленно послали в гор. Мешет (Персия) к генералу Мелесону, а Зимина назначили комиссаром по иностранным делам от исполнительного комитета. Зимин, приехавши ко мне в исполнительный комитет из Мерва по моему вызову, не сразу бросился к нам на помощь На мой вопрос, как-же быть. Ведь, одними рабочими с этим делом не совладеть. Нужны интеллигентские силы, мне было ответом: 'что и в Мерве нужны силы, а в особенности в редакции газеты, издаваемая в гор. Мерве. Если из Мерва придется отступить, то тогда к вашим услугам"...

Из приведенной выдержи письма Фунтикова, мы видим, несомненно, одностороннее освещение вопроса, но эти факты являются основой закаспийского белогвардейского переворота. Поэтому постараемся дать более об'ективную и правильную оценку момента, цитируя наиболее важные моменты письма Фунтикова.

Дело в том, что тов. Фролов имел из центра задания, приехав в Закаспий, озаботиться укреплением Соввласти во всех городах области. Поэтому, проделав большую работу по созданию асхабадского совета, в состав которого были избраны почти две трети членов партии большевиков, выслав в Ташкент управление Ср.-Аз. железной дороги, в составе служащих которого было большинство сторонников свержения Соввласти, т. Фролов должен был выехать по области с целью искоренения контр-революционных организаций на местах, идущих рука об-руку с белогвардейскими организациями областного центра.

Тов. Фролов, выезжая из Асхабада, прежде всего решил продемонстрировать по городу с тем, чтобы показать асхабадской контр-революции мощность молодой Советской власти. И, пройдя по улицам гор. Асхабада со своими частями в числе около 250 человек, с оркестром музыки, проведя в рабочем районе митинги, он убеждается, что здесь все будет спокойно, и выезжает в Кизил-Арват.

В Кизил-Арвате, где имелось в то время около 2.000 рабочих, к этому времени существовала большая и крепкая организация партии социалистов-революционеров. Мы видели из письма Фунтикова, что эта организация была теснейшим образом связана с асхабадской.

Тов. Фролов должен был по линии железной дороги между Асхабадом и Кизил-Арватом посадить, если не своих, то хотя лойяльных телеграфистов с тем, чтобы не давать возможности белым, в случае восстания, связаться с Кизил-Арватом и т. д. Об'явив телеграфно Кизил-Арват на военном положении, он выезжает в Асхабад. Одновременно, он дает распоряжение временно, до особого его распоряжения, приостановить движение поездов между Кизил-Арватом и Асхабадом.

На ст. Кодж. тов. Фролова встречает делегация кизил-арватских рабочих. Поговорив с делегацией, он берет от нее гарантию в том, что ему (Фролову) будет дана возможность спокойно в'ехать в Кизил-Арват. В противном случае тов. Фролов должен был уничтожить эту делегацию.

Не доезжая до Кизил-Арвата 7-ми верст, эшелон попал под обстрел. Остановив эшелон, части тов. Фролова бросаются в цепь, противник исчезает и эшелон снова получает возможность подвинуться дальше. Это нападение еще раз убеждает тов. Фролова, что с его приездом в Кизил-Арват непременно связано вооруженное столкновение с спровоцированными рабочими Кизил Арвата. Остановившись у семафора, он прежде всего отправляет кавалерийскую часть в гор. на вокзал, чтобы нащупать почву к обезоруживанию кизил-арватцев и выяснить политическое настроение в рабочих массах. Руководители кавалерийского отряда, встретившиеся с некоторыми рабочими на вокзале, спрашивают их о местонахождении оружия. Получив ответ о том, что орудия находятся в главных мастерских, руководители кавалерии сообщают об этом тов. Фролову.

Все обстоятельства говорили за то, что тов. Фролов не мог предпринять никаких мер к созданию кизил-арватского совета до тех пор, пока он не обезоружит кизил-арватскую контр-революцию и находящихся под их влиянием рабочих. И получив извещение о местонахождении оружия, он дает распоряжение перевезти оружие из мастерских в совет.

Для исполнения его распоряжений кавалерия является в главные мастерские, но ее останавливают у ворот мастерских некоторые из руководителей местных соглашателей,

заявляя, что ни в коем случае они не согласятся со сдачей совету оружия. В это же время другая часть эс-эров подготовляет рабочие массы к сопротивлению. После продолжительного настояния кавалерии дать возможность перевезти орудия, спровоцированные массы, под руководством эс-эров, начинают бросать в кавалерию камнями, а вслед за этим открывают перестрелку Руководители кавалерии, чтобы напугать озлобленную массу, у ворот главных мастерских бросают одну бомбу, которая не причиняет никакого повреждения. В результате же перестрелки оказывается двое из кавалерии ранеными. Все же кавалерия получает возможность проникнуть в мастерские и перевезти орудия в совет.

Забрав орудие, тов. Фролов приступает к организации совета, для чего созывает собрание рабочих и в спокойной обстановке убеждает последних в необходимости организации совета. Рабочие соглашаются, за исключением, конечно, явно белогвардейской и социал-соглашательской массы, и таким образом, на третий же день его приезда в Кизил-Арват назначаются выборы в городской совет. Тов. Фролов добивается также согласия сознательных рабочих сдать совету имеющиеся у них остатки оружия. И после одного из общих собраний начинается сдача оружия, но его сдают исключительно сознательные рабочие массы. Что же касается соглашательских элементов, то они скрывают свое оружие. Вместе с тем, когда в Кизил-Арвате идет сдача оружия, местная эс-эровщина связывается с Асхабадом через посредство фонопора, который еще находился в руках сторонников белогвардейщины по непредусмотрительности тов. Фролова.

Фунтиков был вызван к фонопору как раз в тот момент, когда в Кизил-Арвате кавалерийская часть забирала в главных мастерских орудие в совет. Пользуясь моментом, представитель кизил-арватской эс-эровщины Сильный вызывает к фонопору Фунтикова и сговаривается с ним о восстании. Фунтиков немедленно высылает своих людей в депо Асхабад. По гудку собирает рабочих, открывает митинг, на котором, явно солгав о жестокой расправе тов. Фролова с кизил-арватцами, добивается согласия темных рабочих немедленно вооружиться и выехать на помощь кизил-арватским рабочим.

Вся деятельность Фунтикова явно была видна асхабадской большевистской организации и асхабадскому совету. Они, узнав об организации отряда белогвардейщины, приняли двоякого рода меры. Во-первых, послали необходимое количество работников в отправляющийся отряд с целью разложения их рядов, и во-вторых, собрали все свои силы для отправки в Кизил-Арват на помощь тов. Фролову. Посадка должна была происходить на станции Безмеин, т. к. в Асхабаде весь железно-дорожный район фактически уже находился под влиянием фунтиковщины.

В заключение выходит, что ни первая, ни вторая предпринятая советом мера не дала положительных результатов. Отряд обезоруживается на ст. Безмеин, а посланным в отряд белых товарищам не удается проявить деятельности вследствие создавшегося высокого белогвардейского энтузиазма в массах отряда.

Эшелоны восставших, во главе с прапорщиком Худоложкиным, Немцовым и др., к часу дня 13-го июля н. ст. останавливаются в 7-ми верстах от Кизил-Арвата, откуда рассыпаются в цепь и ведут наступление на Кизил-Арват.

В этот момент тов. Фролов готовится к проведению собрания, на котором должен был быть избран городской совет, после изолиро-

вания большинства контр-революционной и эс-эровской массы. Части красногвардейцев к этому моменту также находились, кто в карауле, кто на отдыхе. Тов. Фролов о наступлении и вообще о прибытии в Кизил-Арват асхабадцев ничего не знал, т. к. телеграфная связь с Асхабадом была прервана еще с вечера 12-го июля. О прибытии асхабадцев знали только руководители эс-эровской организации. Тов. Фролов, находясь на заседании, вдруг слышит перестрелку и сейчас же почувствовал, что дело неладно, выбегает из совета для принятия необходимых и возможных мер. Но оказалось уже поздно. Он выбегает в тот момент, когда асхабадцы уже фактически занимали город. Начинается бой. Прибывшие асхабадцы, ведя наступление на центр города, уничтожают на пути всех сопротивляющихся и сочувствующих Советской власти товарищей. Отряд тов. Фролова, попавший врасплох в окружение асхабадцев, после несколько-часового сопротивления уничтожается. Сам тов. Фролов, со своей женой, после боя и окончательного занятия Кизил-Арвата был обнаружен убитым и зверски казненным Асхабадцы, одержав победу, частью отправляются в Красноводск для завершения начатого дела, а частью возвращаются обратно в Асхабад для продолжения вооруженной борьбы против совета. Произведенный учет в результате борьбы показал, что, помимо раненых, было убито с обоих сторон около 170 человек. Так печально кончается начатое тов. Фроловым дело в Закаспии, так решается его судьба и с этого момента в области начинает свирепствовать контр-революция рука об-руку и при полной поддержке социалистов соглашателей.

Фунтиков, отправив свои отряды на Кизил-Арват еще 11-го числа, почувствовал, что Фролов будет подавлен и настал удобный момент образования белогвардейского правительства. Он ставит перед асхабадской организацией эс-эров вопрос об организации стачечного комитета. Стачком организовывается в этот же день. Председателем его был избран сам Фунтиков. Стачком приступил немедленно к работе по подготовке вооруженного восстания. Он прежде всего разослал ряд телеграмм по всей линии железных дорог, а также летучие отряды с целью подготовки рабочих городов по линии Ср.-Аз. железной дороги для оказания поддержки и совместного восстания против совета. Одновременно стачком ведет организационную работу по подготовке наступления на асхабадский совет. Группируются все местные белогвардейские силы, в том числе и союз фронтовиков, и ждут приезда обратно поехавших добить Фролова асхабадцев.

Асхабадский совет не имел в своем распоряжении достаточного количества вооруженных и преданных сил и, узнав о печальном разгроме тов. Фролова, ничего не мог больше сделать, как обратиться в центр Туркестана—Ташкент за помощью и поддержкою. А впоследствии совет лишился и этой возможности иметь связь с центром, т. к. весь телеграф фактически перешел в ведение стачечного комитета и перестал, под давлением последнего, исполнять распоряжения исполкома.

15-го июля возвращаются из Кизил-Арвата мятежники, соединяются с организовавшимися в Асхабаде частями и 16-го же числа начинается кровопролитный бой в самом Асхабаде. Вся эта подготовка ведется: Фунтиковым, Худоложкиным, Немцовым, Рагожиным, Архиповым, Захаровым и др. Еще до начала наступления на совет по городу стали распространяться сотни разнообразных слухов. Все

эти слухи были направлены к одному: „надо покончить с германо-большевиками и созвать всетуркестанское учредительное собрание".

По заранее намеченному плану, 16-го июля с 9-ти часов утра, восставшие белогвардейцы по городу организовали цепь и перешли в наступление на совет. Члены совета (большевистского лагеря), выставив все имеющиеся части, вооружились сами и вышли на баррикады. Ожесточенный бой продолжался до 7-ми часов вечера. К 7-ми часам восставшие разбили отряды и заняли здание исполкома. Что-же делает в этот момент организованная для поддержки совета „армянская дружина". Она, вместо совместной (с советскими отрядами) защиты исполкома, сначала об'являет нейтралитет, а затем, видя некоторый успех восставших, переходит на сторону их, сдав охраняемый артиллерийский склад и интендантский магазин.

Заняв весь город, восставшие переходят к жестокой расправе. Город об'является на военном положении. Происходят массовые аресты не только большевиков и идущих с ними левых эс-эров, но и всех лиц хоть немного сочувствующих Советской власти. Арестовываются члены исполнительного комитета т.т. Житников, Батминов, Розанов, Молябожко, Тейле, Кулиев, Арустамьянц, Петросов и др. Спустя несколько дней расправ и арестов, секретным постановлением стачечного комитета —гремевшего во всю—9 человек асхабадских комиссаров были присуждены к расстрелу. Постановление приводится в исполнение следующим образом: по распоряжению Фунтикова, с вечера приготовляются два вагона и паровоз. В 12 час. ночи на место заключения арестованных является отряд белогвардейцев—переодетых в туркменские халаты, и выводит 9 арестованных на вокзал. Здесь их сажают в вагон, в следующий же вагон садятся сопровождающие и поезд трогается в сторону станции Аннау. Во главе поезда, постановлением стачечного комитета, ехал сам Фунтиков. В Асхабаде абсолютно никому не было известно решение о расстреле 9 комиссаров. И никто из граждан не думал о том, что белая банда позволит такого рода расправы над подлинными представителями рабочего класса. Поезд остановился, не доезжая до ст. Аннау, в ночную пору. Выйдя из своего вагона, Фунтиков, как руководитель, приступает к распоряжениям. Сначала он послал часть отряда вырыть недалеко от линии железной дороги ямы, а затем, по исполнении, приказывает связать всем арестованным руки и вывести их к месту казни по три человека. Приказание было исполнено и все 9 человек обезоруженных, беззащитных и невинных товарищей были расстреляны.

Когда повели к месту казни тов. Розанова, он обратился к Фунтикову и говорит: *) „ты, тов. Фунтиков, в своих действиях ошибешься, мы вашего решения не заслуживаем и, пожалуй, за свои действия ты поплатишься слишком дорого". Тогда Фунтиков ему отвечает: „Я исполняю не свою собственную волю, а волю и решение стачечного комитета и партии социалистов-революционеров, как преданный их член". Тов. Розанов снова обращается к Фунтикову „Я то погибаю за рабочий класс, спрашивается, за кого же ты борешься". Фунтиков отвечает: „Я тоже за освобождение рабочего класса". Тогда тов. Розанов просит разрешения, целуется с Фунтиковым, а затем становится на место казни и предлагает привести в исполнение гнусное решение.

---

*) Сведения получены от помощника машиниста, впоследствии члена КПТ, ездившего (случайно) на место казни.

Таким образом, расстреляв последнюю тройку, „победоносный“ Фунтиков к утру возвращается обратно в Асхабад. Так решена судьба 9 асхабадских комиссаров.

С раннего утра 22-го июля по городу стали разноситься разнообразные слухи. Кто говорит, что 9 комиссаров увезли в Индию, кто говорит, что увезли в сторону Аннау—расстреляли и т. д. Населению города оффициально о расстреле стало известно только через два дня, когда оставшейся частью большевиков было выпущено воззвание, в котором они, осуждая деятельность закаспийской белогвардейщины, призывали рабочих и сознательных граждан Асхабада восстать против расстрела избранных ими в огран. управление представителей без всякого суда и следствия.

Сознательные рабочие массы Асхабада, прочитав воззвание, в высшей степени возмутились поступком белогвардейщины, созвали митинг и стали требовать об'яснения, на каком основании без суда и следствия стачком допустил расстрел комиссаров. На этом митинге присутствовала масса возмущенной публики, которая в своих выступлениях самым суровым образом осуждала соглашателей. Выступили жены расстрелянных товарищей: Житникова, Розанова и др., падали в истерику, и в результате жена тов. Розанова сошла с ума. На трибуне появляется фигура палача Фунтикова. Продолжая свою подлую роль, он заявляет возмущенным массам, что стачечный комитет предлагает успокоиться и об'являет присутствующим, что завтрашний день в местной печати будет подробное оповещение о причинах расстрела и информация о лицах и организациях, решавших судьбу и расстрелявших 9 комиссаров.

Спрашивается, для чего было нужно Фунтикову давать именно такого рода об'яснение.

Мы видим, что эс-эры хотели (чего и добились) сгладить это положение дипломатическим путем, т. е. они хотели оттянуть время и успокоить волнующиеся массы.

На другой день в печати появилось извещение о том, что 9 асхабадских комиссаров расстреляны по постановлению руководящего органа боевой дружины социалистов-революционеров, а вовсе не с ведома и участия стачкома.

Вся дружина в это время, вместе с руководителями, находилась на фронте и возмутившимся массам разыскать виновника не удалось. Получив на фронте газету с об'явлением стачкома, руководитель боевой дружины Немцов немедленно же приехал в Асхабад и, после долгих споров и прений в самом стачкоме, пишет в газете опровержение, доказывая, что боевая дружина, а также и ее руководители, абсолютно не причастны к делу расстрела.

Путем обмана Фунтикову удалось все-же затянуть время и до некоторой степени укрепиться и отвлечь внимание масс.

Расстреляв 9 комиссаров, совершив переворот и захватив в свои руки власть в Асхабаде, белогвардейцы переходят к организации правительственного органа. Из состава стачечного комитета выделяется исполнительный комитет, в состав которого входят почти целиком все члены стачечного комитета, в том числе Фунтиков (председатель) и члены: инженер Окунев (бывший областной архитектор), А Доррер, Дохов, Шапилов, Зымчуков, Немцов, Гербеев, Архипов, Худоложкин, Рагожин и др. Начав свою работу, исполком стремился иметь опору в лице рабочей массы Закаспия. Поэтому руководящая эс-эровская партия, для того, чтобы добиться дальнейшей

поддержки рабочих, вводит в состав исполкома представителей пролетарских организаций в лице: Шеглова—сл. движения, Масевра—начальника станции, Козлова, Курянова и Морозова—депо Асхабад, и Ульевича.

Пользуясь моментом, приподнятым настроением в рабочих массах, никем неизбранный самозванный исполком окончательно подавляет всякое большевистское выступление и группировки и переходит к дальнейшей борьбе за об'единение всех белогвардейских сил Туркестана с целью свержения Советской власти и созыва всетуркестанского учредительного собрания.

Первым долгом, для этой цели исполком формирует вооруженные отряды для посылки в сторону Ташкента, бросает все имеющиеся налицо силы в массы населения Асхабада, призывая их встать под ружье, об'единиться в добровольные отряды для наступления в сторону Ташкента. Безконечные митинги и собрания в Асхабаде в эти дни проходили под единым лозунгом: „долой германо-большевиков, да здравствует всетуркестанское, а затем всероссийское учредительное собрание".

Вначале выступающая публика, как и во время существования Советской власти в Асхабаде, говорила исключительно о борьбе с отдельными личностями, сидящими в соворганах. Но впоследствии, когда эс-эровщина и белогвардейщина тесным образом связались, когда они добились под'ема духа в рабочих массах, когда они почувствовали действительную опору в лице спровоцированных рабочих, тогда они стали прямо и определенно призывать рабочих к борьбе против Советской власти. И, наконец, лозунгом белогвардейщины стал: „Ташкент—Москва". На митингах они лгали, что рабочие Ташкента и других городов Туркестана с нетерпением ждут прибытия и братской помощи асхабадских рабочих. Они затуманивали рабочих и втягивали их в ряды своих отрядов для борьбы с Совластью. Мало того, чтобы укрепить уверенность в дальнейшей победе в рабочих массах, они на захваченные деньги стали производить закупки продуктов для снабжения „доблестных отрядов", которые должны были прибыть, по их плану, в Ташкент—Москву со своими собственными продуктами, чтобы не попасть в положение голодающих, вследствие тяжелого экономического положения Ташкента и Москвы.

Приподнятая духом молодежь и несознательные рабочие стали записываться в ряды формирующихся отрядов и отправляться в сторону Мерва. Правительству, вместе с организацией отрядов, понадобились и силы специалистов, как в тылу, так и на фронте. Офицеры и чиновники не все шли охотно, так как чувствовали непродолжительность создавшейся ситуации. Но когда правительство не добилось добровольной явки, об'явило оно обязательный призыв. После чего, офицеры и чиновники охотно пошли в ряды армии и органы управления.

Как мы видим из письма Фунтикова, исполком чувствовал, что создавшееся в массах настроение временное. Рабочие массы, поняв свои задачи, должны были с течением времени отказаться от участия в борьбе с рабоче-крестьянской властью. И действительно, непродолжительное время существования исполкома показало, что настроение рабочей массы изменилось и тогда исполком переходит к методам насильственной мобилизации в армию.

Предварительно проводится агитация. На собраниях и митингах ораторы ставят перед массой вопрос о признании необходимости проведения мобилизации на фронт. С об'явлением мобилизации почти пре-

кращаются бурные митинги, обсуждающие задачи правительства, и они заменяются суровыми приказами и военной дисциплиной.

Не прошло недели с момента переворота и создается такое положение, что исполком вынужден был обратиться к населению с оффициальным воззванием, в котором призывает граждан Закаспия к полной поддержке правительства, которое, по их заявлению, фактически признано всеми сопредельными государствами (Афганистан, Персия и т. д.), и которое достигло соглашения с английским командованием в Персии и в ближайшем будущем получит от последних полную поддержку.

Это воззвание явилось результатом того, что рабочие еще больше поняли свою ошибку и стали откалываться от движения. В самом деле, слишком резок был переход. Одни и те-же лица так недавно говорили против всякой военщины и мобилизации вообще, теперь призывали и мобилизовали массы для вооруженной борьбы. Мало того, вместо предоставления свободы, они пригласили известных по эксплоатации масс англичан. Рабочие почувствовали, что им выйти из создавшегося положения будет трудно. После этого воззвания наблюдаются чаще случаи неподчинения распоряжениям и приказам власти. Настроение изменилось так, что рабочие стали в большинстве своем держаться нейтральной позиции.

Поддержка бехаистов об'яснялась тем, что, при условии укрепления Соввласти, они должны были лишиться своего достояния, как крупный торговый и богатый слой населения Закаспия. Они поддерживали белогвардейцев до тех пор, пока это касалось только их карманов. Но когда дело коснулось поддержки белой армии людьми, то бехаисты отказались от такой услуги, ссылаясь на то, что религия им воевать не позволяет. В момент мобилизации из Асхабада в Персию выехала вся почти бехаистская молодежь.

В момент призыва населения области к борьбе против Советской власти, в момент мобилизации всех крупных сил, закаспийская белогвардейщина не оставила без внимания и местное коренное население. Были приглашены бывшие чиновники царской армии, полковник Ораз-Сардаров, капитан Хаджи-Муратов, штабс-капитан Авес-Баев и др., которым поручили немедленно же, совместно с русскими генералами и полковниками, приступить к организации отрядов из туркменского населения. Был немедленно образован в Безмеине туркменский исполком, который, получив широкие права, под руководством этих генералов, приступил к вербовке туркмен. На ст. Безмеин было переброшено целыми арсеналами оружие, которое раздавалось населению без всякого учета. Спровоцированные туркменские массы, обманутые раздачей оружия, стали организовываться в отряды и двигаться на фронт. Таким образом, туркменское население, без особых затруднений, было втянуто в ряды армии вместе с тем и в борьбу с Советской властью.

При этом положении, когда, с одной стороны, рабочие постепенно стали отказываться от поддержки исполкома, и с другой стороны, туркменское обманутое население стало охотно встречу, исполкому пришлось для большего авторитета и поддержки со стороны коренного населения—назначить командующим закаспийского фронта—вдохновителя туркменской армии—полковника Ораз-Сардарова, который фактически считался командующим, а за него работали и командовали в том остальные генералы и полковники бывшей к

Чарджуй*).

В Чарджуе настроение большинства рабочих железно-дорожников и аму-дарьинской флотилии было достаточно революционно.

Здесь, под руководством некоторых товарищей большевиков, удалось еще с 1-го марта 18 года начать агитационную работу среди солдат старой царской армии, из числа которых в скором времени сформировалась, так называемая, чарджуйская социалистическая рота под руководством т.т. Демидова и председателя чарджуйского совета тов. Феоктистова. Рота эта к началу апреля имела: пулеметную команду при 4-х пулеметах, артиллерийскую команду из 4-х орудий и 80 штыков пехоты. В числе означенных 80 тов красногвардейцев были те бойцы, которые при роспуске царской армии, поняв свою ответственность в деле военной обороны советского Туркестана, из'явили свое желание остаться в Чарджуе для помощи товарищам рабочим в их борьбе за укрепление диктатуры пролетариата в далекой восточной окраине—Чарджуе и Закаспии.

Местный партком и совет приложили все усилия к дальнейшему вооружению красных отрядов и рабочих. И к моменту белогвардейского восстания в Закаспии чарджуйцы имели: один артиллерийский дивизион, пулеметную команду при 8 пулеметах, роту пехоты в 120 штыков, партийную дружину из 75 бойцов.

В первое время организации вооруженных сил ощущалась крайняя нужда в снарядах, так как весь запас был вывезен демобилизующимися частями старой армии, но впоследствии удалось раздобыть незначительное количество снаряжений из Термеза, где демобилизующиеся части без всякого учета и разбора передавали снаряжение местному населению. Небольшие части по розыску оружия, отправленные в Термез, задержали одну батарею в полном снаряжении, которая следовала из П.-Александровска в Ташкент по требованию комиссара округа, и привезли в Чарджуй в качестве дополнительного подкрепления. Таким образом, товарищам чарджуйцам весь этот период пришлось положить много энергии на собирание оружия, чтобы укрепить свою военную мощь.

Чем же можно об'яснить причины вооружения чарджуйцев.

Во-первых, назревающими в то время событиями в городах Туркестана, которые развивались повсеместно под руководством антибольшевистских и антисоветских партий и элементов, и, во-вторых, опасностью, которая грозила населению Чарджуя со стороны эмира бухарского. Например, чарджуйские органы имели сведения, что эмир бухарский не успокоился на своем мартовском разгроме и ведет подготовку к новому нападению на европейцев Чарджуя и его района, для чего приступил к мобилизации в ряды своей армии 4-х лет призывного возраста и укреплению и усилению своих крепостных гарнизонов старого Чарджуя, Термеза, Керки, к перевозке ...явана оружия из Афганистана, запретил в'езд русских ...дан, как в Старую Бухару, так даже и в Старый ...куй и т. д. Все это невольно пробуждало в сознании чарджуйских рабочих масс необходимость своевременной подготовки для са... в случае возникновения каких либо событий.

...мы говорили выше, закаспийский фронт возник в неимо... ный для Советского Туркестана момент. Несмотря на трудность, когда Чарджуй со всех сторон был почти оторван,

---

*) ...данным т.т. Феоктистовым, Демидовым и другими. А. М.

чарджуйцы рискнули организованно выступить против наступающих белых частей на защиту власти советов. Когда чарджуйцам стало известно о закаспийском восстании и о наступлении белых на Чарджуй, на общем собрании рабочие решили приложить все усилия, чтобы приостановить дальнейшее наступление белых. Между прочим, еще до приближения фронта к Чарджую, военные руководители красных частей города, учитывая создавшуюся обстановку, вывезли из крепости пушки, возможное количество снаряжения и военных припасов. Постановлением общего собрания чарджуйская организация компартии, по докладу военного комиссара, поручила т. т. Демидову, Феоктистову и Немудрову вести переговоры с ташкентской военной властью с просьбой разрешить вывезти снаряжение для подкрепления красных частей из крепости Кушка. Центр телеграфно дал мандат на право вывоза снаряжения и распоряжение об этом коменданту крепости тов. Востросаблину. Таким образом, тов. Немудров, сорганизовав маленький отрядик, в специальном поезде отправился на Кушку. Мерв не хотел пропустить оружие, но, благодаря сопротивлению сопровождающего отряда, утром 17 июля, чарджуйцы получили дополнительное оружие.

Все эти дни, до самого прибытия белогвардейских отрядов, во всех частях, которые за короткое время были сформированы в Чарджуе, велась самая энергичная работа чарджуйской организацией компартии. Представители партии, пользующиеся большим авторитетом в частях гвардии и рабочих массах, постоянно проводили митинги, собрания и т. д., которые принимали резолюции о готовности выступить против врагов Советской власти в любую нужную минуту. Словом, чарджуйцы были достаточно спаяны, сплочены и подготовлены, чтобы встретить белые банды.

13 июля в Чарджуй прибывает делегация от имени восставших асхабадских рабочих, которая просит созвать собрание рабочих и служащих Чарджуя для разрешения вопроса о поддержке восставших. Собрание созывается. Выступивший член делегации, информируя о положении Туркестана, указывает на правильность пути, который избрали асхабадские и кизил-арватские рабочие. Считая необходимым перевыборы руководителей Советской власти по 4-х-хвостной системе, чтобы избавиться от „паразитов"-большевиков, он призывает рабочих и служащих поддержать восставших и двинуться дальше на Ташкент. В заключение он оглашает телеграммы самаркандцев, катта-курганцев и др., которые яко-бы также были солидарны с асхабадцами. Речь означенного господина присутствующими массами была встречена равнодушно и хладнокровно. Как-то странно было рабочим и служащим Чарджуя, привыкшим правильно понимать события, слушать речь какого-то эс-эрчика, который хочет мутить воду, чтобы удачнее ловить рыбу. Рабочие по окончании речи задумались вполне серьезно. У всех было напряженное настроение, как вдруг, выступает председатель исполкома тов. Феоктистов и в зажигательной речи раскрывает перед рабочими и служащими картину подлой деятельности асхабадских авантюристов эс.-эр. и демократов меньшевиков. В заключение т. Феоктистов, вскрыв обман асхабадских и кизил-арватских рабочих эс-эрами, призвал чарджуйцев немедленно выступить против асхабадцев, не считаясь ни с какими жертвами и трудностями. Другие ораторы рабочие поддерживали предложение тов. Феоктистова и потребовали немедленного ареста делегации асхабадской авантюры. Делегацию арестовали и

исполком, совместно с комитетом партии и военною властью, приступил к лихорадочной работе по подготовке отрядов против белых.

В ночь с 18 на 19 июля в Чарджуе стало известно, что из Асхабада двигаются военные отряды по направлению к Мерву под руководством бывшего генерала Азиз-Сардар-Хана. Того-же 18 числа была получена телеграмма от делегации тов. Полторацкого, которая подтверждала слух о приближении к Мерву белогвардейцев и просила немедленного подкрепления мервской красной роте. Было созвано общее собрание вооруженных сил, на котором и постановлено: часть красной гвардии срочно отправить на выручку Мерва и мервских товарищей, а остальные вооруженные силы оставить в Чарджуе для охраны внутреннего порядка. „Оставшимся частям предстояло, главным образом, охранять чарджуйский мост, от которого зависела вся судьба и дальнейшие успехи чарджуйцев. Мост этот имел громадное стратегическое значение.

Революционно настроенные части красных отрядов, узнав о белогвардейском наступлении, потребовали немедленной отправки против зарвавшихся банд. И, таким образом, с 5 часов вечера того же 18 июля началась работа. Бронировались хлопком вагоны, погружалась пехота и артиллерия, маскировались пулеметы и к 4-м часам утра 19 июля отряд был готов к отправлению. В этот горячий момент подходит к эшелону комендант станции и заявляет о том, что со стороны Ташкента под'езжают три воинских эшелона, при чем, возможно, на помощь чарджуйцам. Такое положение заставило готовых к от'езду согласиться с предложением—подождать. Вскоре прибыли эшелоны с партизанами московского полка, во главе с военкомом Переверзевым.

К Переверзеву направляются представители красных частей Чарджуя, они информируют его о создавшемся положении, надеясь на то, что полк послужит основной силой и базой при борьбе с белыми. Но Переверзев ответил, что полк едет в Центральную Россию, что в борьбе с чехо-словаками он потрепан и что вообще на территории Туркестана полк совершенно не намерен бороться, поддерживая ту или иную сторону. Согласно указания резидента Бухары—Шмидта, дорога для полка до Красноводска открыта и полк будет всеми силами добиваться скорее добраться в Красноводск, а оттуда и в Россию без всякого кровопролития. Не приходится делать догадок о том впечатлении, какое создало это заявление.

Была слишком сомнительна гарантия Шмидта, когда он великолепно был осведомлен о положении дел в Закаспии и перед этим заверял, что эмирское правительство никаких мер против Соввласти принимать не будет, даже, если последнее пожелает перебрасывать некоторые свои части через территорию бухарского владения.

Переверзев и его партизаны являются к администрации станции и власти с требованием отправить их дальше в сторону Асхабада, но администрация исполнять волю и требования не может, так как впереди, в этот момент, уже началась кровопролитная борьба. После переговоров между московским полком и отрядом, чарджуйцы отправляются против наступающих белых, чтобы занять позиции. По пути в Мерв отряд на станции Уч-аджи встретился с районным военным комиссаром тов. Форенкрух, который информировал о занятии белыми в ночь с 19 на 20 июля города Мерва, об аресте делегации Полторацкого и т. д. Положение создалось действительно тяжелое. Некоторые товарищи из отряда предлагали вернуться обратно в Чарджуй и спокойно сдаться белой армии. Но большинство все-

таки стояло за то, чтобы бороться до последнего и непременно приостановить наступление белых до получения из центра подкрепления. Отряд двинулся дальше в сторону Байрам-Али. В пяти верстах до Байрам-Али поезд был остановлен одним из членов байрам-алийского совдепа. Он просил выслать из отрядов предварительную делегацию к рабочим, которые, по его информации, были настроены против открытия фронта и сочувствовали белогвардейскому движению. Это исполнено не было, потому что опасались за судьбу делегации и необходимо было занять Байрам-Али как можно скорее, чтобы не оставить его в руках белых. Весь отряд раскинулся в цепь и двинулся под командой в Байрам-Али. В 6 часов вечера отряд вступил в Байрам-Али, где его ждала толпа рабочих и граждан. Вся толпа, за исключением нескольких членов совета, встретила отряд хладнокровно, с гробовым молчанием. В доме советов открылся митинг. Пока проходила эта агитационная работа, к отряду присоединился ряд товарищей, отступивших из Мерва, а также некоторые байрам-алийцы, в их числе т. т. Гераськин, Землянов и др. Того же 19-го июля вечером, во время разгрузки на пакгаузе лошадей, без телеграфного сообщения появился со стороны Мерва паровоз и остановился около семафора. Несколько человек красногвардейцев попытались подойти к паровозу и узнать, в чем дело, но, вследствие обстрела из паровозов, они вынуждены были отступить. Паровоз после обстрела двинулся обратно в Мерв и, несмотря на посылку в погоню бронированного паровоза, задержать его не удалось. Тем временем в доме советов продолжалось собрание, которое обсудило вопрос о действиях и тактике байрам-алийцев. По требованию собрания, тов. Демидов дает об'яснения, почему он приехал с отрядом. Удовлетворившись этими об'яснениями, масса спокойно расходится по домам. Для проведения дальнейшей работы, их руководитель отряда приступает к подготовке к боям. Потребовалось установить связь с Ташкентом, Чарджуем и др. советскими городами. Но ж.-д. администрация не хотела уступить телеграфного аппарата. Никакие убеждения не действовали и только под угрозой ареста удалось занять телеграф и посадить на аппарат телеграфистку Кулакову, которая одна из всех из'явила согласие работать для Соввласти.

С 19 на 20 июля ночь проходит спокойно. К вечеру 20 июля в Байрам-Али прибывают эшелоны московского полка. Члены байрам-алийского совета т. т. Педаренко, Матвеев и др. являются к командиру полка, Воркину, которого информируют о положении дел и просят соединиться с красным отрядом чарджуйцев для отпора белым. При переговорах присутствовал также военком полка Переверзев, который присоединился к отказу комполка и заявил следующее: „как вы создали фронт, так можете его и ликвидировать. Нам защищать Туркестана вовсе не интересно и во что бы то ни стало необходимо пробраться в Россию для пополнения полка.“ Для окончательного разрешения вопроса в ту или другую сторону, созывается специальное заседание, совместно с командиром и военкомом полка. Из прений было видно, что т. т. москвичи не особенно разделяли мнение туркестанцев о необходимости наступления на Мерв. Поэтому, после долгих прений ни до чего не договорились и, ввиду позднего времени решили заседание перенести на утро 21 июля.

21-го июля дежурный телеграфист просит к аппарату военкома полка Переверзева, которого вызывал из Когана Шмидт. „Я, резидент Шмидт—передает он Переверзеву—высылайте делегацию вашего полка в Мерв для переговоров с Сардар-Ханом, который дал согласие

на свободный вам проезд до Красноводска". В ответ последовало согласие командира и военкома полка. По инициативе товарищей-чарджуйцев, было созвано экстренное заседание комсостава отряда и московского полка, которое решило влить в состав отправляющейся делегации одного из чарджуйцев в лице тов. Матвеева. На долю тов. Матвеева падало выяснение судьбы делегации тов. Полторацкого, а также дальнейших переговоров по поводу возможного соглашения между двигающимися частями белых и чарджуйцами. В крайнем случае, тов. Матвеев и весь комсостав отряда, по директиве чарджуйского исполкома, должны были затягивать переговоры с белыми до получения соответствующего подкрепления из Ташкента. Делегация, во главе с Переверзевым, выезжает в Мерв 21-го числа к 3-м часам дня, согласно условия. Наступил поздний вечер, а делегации все еще нет. Часов в 9 веч. наши товарищи берутся по прямому проводу выяснить причину задержки делегации. У аппарата в Мерве Кудепин. На вопрос „Где делегаты", он отвечает: „Ваши делегаты находятся в сторожевой будке в 12—13 верстах вместе с мервской делегацией, где договариваются по некоторым спорным вопросам". Около часу ночи возвращается обратно делегация, которая сообщает, что она, яко бы, договорилась с мервской делегацией о созыве в Чарджуе немедленно краевого с'езда рабочих, на предмет избрания центрального исполнительного комитета и этим решения возникшего конфликта. По словам вернувшихся, мервская делегация дала также гарантию в том, что делегация Полторацкого вернется обратно в сохранности и ни один из них белыми не будет наказан. Переверзев остается почему-то в Мерве.

Около 4-х часов утра 22-го июля московский полк перешел в отступление в сторону Уч-Аджи, заявив, что получена телеграмма о немедленной очистке красными отрядами Байрам-Али. В противном случае, согласно телеграммы, по заявлению командира баталиона полка тов. Рыкова, - неподчинившиеся должны были быть обезоружены силой наступающими белыми. Чарджуйский отряд не пошел в отступление. Он, во-первых, имел решение делегации и не верил этим сведениям, а во-вторых, не имея распоряжения свыше, считал свою задачу еще не выполненной. Оставшись одни перед лицом бо́льших сил варваров-белогвардейцев, руководители отряда вызвали к прямому проводу председателя чарджуйского исполкома тов. Феоктистова, находившегося в то время в Ташкенте по вопросам фронта. Тов. Феоктистов сообщил: „Ташкент уже готовится к посылке помощи. Несколько отрядов уже выехало. Постарайтесь, как можно, втянуть рабочих Байрам-Али в дело борьбы с белогвардейщиной, вооружив немедленно таковых". Созвали срочное собрание рабочих, где призывали их взяться за оружие. По окончании собрания в отряд явилось человек 15 рабочих, из'явивших свое согласие стать на помощь чарджуйцам. Таким образом, отряду удалось продержать Байрам-Али до тех пор, пока не эвакуировались семьи членов совдепа. Около 7 часов вечера 22 июля последние части отряда, забрав все необходимое, покинули без боя Байрам-Али.

На станции Анненково стоял последний эшелон московского полка, который, по мере приближения отряда, двигался к Уч-Аджи.

В Уч-Аджи отряд застал эшелоны московского полка. Телеграфные провода от Уч-Аджи до Мерва были перерезаны и связи не было никакой. В Уч-Аджи было созвано об'единенное собрание комсостава отряда и полка, на котором было решено: „Московскому

полку остаться вместе с чарджуйцами и открыть фронт, чтобы выручить комиссара Переверзева, который, по слухам, яко-бы, был арестован белыми вместе с делегацией Полторацкого.

С раннего утра 23 июля сформировались три бронепоезда со скорострелками московского полка. Все пришло в боевой порядок и осталось только издать приказ к наступлению, как из-за выемки показалась фигура комиссара Переверзева, идущего в Уч-Аджи. Он был вооружен. Партизане бросились ему навстречу и он сообщил, что договоренность с белыми имеется и полк спокойно может обратно вернуться назад и перебраться через Красноводск на родину. Это сообщение чрезвычайно затрудняло положение чарджуйцев. Переверзев сейчас же созвал собрание своих частей, на которое не допускался никто, кроме гвардейцев полка. Собрание, выслушав информацию Переверзева, решило отступить. На вопрос тов. Матвеева после собрания: „ну, как дело у белых“... Переверзев ответил: „Вы напрасно стараетесь приостановить наступление закаспийцев. Их наступает около 20 тысяч и ваша маленькая группка неорганизованного отряда удержать такую силу не сумеет. Поэтому, советую без боя сдаться и вопросы разрешить мирным путем“. Такого рода заявление вносит панику в среду ответственных руководителей отряда. Савицкий (эс-эр.), Константинопольский и некоторые др. стараются убедить остальных в необходимости отступать дальше. Т. Рыков, отказавшись от московского полка, переходит в отряд и высказывается также против отступления. Но отряд все-таки переходит в отступление в сторону Чарджуя. Только благодаря усиленному настоянию т.т. Матвеева, Василевского, Рыкова и др., удается это отступление приостановить на ст. Пески, чтобы дождаться белых и вместе с тем подкрепления со стороны Ташкента. Был немедленно-же отправлен обратно в Уч-Аджи паровоз с платформами для того, чтобы провезти оттуда т.т., не пожелавших итти на обман изменника Переверзева. Так удается уговорить и вернуть из Уч-Аджи до 70 человек партизан московского полка, которые из‘являют свою готовность защищать красный Туркестан. Таким образом, московский полк, во главе с „комиссаром“ Переверзевым, переходит на сторону белой гвардии и, вместо отправки в Россию, об‘единяется с белогвардейцами для борьбы против молодой Красной гвардии.

Подготовка к отпору белым к 25 числу дала следующие результаты: чарджуйские отряды имели на фронте 14 орудий, 11 пулеметов и великолепное вооружение красногвардейцев. В Чарджуе продолжалась самая горячая работа по призыву рабочих и граждан к поддержке красному фронту. Созывались собрания, митинги и заседания, которые обсуждали вопрос о фронте. На всех собраниях предложения коммунистов рабочими встречались в высшей степени доброжелательно и сочувственно.

Действия чарджуйцев великолепно были известны эмиру бухарскому и работавшей с ним в контакте ново-бухарской организации эс-эр. Шпионы их на некоторых собраниях старались провалить предложение коммунистов своими выкриками, что мы против своих братьев рабочих закаспийцев не станем воевать, и т. д. Но присутствовавшие рабочие с позором удаляли их и некоторых из них арестовывали, как контр-революционеров.

Организации эс-эр., оставшиеся после образования закаспийской пробки на территории ТССР, были крайне заинтересованы в разложении всех сочувствующих Советской власти рабочих и красных отрядов. Они, одновременно с работой в рабочих массах Чарджуя,

призывали красногвардейские отряды отказаться от борьбы против „братьев рабочих“ Закаспия. И если в рабочих массах они не добивались благоприятных результатов своей работы, то в рядах гвардии передовой линии им это удалось. Так, однажды пулеметная команда фронта отказывается от борьбы против „товарищей рабочих“ Закаспия, вслед за этим, отказывается армянская дружина, но их уговорить и направить обратно против белой банды удается быстро посланными из Чарджуя членами компартии. Таким образом, все попытки контр-революционных элементов подрывать работу компартии и разложить ряды красных отрядов и рабочих масс кончаются неудачей и чарджуйские рабочие вполне сознательно и трезво становятся с оружием в руках против надвигающихся частей закаспийской авантюры.

Глава VII.

Приезд тов. Полторацкого и его расстрел *).

Белогвардейское движение в Закаспии все больше и больше развивалось. Темные личности продолжали группироваться, подготовляться и настраивать рабочих Асхабада и Кизил-Арвата против Советской власти и отдельных ее руководителей. Все это сообщалось туркестанскому центру. Турцик и СНК решили создать авторитетную комиссию в составе представителей краевого и местных органов власти для успокоения готовящихся к восстанию спровоцированных рабочих масс Закаспия.

Тов. Полторацкий являлся в то время народным комиссаром труда Туркреспублики и членом президиума Турцика. На совещании в Турцике стоял вопрос о событиях в Закаспии, когда, судя по полученным телеграммам, восставшие рабочие Кизил-Арвата и Асхабада уже направлялись к Мерву и грозили Советскому Туркестану. Когда в заключение своей речи тов. Колесов заявил: „или я, или ты—должны поехать к рабочим и раз'яснить им о надвигающейся опасности....", тов. Полторацкий ответил: „я должен поехать сам, хотя бы на верную гибель...".

На другой же день после этого совещания, тов. Полторацкий был снабжен чрезвычайными правами и с комиссией в составе тов.: Сараева, Матвеева, Самойленко и др. товарищей, в сопровождении маленького красногвардейского отряда—выехал в Закаспий.

По пути тов. Полторацкий должен был останавливаться в каждом крупном городе по линии Ср.-Аз. железной дороги с тем, чтобы, во-первых, выяснить настроение рабочих масс и, во-вторых, чтобы взять представителя советов от этих городов в состав своей делегации. Первая остановка по пути намечалась в Самарканде. Но здесь остановиться не пришлось, т. к. рабочие, узнав о приезде делегации тов. Полторацкого, организованно вышли навстречу и, после некоторых разговоров, выделили своих двух депутатов. Следующая остановка была в Новой Бухаре (Когане), где предстояла задача—выяснить настроение масс и подготовить почву к укреплению влияния и авторитета власти советов. С этой целью был созван всенародный митинг, на котором тов. Полторацкий выступил с докладом по вопросу об экономическом и политическом положении Советской Республики.

На собрание явилась масса народу, почему-то отсутствовали члены исполнительного комитета коганского городского совета. Это обстоятельство сразу же произвело на делегацию такое впечатление, что здесь дело обстоит не особенно благополучно, что здесь также пока сильно влияние антисоветских и антибольшевистских элементов. Но, несмотря на это, собрание все-таки открылось и председателем был избран некто Хаит. Т. Полторацкий с первых же слов своего доклада встретил враждебное отношение собравшихся. Отдельные лица старались своими демагогическими выкриками сорвать доклад, а вместе с тем и

*) Составлена со слов т. Сараева и по газетным материалам. А. М.

митинг. Тов. Полторацкому не удалось закончить доклада. Прервав его, выступил с пламенной речью председательствующий Хаит и создал погромное настроение. Господин Хаит являлся председателем новобухарской организации партии социалистов-революционеров. Другие ораторы из этой братии убеждали в необходимости созыва „учредительного собрания", всячески обливая грязью существующую в Туркестане Советскую власть и отдельных ее представителей, в том числе и самого тов. Полторацкого. Словом, эта банда создала такое положение, при котором тов. Полторацкому оставалось только одно: не думать о дальнейшем продолжении своего доклада, а скорее перейти к голосованию предложений. Чтобы установить хоть маленькое спокойствие, потребовалось очень много сил и энергии. Митинг без конца выбрасывал лозунги: „долой советы", „бей комиссаров", „нужно смести с лица земли большевиков" и т. д. и т. д. Наконец, публика, успокоившись, вносит предложения: 1) арестовать всю делегацию; 2) возвратить делегацию обратно, не пуская ее в сторону Закаспия и 3) пропустить делегацию, но в случае, если при ликвидации в Закаспии мятежей, тов. Полторацкий примет репрессивные меры к восставшим, то на обратном пути расправиться с делегацией по своему усмотрению. После долгих дебатов незначительным большинством голосов принимается третье предложение и тов. Полторацкий с делегацией получает возможность следовать дальше к Чарджую, не получив, однако, в состав своей делегации представителя ново-бухарского совета.

Не доезжая до Чарджуя, к делегации присоединяются еще два товарища: Константинопольский и Микиртичев: первый от самаркандских рабочих, а второй—прислан из Ташкента товарищем Колесовым. Делегация прибывает в Чарджуй. История не забудет активного участия чарджуйских рабочих в борьбе с закаспийской контр-революцией. Когда приехала делегация, она чарджуйскими рабочими была встречена чрезвычайно тепло и радостно. Не теряя ни минуты, тов. Полторацкий, выяснив высокое революционное настроение чарджуйских рабочих, немедленно же созывает митинг, на котором организованно выступают все рабочие Чарджуя в большинстве под руководством представителей партии большевиков. Речь тов. Полторацкого то и дело прерывалась громкими шумными и несмолкаемыми аплодисментами и криками: „да здравствует Советская власть", „да здравствует партия большевиков и ее вожди" и т. д. В заключение митинг выделяет из своей среды двух представителей. Тов. Полторацкий, достаточно убедившись в революционном настроении рабочих Чарджуя, видел, что Советская власть Туркестана имеет в лице чарджуйских рабочих несомненную опору. Он отправляется в Мерв. Мервские рабочие, узнав о приезде делегации Турцика и совнаркома, навстречу выставляют своих представителей, которые приветствуют редких гостей. При въезде в город тов. Полторацкий с первого момента не мог выяснить политического настроения рабочих масс Мерва. Носились по городу самые разнообразные слухи. Совет фактически бездействовал. В среде работников не было определенного мнения. О событиях в Асхабаде здесь абсолютно ничего не было известно. В самом совете явно чувствовалось существование разногласий между членами. Некоторые осуждали закаспийскую авантюру, некоторые (из правого лагеря), наоборот, группировали вокруг себя массу с тем, чтобы оказать в нужное время поддержку восставшим белым бандам Асхабада. Рабочая масса депо подготовлялась к восстанию. В подготовке главную роль, конечно, играли, соглашательские партии меньшевиков, эс-эров и т. п. сброд.

В областном центре в этот момент те-же меньшевики и эс-эры вели переговоры с Англией о союзе против советов. Таким образом, предательские партии готовили неслыханный обман рабочих. Представитель рабочих в совете (впоследствии отступил с белыми в сторону Асхабада) Кудинов, социал-соглашатель, почти на каждом собрании выступал против большевиков, и, пользуясь авторитетом в рабочих массах мервского депо, сумел сгруппировать вокруг себя большинство рабочих и настроить их против совета, членом которого являлся он сам. За все время пребывания советской делегации в Мерве не проходило ни одного собрания, ни одного митинга, где бы господин Кудинов своими выступлениями не старался сорвать заседания, прерывая, при поддержке соумышленников, выступавших от большевистской фракции ораторов.

Спустя некоторое время, ясно стало заметно, что все усилия делегации к желанным результатам не приводят. Недовольство в массах росло. Незначительная группа большевиков, которая имелась в Мерве, среди рабочих начала терять свое значение и авторитет, благодаря усилившемуся влиянию контр-революционных элементов, идущих рука об руку с соглашателями. И тов. Полторацкий встал перед вопросом—какой придерживаться в дальнейшем тактики, чтобы найти выход из создавшегося положения. Или события являются простой вспышкой в результате недовольства рабочих масс против тов Фролова и серьезного из себя ничего не представляют, или же, это серьезное и самое настоящее белогвардейское восстание, подготовленное задолго до приезда в Закаспий тов. Фролова, нетактичное поведение которого также сыграло на руку антибольшевистской части населения. Эти мысли тов. Полторацкому не давали покоя целыми днями. Когда перед делегацией встал вопрос, оставаться ли дальше в Мерве, или следовать в Асхабад, мнение членов разошлось. Часть из них предлагает ехать, а часть считает, что необходимо воздержаться от поездки и ждать до тех пор, пока не получатся из Асхабада оффициальные проверенные сведения. В это время в Асхабаде происходил переворот. Там, сменив асхабадских комиссаров, правительство Фунтикова готовилось к отправке в Мерв отрядов для разгрома мервского совета и большевистской организации. Между прочим, белые так ловко сумели обставить дело, что даже приезжающие из Асхабада в Мерв их представители в оффициальной среде рассказывали, что в Асхабаде ничего серьезного нет и что там все обстоит спокойно и благополучно. Это им нужно было для того, чтобы без постороннего вмешательства иметь возможность свергнуть в Асхабаде Советскую власть, создать и укрепить свою гегемонию, а затем разными путями подчинить себе остальные города области. Тов. Полторацкий, видя, что дело здесь пахнет неладным, решает пробовать переговорить по прямому проводу с Фунтиковым, орудующим в то время в Асхабаде. Он вызывает последнего к аппарату и разговор начинает с вопроса: „скажите, как честный враг Советской власти, что у вас в Асхабаде творится?“ Фунтиков от правильного и прямого ответа уклонился, сказав: „приезжайте скорее к нам в Асхабад—сами все увидите на месте“. Слова Фунтикова, конечно, под собою имели совершенно другую почву: он хотел заманить Полторацкого с его делегацией в Асхабад и здесь уже на месте расправиться с ними так-же, как он расправился с 9-тью асхабадскими комиссарами, уничтожив их во время переворота. Тов. Полторацкий, хотя точно и не знал, что делается в Асхабаде, все-же чувствовал, что его поездка в Асхабад окончится верною смертью. Обо всем он информировал Турцик и совнарком.

Дня через 2-3 после этих переговоров с Фунтиковым, получаются довольно проверенные сведения о том, что Асхабад уже в руках белых, и что из Асхабада на Мерв едут несколько эшелонов в числе около 600 человек вооруженных рабочих, организованных белыми, эшелоны уже находятся на станции Душак. Кроме того, тов. Полторацкому удается установить, что в самом Мерве белая банда имеет свой вооруженный отряд около 100 человек. Тогда он собирает совещание делегации, на котором обсуждается вопрос о возможности подготовки сопротивления едущим на Мерв белым отрядам. Проверив свои собственные незначительные красногвардейские силы и констатировав наличие внутренней опасности, совещание выносит следующее решение: 1) считать сопротивление белым нецелесообразным; 2) перейти к организованному отступлению, для чего поручить заместителю председателя горсовета вывезти все ценности, находящиеся в нарбанке, вывезти все имеющееся в распоряжении совета оружие, а также имеющуюся, так называемую, роту красногвардейцев с тем, чтобы не создать среди населения города паники; 3) для вывоза всего военного имущества и других ценностей мобилизовать возможное количество арб и другого вида перевозочных средств, а роту отправить пока до Байрам-Али в походном порядке; 4] принять меры к подаче порожнего состава за город, где погрузить все предназначенное к вывозу имущество, и, наконец, 5)с целью подготовки байрам-алийских рабочих и ознакомления их с ходом событий отправить туда т. т. Константинопольского и Матвеева, поручить им позондировать почву создания на месте опоры в организации сопротивления наступающим частям белых.

Выполнение этих решений совещание распределяет между отдельными членами делегации. Немедленно же были мобилизованы арбы, погружено все необходимое имущество и отправлено в сторону Байрам-Али. На станции был приготовлен порожний состав, на который должны были погрузить все намеченное к вывозу. В это время, конечно, белая банда не дремала. Отдельные ее руководители, к моменту подачи паровоза для советов, собрали митинг возмущенных рабочих, на котором стали требовать от администрации станции отказаться от подачи паровоза, угрожая в противном случае учинением самосуда. А когда в это дело вмешался один из членов делегации тов. Тихонов, стараясь доказать неправоту действующих лиц, то его чуть не растерзали на месте. Таким образом, эс-эровская и меньшевистская свора добилась того, что паровоз не был подан. После этой неудачи тов. Полторацкий с Самойленко решили отправиться на фаэтоне в Байрам-Али вслед за отправленной ротой и арбами. По дороге тов. Полторацкий обнаружил искусственную порчу арб, на которых вывозили имущество из Мерва. Пришлось вернуться обратно в Мерв вместе с ротой. Это было утром 19-го июля. Утром же 20-го числа он должен был выехать с другими членами делегации в Байрам-Али. А так как он, с остальными членами комиссии, ночевал на разных квартирах, то часть делегации утром же 20-го числа выезжает в Байрам-Али без него, а ему посылает фаэтон с просьбой выехать вслед за ними. Тов. Полторацкий решает отказаться от этой поездки и сообщает вслед отправившимся товарищам, что он остается в Мерве.

Приехавшие в Байрам-Али члены делегации выяснили, что ранее присланные для подготовки рабочих т.т. Константинопольский и Матвеев сумели здесь проделать большую работу, организовав штаб на случай открытия фронта. В этот же день два человека из состава

делегации (т.т. Сараев и Микиртичев) решают вернуться в Мерв, чтобы выяснить, почему тов. Полторацкий не выехал. Они находят тов. Полторацкого в совете. Оттуда он, с одним из вернувшихся, направляется на почту для передачи по прямому проводу Ташкенту, что он не едет в Байрам-Али и решил остаться в Мерве. В ответ он получает извещение, что из Ташкента выехали московские красногвардейские отряды на помощь и находятся уже в Когане. Это сообщение, можно сказать, окончательно успокаивает тов. Полторацкого, и он еще тверже решает укрепиться в Мерве. Это было ночью 20-го июля. По окончании переговоров тов. Полторацкий, вместе с т.т. Лысенко—зам. пред. мервского совета, Сараевым—член делегации, Микиртичевым—член делегации, и Гейвандовым—начальник охраны города, отправляется искать в городе столовую—поужинать. Нашли столовую, поужинали, а затем, предварительно сговорившись, кто где будет ночевать, решили разойтись на ночлег по разным местам, так как они определенной квартиры не имели. Ночь была темная. Тов. Полторацкий, распределив своих товарищей, кого в роту, кого куда, сам намерен был ночевать или в гостинице „Лондон", или на почте *).

Часа в 2 ночи эшелоны асхабадской банды прибыли в Мерв. Население города, за исключением некоторых белогвардейцев, абсолютно не ждало такого неожиданного нападения. Все спали спокойно. Белогвардейцы действовали по определенному плану. Первым долгом они напали на роту красногвардейцев, заняли и укрепили железно-дорожный мост, заняли почту, телеграф и наиболее важные пункты города, а затем пошли искать и уничтожать руководителей совета из лагеря большевистской партии.

Всех выдающихся местных работников, а также т.т. Сараева и Микиртичева (членов делегации), в эту ночь белым поймать не удалось. Они, узнав о нападении, скрылись у знакомых граждан города и этим спаслись. Тов. Полторацкий был на почте. Белогвардейцы, когда заняли почту, в одной из комнат напали на спящего человека. Один из служащих почты сказал им, что это приехавший из Ташкента комиссар Полторацкий. Ворвавшаяся банда беспощадно избила сонного Полторацкого, а затем арестовала его и увела в тюрьму. В городе идет перестрелка. После незначительного сопротивления белым, рота обезоруживается и руководители ее частью погибают в бою и частью попадают к тов. Полторацкому в тюрьму. Этим кончается история переворота и город в эту же ночь переходит в руки белогвардейщины. После ночных безобразий, грабежей, насилий над мирными жителями города, на другой день белые издают свои приказы, распоряжения, воззвания и т. д., то угрожая, то призывая население об'единиться для организованной борьбы против большевистской партии и большевистских советов. Город об'является на военном положении. Буржуазия города торжествует. Вся контр-революционная масса, эс-эровщина и меньшевики Мерва, добившись своей цели, организуют наступления за остатками красногвардейского отряда, которые, узнав о захвате белыми Мерва, продолжали дальнейшее отступление в сторону Чарджуя из Байрам-Али. Сгруппировав свои силы вокруг прибывшего из Асхабада военного штаба, мятежники переходят к расправе над арестованными товарищами большевиками, в том числн и тов. Полторацким. Постановлением штаба от 21-го июля тов. Полторацкий был присужден к

*) Воспоминания тов. Сараева см. «Красная Летопись Туркестана» № 1-2, стр. 109—112. Истпарт.

расстрелу. Постановление было приведено в исполнение в 3 часа ночи с 21-го на 22-ое июля. Тов. Полторацкий вместе с другими товарищами по дороге, яко-бы, в „тюрьму", около кирпичных заводов был расстрелян сопровождающими кадетами и офицерами. Расстреляли человека, который, еще выезжая из Ташкента, ставил перед собою задачу мирной ликвидации восстания. Белые могли противопоставить словесной агитации тов. Полторацкого только вооруженную банду. Рабочий класс потерял одного из наилучших вождей, одного из наилучших друзей.

Тов. Полторацкий, узнав о том, что его присудили к расстрелу и что через несколько часов предстоит смерть, обратился к обманутым рабочим с письмом, в котором пишет: „Товарищи рабочие, я приговорен военным штабом к расстрелу. Через несколько часов меня уже не станет, меня расстреляют. Имея несколько часов в своем распоряжении, я хочу использовать это короткое драгоценное время для того, чтобы сказать вам, дорогие товарищи, несколько предсмертных слов. Товарищи рабочие, погибая от рук белой гвардии, я, как революционер, ничуть не страшусь смерти, ибо я верю, верю, что на смену мне придут новые товарищи, более сильные, более крепкие духом, которые станут и будут вести начатое святое дело, дело борьбы за полное раскрепощение рабочего люда от ига капитала. Но, уходя навсегда от вас, я, как рабочий, боюсь лишь только одного, что моя преждевременная смерть не явится ли признаком временного крушения, временной утери тех завоеваний, которые были даны рабочему классу октябрьской революцией, а это явится сильным ударом не только для туркестанского пролетариата, но и для дела международной революции. Товарищи, я главным образом и хочу обратить ваше внимание на это. Умереть не важно, но слишком больно и тяжело чувствовать то, что часть демократии, попав под влияние белогвардейцев, своими же руками роет себе могилу, совершая преступное дело перед теми славными борцами, которые, не щадя своей жизни, шли гордо и сейчас идут на борьбу за светлое будущее социализма. Переходя к вопросу асхабадского и туркестанского движения и анализируя его до тонкости, я во всеуслышание скажу, что движение, возглавляемое асхабадскими контр-революционерами, идет под егидой германского империализма. Германский империализм простирает свои руки и на Туркестан. Золото делает свое дело. Германо-турки стараются захватить Баку, оплот Советской власти, а их лакеи, продав себя за 30 серебренников германским юнкерам, отуманивая рабочий класс, руками же рабочих прочищают путь германскому империализму, свергая Советскую власть в Туркестане. Никогда в истории не обманывали так ловко и нагло рабочий класс. Не имея сил разбить рабочий класс в открытом и честном бою, враги рабочего класса к этому делу стараются приобщить самих же рабочих. Вам говорят, что они борятся с отдельными личностями, а не с советами. Наглая ложь. Не верьте. Преступно обманывают рабочий класс. Наружу вылезли все подонки общества: офицерство, разбойники, азиханы, эмир бухарский. Спрашивается, что вся эта контр-революционная челядь защищать пошла поруганные права рабочего класса? да, нет! Сто раз нет, не верьте, не верьте. Вас обманывают, Товарищи рабочие, опомнитесь, пока еще не поздно. Вы еще пока вооружены,—есть сила. В ваших руках аппарат передвижения, в ваших руках вся жизнь города и вам только лишь необходимо сознание и организованность. Не давайте себя взять окончательно в руки контр-революции, ибо тогда бу-

дет слишком трудно и опять потребуется много жертв. Берите пример со своих братьев оренбуржцев, они уже два месяца бастуют, не давая ни одного паровоза, ни одного человека для преступно-кошмарного дела. Смело, дружными рядами вставайте на защиту своих интересов, поддержите еще не совсем запачканное красное знамя. Дайте революционный отпор наемникам германо-турецкого империализма. Заклеймите всех губящих революцию.

П. Полторацкий.

„Ну, товарищи, я, кажись, все, что нужно сказать вам, сказал, надеясь на вас, я спокойно и навсегда ухожу от вас, да хотя не сам, но меня уводят.

Приговоренный к расстрелу П. Полторацкий.

21-го июля 1918 года, в 12 ч. ночи".

Политическая обстановка этого времени была до того тяжела и сложна, что сделать точные и правильные выводы тов. Полторацкому было невозможно. Он, находясь в Мерве, будучи оторванным от всех концов, не мог точно ориентироваться в политической обстановке. Тов. Полторацкий знал о событиях на Кавказе, где турки наступали на Баку. Это обстоятельство заставляет его видеть происки турецко-германского империализма в деле переворота в Закаспии. На самом деле, вместо этого в орбиту закаспийских событий вводилась Англия, приглашенная русскими социал-соглашателями, сумевшими ложью поднять темные рабочие массы Асхабада и Кизил-Арвата против своих братьев.

Весть о расстреле тов. Полторацкого стала известна сразу всему Туркестану, и все рабочие организации были до глубины души возмущены поступком белогвардейской банды.

25-го июля 1918 года на заседании туркестанского центрального исполнительного комитета тов. Колесов, информируя заседание о положении дел на асхабадском фронте, довел до сведения ЦИК о том, что 21 июля в гор. Мерве мятежниками расстрелян чрезвычайный комиссар по делам Закаспия—первый Народный Комиссар Труда Туркреспублики тов. Полторацкий.

Память погибшего комиссара почтена вставанием и пением похоронного марша. Кроме того, постановлено увековечить память о тов. Полторацком, назвав его именем 1-ый рабочий дом Туркестанской республики и переименовав Константиновскую улицу в улицу Полторацкого.

После занятия Асхабада красной армией, постановлением ТЦИК Асхабад был переименован в Полторацк.

Рабочие Закаспия, ежегодно празднуя годовщину расстрела тов. Полторацкого, вспоминают пройденный тяжелый путь в революционные годы и, подводя итог достигнутым результатам,—намечают себе дальнейшие задачи в области борьбы с контр-революцией за поднятие экономической мощи области и самосознание масс. В день 4-ой годовщины расстрела тов. Полторацкого в Туркестанских Известиях тов. М. пишет; „Тов. Полторацкий расстрелян теми, у которых хватает наглости говорить об освобождении рабочего класса. Тов. Полторацкий и ряд других вождей рабочего класса расстреляны теми и по почину тех, которые ныне сидят на скамье подсудимых революционного пролетарского суда и которых пролетариат всей России своими многочисленными резолюциями клеймит позором, требуя суровой кары. Эта банда думала, что, отняв руководителей рабочего класса, удастся ей добиться уничтожения Советской власти, но она в своих расчетах глубоко ошиблась, ибо слова тов. Полто-

рацкого и ряда других вождей осуществились. и на смену погибшим пришли сотни тысяч новых свежих работников, которые и продолжают начатое ими дело". В заключение тов. М. пишет: „Пролетариат Закаспия, поняв свои ошибки, повернул оружие против предателей и, уничтожив их, ныне начал свою упорную борьбу на хозяйственном фронте. И сегодня он, осуществляя слова погибшего тов. Полторацкого, скажет свое слово верховному трибуналу о суровой каре тем, которые ввели его в заблуждение ради своих личных интересов, продавая революцию и свою революционную совесть иностранной буржуазии".

Закаспийский областной союз печатников в день 3-й годовщины расстрела тов. Полторацкого в юбилейном номере „Печатник" поместил следующее под заглавием „Светлой памяти честного борца":

„21-го июля 18 года рукою подлейших белогвардейцев в Мерве убит Народный Комиссар Труда Туркестанской республики тов. Полторацкий.

„Ушел из наших рядов „чистый" великий борец за рабочее дело... Тов. Полторацкий был первый Наркомтруд Туркестана. Из рабочей семьи, наборщик по профессии, он сразу выделился, как определенный самородок. В то время Туркестан, окруженный со всех сторон белогвардейскими и разбойничьими шайками, защищался от нападения и одновременно организовывал наступление на нападавших врагов. От сердца рабочей революции—Москвы Туркестан долгое время был оторван. Ташкент находился под угрозой нашествия дутовских банд. Неутомимо боролись рабочие за закрепление своих прав, и Полторацкий среди них всегда был первым.

„Но вот наступает новое испытание Туркеотана. Спровоцированная рабочая масса дешевыми лозунгами в Асхабаде и Кизил-Арвате была использована предательской рукой белогвардейских генералов.

„Совнарком Туркестана изыскивал все способы для ликвидации возникшего асхабадскаго фронта. Было решено послать специальную комиссию для выяснения сути дела непосредственно в рабочих массах. Тов. Полторацкий добровольно заявил о своем желании немедленно отправиться и выяснить волновавший всех вопрос. Без оружия, несмотря на предупреждение Совнаркома, с одним только рабочим сознанием, с чистой кристаллической душой, выехал тов. Полторацкий на святое дело. Он хотел пойти в гущу рабочих и сказать им, что они заблуждаются. Живое рабочее простое слово печатника явилось более грозным, чем целый полк, вооруженный пулеметами, и белогвардейцы это поняли. Они отплатили ему тем, чем вообще щедро награждают своих врагов. Зверски напав на обезоруженного Полторацкого, они его убили. Отлетела жизнь рабочего революционера.... Тяжело, бесконечно тяжело.... Как стало странно и не верилось: нет Полторацкого... Он гордился ими: чем больше их, честных, беззащитных, тем сильнее рабочая рать, тем несокрушимее и тверже становится она; закаляется, после потери, рабочий....

„Предоставленный самому себе, не имея абсолютно никакого указания от центра, о котором мы слыхали в то время только по наслышкам, Полторацкий смог создать Комиссариат Труда такой-же, каким он был в Москве. Чутье рабочего его не обмануло. Он понимал и чувствовал, как надо строить порученное ему дело. И всеми теми правдами, беспристрастными отзывами о работе туркестанского Наркомтруда, которые мы слышали после соединения с Центром от представителей ВЦИК, мы обязаны исключительно тов. Пол

торацкому. Велика была сила рабочего ума, рабочей мысли.... Невольная слеза наворачивается при воспоминании о честном рабочем герое. Его подвиги двинули рабочих на новые еще неслыханные подвиги. Сила рабочей руки смела фронты, душившие Туркестан. Ознаменовав взятие твердыни Закаспия—Асхабада-переименованием его в Полторацк, рабочие дружно пошли дальше и завершили ликвидацию закаспийского фронта, скинув белогвардейщину в Каспийское море.

„Спи, наш родной Полторацкий! Тобою гордится и имя твое с благоговением вспоминает каждый рабочий, каждый печатник, из среды их ты сам. Из поколения в поколение будем мы, печатники, передавать твое светлое имя".

Глава VIII.

В стане белых.

Исполнительный комитет, во главе с Фунтиковым, отправляет на фронт отряды, которые, занимая станции по линии железной дороги, 20-го июля неожиданно врываются в гор. Мерв и, уничтожив здесь Советскую власть, расстреляв 21 июля т. Полторацкого, образовали белогвардейское правительство и двинулись дальше в сторону Чарджуя.

Одновременно руководители белогвардейщины, сознавая важное значение кр. Кушка, отправили и туда часть своих сил, чтобы занять крепость.

При Советской власти не принималось почти никаких мер к укреплению и усилению совета в кр. Кушка. Все же кушкинский совет чувствовал себя достаточно сильным и был готов даже, в случае необходимости, вести оборонительную борьбу.

Демобилизация старой армии в Кушке прошла организованно и довольно успешно при помощи местного совета. Совет успел установить тесную связь с областным центром. Представители кушкинского совета неоднократно приезжали в Асхабад с различного рода вопросами. Областной исполком был уверен, что в лице кушкинского совета и, в частности, кушкинской крепости областной исполком имеет большую опору.

Среди офицерства кр. Кушка был ценный и преданный советам генерал Востросаблин. По демобилизации армии, он остался комендантом крепости. Он сыграл большую роль в деле сохранения креп. кушкинского совета. Мало того, что он был идейно на стороне Соввласти, но, будучи по радио связан с центральной Россией, получал сведения о событиях в крупных промышленных центрах Совроссии и, информируя массы населения Кушки, подготовлял их к вооруженной защите в случае необходимости.

Таким образом, к моменту наступления белогвардейцев на Кушку, генерал Востросаблин уже имел массу, подготовленную противостоять наступлению белых.

Выехав из Мерва со своим отрядом, командир (эс.-эр.) подает телеграмму кушкинскому населению, в которой предлагает сдаться без сопротивления, в противном случае обещает занять крепость силой.

Получив телеграмму, генерал Востросаблин созывает экстренный митинг населения кр. Кушка. Большинство присутствующих на митинге с трибуны заявляет о том, что ни в коем случае кр. Кушка не должна сдаваться кучке бандитов, что нужно всем вооружиться и приостановить наступление белых на Кушку. Предложение о сохранении Соввласти и о сопротивлении белым принимается 80 голосами, при 40 против и воздержавшихся. Митинг переходит к обсуждению вопроса о том, кто должен стать во главе обороны. Единогласным постановлением руководителем дела избирается генерал Востросаблин. Получив согласие присутствующих оказывать полную поддер-

жку и подчиняться сознательной дисциплине, ген. Востросаблин берет на себя руководство сопротивлением, отблагодарив избирателей за оказываемое ему доверие. Здесь-же он дает обещание итти рука об руку с массой и заранее гарантию в том, что кушкинцы останутся непобедимыми.

Закрыв митинг, население Кушки под руководством генерала Востросаблина, немедленно вооружилось и выступило навстречу белым.

Вооружились не только мужчины, но и передовые женщины кр. Кушки, приподнятые духом и сознанием. Вооруженные части остановились в 7-ми верстах от кр. Кушка в ожидании белых.

Кушкинский фронт расположился так удобно, что все пути и выходы в Кушку были обеспечены необходимым количеством людей, снаряжением и т. д. Все защитники —250 чел. добровольных и сознательных товарищей—были распределены так, что можно было защищаться от наступления свыше 1.000 чел. противника. Этому больше способствовало место самого расположеиия передовой линии.

Отряд белогвардейцев, под'ехав к первой станции от Кушки, приступил к переговорам по проводу, призывая кушкинцев не предпринимать никакого сопротивления.

Генерал Востросаблин, возмутившись, приказал перерезать телеграфные провода и ждать прибытия белогвардейцев. Примерно, через полчаса после этого показались эшелоны белых. Генерал Востросаблин открыл огонь по эшелону, и белогвардейцы, оставив массу убитых, раненых, снаряжение, 150 голов награбленного у местного населения скота, бегут.

Сведения о поражении под Кушкой быстро доходят до правительства Фунтикова, которому необходимо было захватить имеющееся на Кушке оружие и снаряжение. Правительство приняло ряд мер к скорейшей ликвидации „мятежников“, но не получило никаких результатов. Кр. Кушка оставалась, хотя и на положении полной оторванности от центра, но все-же в руках совета. Таким образом т.т. кушкинцы держались около 2 мес. без всякой поддержки извне, разбивая неоднократно белогвардейцев, дожидаясь помощи со стороны Чарджуя.

Исполнительный комитет белого Закаспия, укрепив по возможности фронт, организовал внутреннюю охрану и позаботился восстановить спокойную местную жизнь, в то же время не ослабляя высокий дух в массах. Однако, закаспийская белогвардейщина без посторонней помощи продолжать начатое дело не имела возможности. Или должны были быть приглашены силы извне, или должны были откровенно сознаться в массах в своей допущенной оплошности. Нужно сказать, что единственная надежда закаспийского исполкома в тот момент являлась получение поддержки от находящихся в тот момент в Персии—англичан, которые также были заинтересованы в целях скорейшей ликвидации большевизма, и по др. причинам оказывать нужное содействие белогвардейщине.

Как мы видели из письма Фунтикова, оффициальные переговоры с англичанами в Персии начинаются уже с первых дней закаспийскаго переворота. Но, для того, чтобы англичанам вступить в Закаспий, потребовалось некоторое время. Англичане должны были, при посредстве своего шпионажа, выяснить ситуацию на территории области, создать такой правительственный орган, который бы мог пользоваться полными правами правительства, авторитетом в широких слоях населения и, наконец, ввести в состав правитель-

ства представителей всех правых политических групп и всех находящихся на территории области образованных, деловых, умных людей.

В августе месяце 1918 г. образовалась, при помощи и поддержке всех правых групп, партий и представителей английского командования временное закаспийское правительство. Исполнительный комитет состоял из следующих лиц:

1) Фунтиков—председатель министров, 2) Дохов—министр иностранных дел, 3) Доррер Алексей—министр внутренних дел, 4) Сейранянц—министр труда и социальнаго обеспечения, 5) Шарагин—министр продовольствия, 6) Гербеев—председатель контр-разведки, 7) Шапилов—член коллегии контр-разведки, 8) Макаренко—комендант города, 9) личный секретарь Фунтикова, 10) Кун—председатель стачкома гор. Красноводска, 11) Немцов—помощник начальника штаба фронта, 12) Прозоров—асхабадский уездный воинский начальник, 13) Худоложкин—начальник гарнизона, 14) Панафутин—комендант ст. Асхабад, 15) Ширко—министр путей сообщения, 16) Браше—министр просвещения, 17) Полендро—министр юстиции и др.

Образование временного правительства дает большой толчек ходу дальнейшего развития белогвардейщины в области. В состав правительства, как мы видим, входят все лучшие силы контр-революции.

Первым действием временного правительства является большая декларация к населению области. Декларация подробно освещает историческое значение образования правительства, указывает методы борьбы с большевизмом, с Советской властью и в заключение указывает задачи населения области в деле помощи правительству. Декларация определенно и откровенно меняла характер деятельности и тактику социалистов революционеров; все старые слова о создании новых „советов“ без большевиков были забыты. Рабочие массы области почувствовали ошибку, в которую они впали под влиянием меньшевиков и эс.-эр.

В декларации этой временное правительство отменило изданные советским революционным и исполнительным комитетом декреты и постановления (национализация промышленности, контрибуция на буржуазию и т. д.), восстановило священное право на частную собственность, на вольную торговлю и т. д. Одновременно образована была следственная комиссия, на которую возложили функции расширения сети карательных действий против всяких „нездоровых“ уклонов от идей и точки зрения вр. правительства к большевизму. Под руководством коменданта гор. Худоложкина, Гербеева, Макаренко и друг., следственная комиссия арестует, наполняет тюрьмы, расстреливает всех мало-мальски сочувствующих идеям большевизма, или Советской власти.

Общая обстановка постепенно пробуждает в рабочих массах ненависть к временному правительству и отдельным лицам.

Участие англичан.

По г. Асхабаду и всему Закаспию давно циркулировали слухи о прибытии англичан. Когда Л. Доррер вел переговоры с английским командованием в Персии, область уже была подготовлена и буржуазия с нетерпением ожидала „освободителей“. Газеты систематически информировали о ходе переговоров. Фактически, повидимому, соглашение с англичанами было достигнуто еще до закаспий-

ского переворота и англичане, несомненно, принимали участие в перевороте через своих агентов. Теперь шло лишь оформление договора.

К великому сожалению, раскопать архив вр закаспийского правительства, при всем желании, не удалось, чтобы более точно, с документальными данными доказать участие и руководство английского командования из Персии этим восстанием. Но факт остается фактом. Ход развития событий и создавшаяся тогда ситуация сами говорили за то, что дело без участия англичан не обошлось и что эс.-эр., меньшевики, дашнаки и др. зачинщики восстания, не чувствуя в лице англичан определенной опоры, не осмелились бы взяться за такое рискованное дело. Об этом, надо надеяться, скажут будущие историки, которым удастся раскопать архив закаспийского временного пр-ва, вывезенный куда-то на Северный Кавказ отступавшими в 19 году из Асхабада белогвардейцами. В архиве должны были сохраниться все материалы и переписка между англичанами и их закаспийскими лакеями. Книга В. Чайкина освещает прибытие англичан в Закаспий и их деятельность, в особенности, участие их в казни 26 бакинских комиссаров. Нам остается привести лишь некоторые данные, дополняющие Чайкина и еще ярче характеризирующие лакейскую роль наших социал-соглашателей.

Передовица газеты „Голос Средней Азии“ от 27—4 августа 1918 г. № 75 по существу приглашения англичан и дальнейших перспектив—пишет следующее:

Асхабад, 17 августа.

„Вчерашний день принес нам радостное известие, которое, хотя в виде слуха, уже давно циркулировало по городу, но в точности не было известно. Мы подразумеваем телеграмму тов. Дохова из Мешеда. Итак, долгожданное соглашение с союзниками-англичанами заключено, и *военная помощь нам не будет носить случайного характера и станет планомернее и шире* (курсив мой, А. М. *).

„Для нас, а это не секрет, военное содействие англичан более, чем важно, особенно теперь, когда наши в сущности добровольческие дружины, со своим слабым знанием военной техники, не привыкшие к боевой обстановке, вынуждены отступать перед кровожадными кондотьерами, для которых военное дело—ремесло и которые готовы продать свою кровь любому проходимцу, лишь бы она в достаточной степени оплачивалась.

„Отныне наша судьба связана с английским делом, а это достаточная гарантия нашего успеха. Англичанин долго расчитывает, но, раз решившись, идет неутомимо к своей цели.

Нам, быть может, в ближайшее время судьба готовит некоторые испытания, вследствие некоторого запоздания помощи реальных сил, но все же успех противника, будем надеяться, будет весьма кратковременным и в ближайшие дни ознаменуется переломом кампании в нашу пользу. Но в такие дни нам сугубо следует помнить о всех предосторожностях. В военном деле тайна—одно из главных условий ведения войны. В целесообразности этого условия мы можем убедиться и из нашей военной истории.

„Только потому, что противник совершенно не подозревал присутствия среди нас маленького пулеметного английского отряда, он

*) Военная ,помощь следовательно, оказывалась и до соглашения. *А. М.*

потерял сотни людей убитыми и ранеными. И теперь мы советуем всякому, находящемуся вблизи дела и случайно знающему из любителей посудачить—держать свои языки за зубами. Вредным наше молчание никогда не окажется, а, по всей вероятности, сохранит много жизней и выведет их из строя у противника.

„Наш союз с англичанами сулит нам, помимо всех ощутимых военных результатов и богатое экономическое будущее. Мы твердо верим, что англичане отнюдь не удовольствуются скромной ролью освободителей Закаспия. У них имеются безусловно более широкие задания. Наиближайшие сходятся совершенно с нашими.

Наша общая задача—это уничтожение ташкентского гнезда и освобождение дороги Самара—Красноводск от всяких пробок. Стратегическое значение этой колоссальной магистрали огромно. Ею замыкается багдадский английский фронт с волжским чехословацким и уральским. Правда, есть и более короткий путь—Волга, но последняя находится в нижнем течении под ударом немецко-казацких войск у Царицына, а зимою, замерзая, Волга делается совершенно бесполезна. Кроме того, она представляет естественную границу для фронта, а по всем этим причинам для транспорта и коммуникации совершенно не годится. Остается единственный путь Красноводск—Самара и Самара—Владивосток. Этим двум великим путям суждена великая историческая роль. Они свяжут американцев с наиважнейшим теперь новыми противогерманскими фронтами—фронтом волжским и фронтом кавказско-персидско-мессопотамско-палестинским. Кто знает, быть может, в ближайшем будущем мы увидим проходящими через наш край отряды американцев, австралийцев и японцев на бакинско-кавказский фронт. Понятно, не без чувства радости мы говорим об этом, т. к. наше глубокое убеждение, что, чем больше будет запутываться клубок вокруг русского наследства, тем скорее мы будем у нашей цели видеть Россию вновь великой, свободной, нераздельной и истинно федеративной. Это, так сказать, для нашего патриотического и живого национального чувства. Но нас лично ожидают блестящие экономические сюрпризы. Мы окажемся связаны с Сибирью, Волгой и Семиречьем, богатыми продовольствием и сырыми товарами.

„Еще и поныне Сибирь имеет залежи товаров, сравнительно с теперешними ценами, крайне дешевых.

„Прорвавшиеся из Сибири, захлебываясь от восторга, рассказывают о тех неисчислимых запасах и продовольствия, и сырых фабрикатов, имеющихся в Сибири, где даже в крупнейших городах сливочное масло не поднялось выше 1 р. 50 к., где хлеб, мясо имеются в изобилии и при том крайне дешевые, где имеются кожа, ботинки и многие другие фабрикаты японского, американского и китайского происхождения. Все эти перспективы нас безусловно ожидают в случае завершения дела наказания ташкентских сатрапов.

„С своей стороны мы можем способствовать движению нефти и керосина из Баку, материалов, голод на которые по всей России сейчас дошел до крайних пределов .

„У нас, наконец, хлопок—наше богатство, но он все же будет на втором плане, т. к. особенно больших мануфактурных фабрик ни в Сибири, ни в Поволжьи не имеется.

„Скептики могут возразить, что раньше, когда путь на Самару был еще открыт и, значит, мы имели сообщение с Сибирью, особенного изобилия товаров в нашем крае не наблюдалось. Но дорога была открыта лишь периодически и не была безопасна, затем, сибир-

ские продукты все уходили в Россию. Сейчас Россия будет временно оторвана, по крайней мере, в течение этой зимы.

Она была оторвана и большую часть текущего года. За неимением вывоза, товары кумулировались и в некоторых местах дошли до залежей. Нашему маленькому краю и его закупочным организациям лишь нужно будет своевременно воспользоваться благоприятно складывающимися обстоятельствами.

„Все это лишь контуры ближайших возможностей. Быть может, реальное исполнение их будет еще фантастичнее по результатам.

„Скептикам мы укажем на ответ Т. Герцеля: „Если вы захотите, это не будет сказка".

„Но нам нужна твердая воля к победе, к организации, к жертвам: самодеятельность залог нашего успеха.

„На англичанина надейся, но и сам не плошай".

Эта статья пример белогвардейской безграничной наглости; „...готовы продать свою кровь проходимцу, лишь бы она в достаточной степени оплачивалась".

Мы знаем, как красноармеец „продавал" свою кровь. Сознавая свой пролетарский и революционный долг, красноармеец сражался голодным, раздетым и разутым без особого вознаграждения и без ропота.

Автор статьи продает Россию оптом и в розницу. Захлебываясь от восторга, он пишет об отрядах американцев, австралийцев и японцев и имеет наглость говорить о красноармейцах.

Поистине, с больной головы на здоровую.

„....отныне наша судьба связана с английским делом ..."

Значит, отныне и доныне наша политика, политика эс-эр., та же империалистическая политика и ничуть не меньше.

То, что англичане, участвуя в закаспийском перевороте, были экономически заинтересованы в богатствах Туркестана, в этом не может быть никакого сомнения. Не вызывает сомнения и то, что они заинтересовались этим ни чуть не ради красивых глаз эс-эровской братии.

Наглой смелости соглашателя еще хватает заявить о том, что „чем более будет запутываться клубок вокруг русского наследства, тем скорее мы будем у нашей цели видеть Россию вновь великой, свободной, нераздельной и истинно федеративной". Под властью англичан? не так ли? Как бы не так.

Передовая статья „Голоса Средней Азии" от 31 (18) августа 1918 г. № 85 следующим образом описывает англичан.

Асхабад, 31 августа.

„Третьего дня мы встречали и провожали новую помощь союзников англичан. За этим отрядом следует другой с артиллерией, а затем, если понадобится, и третий, четвертый, до безконечности, так как англичане, вступая в борьбу, должны ее закончить победоносно и иного быть не может.

„Стоя на перроне, разглядывая и беседуя с англичанами, невольно поддаешься чувству беспредельного восхищения и живейшей радости. Юные, осмысленные веселые физиономии. Стройные, крепкие чистые с светлыми ясными глазами и великолепными белыми зубами. Энергичные возгласы и радостный шутливый тон. Прекрасные, полные достоинства манеры джентельмэнов. Товарищеские, дружеские

отношения между старшими и младшими. Все это очаровывает и трогает до слез.

„Великая Англия, счастлива ты, что имеешь такой народ, таких бойцов. Только глядя на них, постигаешь оптимизм вождей английского народа, уверенных в победоносном окончании великой войны.

„Чувствуешь, что „англичанин никогда, никогда не будет рабом", заключительные слова английского гимна.

„Глядя на аккуратных, чисто одетых, чисто выбритых, веселых англичан, диву даешься. Откуда они пришли? не с бала ли?

„А меж тем, здесь все люди, по 3 и 4 года сидящие в самых невыносимых для европейца условиях, месяцами качавшиеся на бездонных океанских кораблях из Англии, Шотландии, Канады, Южной Африки, Новой Зеландии, Австралии, Индии.

„Это люди, проплывшие в беспрерывных сражениях Тигр и Ефрат, прошедшие Синайский полуостров и гнилостно-жаркую пустыню Месопотамию, с беспрерывными укусами ужасных москитов, с самумами и загаженной солончаковой водой и знойным палящим тропическим солнцем.

„Здесь солдаты, прошедшие через всю бездорожную дикую Персию пешком, через непроходимые ущелья, горы, горные потоки и реки, с жаром в долинах и адским холодом на высоте. Болотная лихорадка, укусы, зной, холод, а подчас и голод и частые бои с турками, разбойными племенами. Суворовские переходы.

„Мы их видим, наконец, после трехдневного некомфортабельного изнурительного морского перехода Энзели—Красноводск и путешествия в теплушках Красноводск—Асхабад. Через несколько часов их ждет война, уносящая жертвы, наводящая ужас, а они неизменно приличны и радостны.

„Великий народ. Откуда черпается твоя изумительная энергия, твое постоянство, мужество?

„А рядом мы, самый молодой из народов Европы, уже целиком изжившие себя, все в прошлом. Ни энергии, ни постоянства, ни воли, ни верности, ничего из былых качеств, поражавших некогда мир. Легко поддающиеся чрезмерной радости и панике, готовые молиться на всех проходимцев и вечно не доверяющие своим вождям и друг другу—мы стоим сейчас среди народов мира, как поживший вдоволь молодой развинченный старик...

„Невольно поддаешься чувству зависти при взгляде на бравых англичан.

„Какие злые чары держат нас в угаре?

„Но довольно пессимизма!..

„Сейчас мы возрождаемся, мы снова будем тем, чем мы должны быть!..

„Мрачный наркотический кошмар проходит, и мы будем снова свободные гордиться своим именем русских. Мы завоюем уважение мира.

„Великое наше счастье, что мы боремся рядом с англичанами.

„Мы готовы даже благословлять злую годину, единственную виновницу того, что англичане теперь гости нашего далекого Закаспия.

„Вместе с ними и мы будем моложе, сильнее и радостнее.

„В молодой компании часто преждевременно состарившийся человек вдруг оживает и сбрасывает с себя всю тяжесть пережитого.

„Итак, да здравствуют наши союзники и друзья, жизнерадостные и храбрые англичане!“

Вот как описывалось прибытие английской армии. Красивыми и стройными англичанами очарованы были, конечно, не рабочие массы, а мещанские барышни, которые с великой радостью читали подобные статьи от корочки до корочки. Что-же касается рабочих, то они знали только одно; это то, что их спасение не в англичанине, а в самих себе. И только уяснив себе это, рабочие постепенно начали откалываться от зачинщиков закаспийского переворота, переходя на платформу большевистской партии.

В том-же 85 номере „Голоса Средней Азии“ прибытие одного английского отряда в Асхабад описывается следующим образом:

Прибытие английского отряда.

„29 августа, в 6 часов вечера, прибыл к нам проездом на фронт отряд англичан из Энзели. Отряд этот ожидался с нетерпением всем населением уже несколько дней.

„На вокзале к моменту подхода поезда и задолго до этого собралась тысячная толпа асхабадцев.

„Лишь только поезд приблизился к вокзальному дебаркадеру, как толпой овладел энтузиазм, который пишущий эти строки наблюдал только в первые недели войны. Воздух потрясли тысячи приветственных возгласов, торжественная игра соединенных оркестров то английского гимна, то марсельезы, то просто популярных маршев. Англичане, великолепные бравые парни, как на подбор, очень радостно отвечали на приветствие асхабадцев.

„Правда, не обошлось и без типичного русского разгильдяйства, скоро, однако, сглаженного последующим под‘емом настроения. Какой то пьяный пытался воспротивиться удалению с перрона. Инцидент удалось загладить, тем более, что гостей в то время у этого места не было, но, во всяком случае, происшедшее характерно для нашего расхлябанного времени.

„Англичан ждал у нас обед. Солдаты, сойдя со своих вагонов, сделались предметом длительных оваций со стороны публики. Поужинав в приготовленном для них помещении бывшего питательного пункта, они все собрались около своих вагонов и теплушек. Завязывались своеобразные разговоры, где говорящие совершенно не знали языка друг друга.

„Публика восторгалась на редкость симпатичными чертами лиц молоденьких солдат, которые тут же среди публики танцевали своеобразные хороводные танцы под звуки наших маршев и восточных мелодий. Некоторые потешались резкими криками, которые, как оказывается, представляют обычное явление в английской лагерной жизни.

„Офицеры собрались для обеда в зале первого класса, где для них был сервирован стол совместно с членами вр. исполнительного комитета, чинами штаба и другими приглашенными и должностными лицами.

„В начале чувствовалась некоторая неловкость от того, что из английских офицоров лишь один, а именно, капитан шотландского полка мистер Джордж Ленкерк говорил по русски, но за то так, что ему смело может позавидовать любой русский образованный человек. Блестящее произношение без малейшего акцентирования. Впрочем, это и не удивительно, так как капитан воспитанник пет-

роградского реформатского училища, одного из лучших наших средне-учебных заведений. Сверх того, и высшее образование капитаном получено в петроградском электро-техническом институте, бывшем институте Александра III.

„Остальные офицеры ни слова не говорят по русски и на вокзале среди тысяч народа не нашлось никого, кто бы мог об'ясниться с гостями на их родном языке. К счастью, некоторые из офицеров, об'яснялись по французски.

„Мигом вокруг них образовался кружок из лиц, знающих и об'ясняющихся на французском языке. Эти лица служили как бы переводчиками для всех бесчисленных вопросов, которыми буквально закидывали диковинных дорогих гостей.

„Между прочим, и пишущему эти строки удалось поговорить с англичанами. Из разговоров оказалось, что большинство солдат отряда природные англичане, с малой примесью шотландцев. Из Англии они уже несколько лет тому назад были отправлены на багдадский фронт. В Мессопотамии климатические условия настолько скверны, что воевать лишь можно несколько месяцев в году. Сейчас там затишье из за жары, перед которой наша асхабадская представляется райской прохладой. Даже в Реште, Казвине и Энзели климат, несмотря на миазмитические заболевания, гораздо благоприятнее.

„На севере Персии часть, присланная к нам сейчас, участвовала в отражении Кучук-хана, напавшего ночью на казармы. Несмотря на неожиданность нападения,—англичане легко справились с ним, убив 200 „лесных братьев" и потеряв только семь. Сейчас Кучук-хан переменил ориентацию и предоставил себя и свою вооруженную силу в распоряжение английского генерала Дестернвиля, командующего северо-западным персидским фронтом.

„С большой радостью отряд узнал, что ему предстоит отправление к союзникам на закаспийский фронт, о котором имел представление сравнительно слабое. За долгое пребывание в экзотических странах офицеры и солдаты совершенно отвыкли от культуры. Пребывание в русских владениях им особенно поэтому ценно. Европейские условия жизни, передвижение по железной дороге, открытые женские лица, все это восхищает и радует англичан.

„Во время обеда с приветственным кратким словом обратился к гостям-офицерам товарищ председателя вр. исполнительного комитета гр. Курылев, который выразил уверенность, что, совместно со старыми союзниками, русский народ сбросит иго германо-большевиков и вновь соединит воедино свои разрозненные части. Ему отвечал капитан Ленкерк, который произнес блестящую речь по русски, содержащую, помимо обычных в таких случаях приветствий и благодарственных выражений, много фактического.

„Отряд этот отборнейший по качеству солдат и офицеров. Офицеры все великолепно знают свое дело. Следом за отрядом явится из Энзели также и артиллерия с прикрытием и техническими средствами. За этими отрядами явятся и другие, если только надобность представится.

„Успех продвижения обеспечен. В будущем Россия займет свое почетное место среди великих союзных держав, что ускорит победоносный конец войны.

„Затем говорил гр. Яцевич, сказавший прочувствованное приветствие и гр. Сейранянц от имени населения города. Последнего

благодарил за радушный прием начальник отряда капитан Саррес, говоривший по английски; речь его великолепно была переведена на русский язык капитаном Ленкерк.

„Приветственные и благодарственные застольные речи прерывались игрой английского гимна, марсельезы, пением боевой застольной песни английскими офицерами и общими криками „ура“ и „гип-гип ура“.

„Между прочим, за обедом было прочтено поздравление генерала Маллиссона за победу под Каахка, встреченное присутствующими восторженно (см. ниже А. М.).

„Поезд долго не отходил. Англичане осаждались беспрерывно через добровольных переводчиков. Расспрашивали, высказывали восхищение, пожелания счастливого пути и скорого возвращения целыми и невредимыми.

„Англичане, обычная суровость которых вошла в поговорку, совершенно растаяли от радушия и приязни окружающей толпы. Они охотно разговаривали и восхищались обилием английских типов среди асхабадцев, особенно среди его женской половины.

„Поражали всех великолепные дружеские отношения между офицерами и солдатами. Солдаты совершенно не стеснялись своих начальников и обращались к ним без всякого подобострастия. Вещь в общем невиданная для нас, так как до революции солдаты гнули свои шеи перед офицерами, а во время ее офицеры поменялись ролями и принуждены были из чувства самоохранения заискивать у солдатских комитетских заправил.

„Перед отъездом англичане надели на правую руку белые перевязки—знак того, что они вступают в боевую обстановку, требующую сугубой бдительности и исполнительности.

„С большим сожалением асхабадцы, собравшиеся на вокзале, расстались с обаятельной молодежью, цветом страны наших великих союзников.

И. П.“.

Да, в высшей степени торжественно был встречен прибывший отряд. Но только при этом радовалось не все население, а только часть. Например, большинство рабочих, при этом выйдя на вокзал, не радовалось, а смотрело на горе, которое явилось результатом грубой их ошибки. А вся не пролетарская публика, имеющая отношение к белым и, как выражается автор статьи, мещанские барышни—встречали отряд радостно, устраивая грандиозные овации, играя при этом роль низкого подхалима.

Телеграмма генерала Маллиссона, опубликованная в „Голосе Средней Азии“, гласила следующее:

„Я был рад узнать сегодня о вчерашней победе. Шлю вам сердечные поздравления и прошу передать всем героям фронта—Маллиссон“:

В номере 42-м газеты „Голос Средней Азии“ опубликован следующий обмен нотами между генералом Маллиссоном и управляющим (впоследствии министром) иностранных дел вр. закасп. правительства—Л. Л. Зиминым:

От отдела по иностранным делам.

9 ноября управляющим отделом иностранных дел была получена от командующего английскими войсками генерал-майора Маллиссона следующая телеграмма:

„Комиссару иностранных дел.—Благодарю вас за ваши поздравления по случаю капитуляции Австро-Венгрии. Я сердечно желаю тех же взаимных отношений, которые вы были настолько любезны высказать.

Генерал Маллиссон".

Эта телеграмма получена в ответ на следующую телеграмму управляющего отделом: „Мешед генералу Маллиссону.

„Представитель великобританской миссии в Асхабаде оффициально сообщил правительству о состоявшейся капитуляции Австро-Венгрии. По поручению правительства пользуюсь этим случаем, чтобы принести вам, генерал, как представителю великобританского правительства и начальнику доблестных английских войск, наши сердечные поздравления и искренние пожелания скорейшего окончательного успеха нашему общему делу.

Л. Зимин".

10 ноября от генерала Маллиссона получена следующая телеграмма:

„Получив вашу телеграмму об образовании нового союзного правительства, передал ее по назначению, где, я уверен, она будет принята с большим интересом. От себя выражаю пожелания дальнейших успехов новому правительству.

Генерал Маллиссон".

Эта телеграмма получена в ответ на следующую телеграмму управляющего отделом.

„Мешед генералу Маллиссону. В целях об'единения всех сил, борющихся с германо-большевиками, правительства областей Терской, Закаспийской и всех частей Бакинской губернии, не занятых турками, решили об'единиться и на с'езде представителей правительств, закончившемся в октябре, выбрали временное союзное кавказско-каспийское правительство в составе: управляющего военными делами Бичерахова, финансами—Орлова, юстицией—Наджарова, хозяйством и продовольствием—Мирхелева и иностранными делами—Зимина. Союзное правительство, взяв в свои руки власть, просит вас довести до сведения великобританского правительства о своем образовании и о том, что оно будет стоять на той же платформе, на которой стояли отдельные правительства, его образовавшие. Главные цели остаются те же совместные с нашими доблестными союзниками, борьба против германо-большевиков и создание великой России при посредстве всероссийского учредительного собрания, на принципах, провозглашенных в воззвании великобританского правительства при вступлении союзных войск на русскую территорию.

Управляющий иностранными делами Л. Зимин".

Из этих нот мы уже можем установить ясно, что английское правительство, безусловно вмешивалось в дела закаспийского правительства и каждый шаг, совершенный последним, соответственно санкционировало. Последняя записка особенно ярко характеризует, что фактически все, что творилось в этот период в Закаспии и на Кавказе, все это являлось вытекающим из общей программы, с которой английская армия вступила на территорию России—имея основную цель при помощи внутренней контр-революции уничтожить Советскую власть.

Тяжелое финансовое положение, вернее говоря—полнейший финансовый крах заставил временное закаспийское правительство обратиться к великобританскому правительству с просьбой оказать финансовую помощь во имя завершения победы над германо-больше-

виками. В ответ на эту просьбу генерал Маллиссон опубликовывает в нескольких номерах газеты „Голос Средней Азии“ подряд следующее обязательство:

От английской миссии.

British military mission to Turkistan.

In view of the financial aid which the British Government has undertaken to afford to the Provisional Government of Transcaspia, and in order to provide the said Government with the necessary funds to meet current urgent expenses, I, the undersigned, being the duly Accredited Representative of the British Government hereby give notice that I am prepared in exchange for Rouble notes to issue either Bank drafts for Indian Rupees payable in Bombay, or for English Pounds Steriing payabie in London.

Temporary receipts for amounts received on this account will be furnished by Me or by my authorised representative, such receipts being cancelled as soon as the formal Bank-draft is received from the Meshed branch of the Imperial Bank of Persia.

SD. Major-General MALLESON.

British Military Mission.

Великобританская военная миссия в Туркестане.

В виду финансовой помощи, которую Великобританское Правительство обязалось оказать Временному Закаспийскому Правительству и чтобы снабдить указанное правительство средствами на срочные текущие расходы, я, нижеподписавшийся, уполномоченный представитель Великобританского Правительства, сим об'являю, что я готов взамен русских денежных знаков выдать тратты (обязательства) на английский банк, или в индийских рупиях на Бомбей, или в английских фунтах стерлингов на Лондон.

Временные расписки на денежные вклады, полученные для вышеуказанной надобности, будут выдаваться мною или уполномоченным мною представителем, причем такие расписки будут заменены установленными траттами, как только таковые будут получены из мешедского отделения шах-ин-шахского банка в Персии

Генерал-майор **Маллиссон.**

Великобританская военная миссия.

Вслед за опубликованием этого обязательства в печати появляется приказ закаспийского временного правительства такого содержания:

Приказ временного закаспийского правительства.

В дополнение к обязательству, данному великобритан ким правительством о выдаче, взамен денег, внесенных в народный банк, тратт на Бомбей и Лондон, закаспийское правительство сим обязуется по истечении трех месяцев со дня вклада обменять эти тратты на рупии или рубли в Асхабаде или Мерве по количеству рублей, внесенных в банк.

Кроме того, закаспийское правительство признает тратты шах-ин-шахского банка Персии, выданные в Асхабаде или Мерве, годными к обращению во всем Закаспии наравне с денежными знаками.

„Закаспийское правительство обязуется десятую часть всей внесенной за тратты суммы считать льготной, с выплатой ее во всякое время вкладчику до истечения трехмесячного срока.

Председатель совета управляющих делами закаспийского правительства *Фунтиков.*

Управляющий финансовыми делами и торговли и промышленности *Дмитревский.*

Управляющий внутренними делами *Дохов.*

Управляющий иностранными делами *Л. Зимин.*

Управляющий военными делами *Герман.*

Управляющий делами юстиции *А. Доррер.*

Управляющий путями сообщения *Степанов.*

Управляющий делами труда и социального обеспечения *Л. Курылев.*

Правитель дел совета *Татаринов.*

По существу денежного вопроса, связанного с полученным обязательством от великобританского правительства, временное правительство обращается к населению Закаспийской области со следующим воззванием:

„Граждане! Призывом о помощи обращается к вам закаспийское правительство. Дело, начатое нами с таким успехом, дело, приближавшееся к желанному победному концу *), ибо весь Туркестан ждет только решительной победы нашей, ждет разгрома противника, чтобы поднять знамя восстания по всей стране против ненавистной ему власти, а восстание в Туркестане означило бы нашу победу и затем установление полного порядка, истинного народоправства, справедливости и мирного труда—дело наше на краю гибели.

„На краю гибели от недостатка денежных средств.

„Закаспийское правительство бедное, по нашему времени, средствами, ведущее армию, администрацию, школы, железную дорогу и другие пути и средства сообщения, вынуждено было, кроме того, тратить средства на поддержание благополучия самих вас, граждан.

„Бывшие в распоряжении правительства средства иссякли, но их получило население, и сейчас оно должно прийти на помощь.

„Великобританское правительство, по заявлению, сделанному и об'явленному представителем его в Туркестане ген. Маллиссоном, обязалось оказать временному закаспийскому правительству финансовую помощь, но деньги, которые должны быть получены из Индии в субсидию, в распоряжение временного закаспийского правительства еще не поступили, а, между тем, деньги эти нужны сейчас.

„И сейчас деньги эти правительство может получить только от населения, только от вас, граждане.

„С сегодняшнего дня отделения народного банка в Асхабаде и Мерве открыты для приема тех сумм, которые вы понесете и дадите правительству для спасения нашего общего дела и взамен которых получите от английского представителя обязательства на получение тратт шах-ин-шахского банка в Мешеде на английский банк, по каковым траттам через короткий срок, который будет об'явлен особо, деньги будут вкладчикам возвращены, там, где вкладчик пожелает, или здесь в Асхабаде, или в Персии в Мешеде, или всюду там, где есть английский банк.

---

*) Это пишется как раз в момент отступления белых на закаспийском фронте. А. М.

„Все казначейства и почтово-телеграфные конторы и отделения Закаспия также принимают деньги, выдают от себя временные расписки, а затем, по получении через несколько дней обязательств английского правительства, обменивают вкладчикам свои расписки на эти обязательства.

„Хранение денег дома всегда сопряжено с риском утери или хищения их, помещение же их в ссуду своему правительству, под обязательства английского банка—дело верное, необходимое не только для сохранения своих средств, но и для спасения своего дела, своих жизней, своего достояния.

„Вспомните, граждане, те кары, которыми угрожал нам противник, вспомните угрозы его смести с лица земли Асхабад и Кизил-Арват и, как угрозы эти не являются только угрозами, а будут приведены, в случае победы противника, в исполнение, так и обращение это не является только клочком бумажки, а есть крик о помощи на краю гибели, предупреждение о спасении.

„Поспешите-же с помощью, ибо промедление времени смерти подобно, в единодушном порыве принесите средства ваши на помощь делу правды и благополучие ваше будет обеспечено.

„Помните, что средства эти даются вами только в долг, подлежащий скорому возвращению.

„Спешите, пока не поздно.

Председатель совета управляющих делами закаспийского правительства *Фунтиков.*

Управляющий финансовыми делами торговли и промышленности *Дмитревский.*

Управляющий внутренними делами *Дохов.*

Управляющий иностранными делами *Л. Зимин.*

Управляющий военными делами *Герман.*

Управляющий делами юстиции *А. Доррер.*

Управляющий путями сообщения *Степанов.*

Управляющий делами труда и социального обеспечения *Л. Курылев.*

Правитель делами совета *Татаринов*".

Передовица газеты № 152 от 23 ноября 1918 г. пишет:

Асхабад, 23 ноября.

„Соглашение наше с Англией, заключенное нами через посредство великобританской военной миссии в Мешеде, обеспечивало нам военную и финансовую поддерж у английского правительства. Военная помощь англо-индийских войск, как известно, не замедлила явиться, и, следует признать, только она спасла нас от неминуемого разгрома силами нашего ташкентского протирника. Без англичан, нас, асхабадцев, ждали бы такие печальные сюрпризы, от которых померкла бы слава ярославских пожаров и расстрелов. Мы, ведь, знаем, что Асхабаду Колесов особенно „симпатизировал". Англичане же помогли нам не только выдержать натиск превосходящих нас врагов, когда расправа с Асхабадом для них была бы вопросом нескольких дней, но и теперь, с помощью наших союзников, мы в состоянии гнать из пределов нашей области деморализованные после поражений своих отряды ташкентских, казанских, жлобинских и друг. большевиков. В наших степях за наше дело пролилось достаточно много англо-индийской крови. Сейчас наше военное положение не внушает ни малейших опасений, мы находимся по дороге в

Чарджуй, границе нашего Закаспия, со стороны Красноводска нам никто не угрожает.

„В Баку уже нет ни большевиков, ни турок, на море царствует дружественный нам и англичанам флот, угрозы со стороны Астрахани не существует; наоборот, астраханские большевики с опасением смотрят на нас и наших союзников.

„Все шло бы у нас отлично, если бы не одна загвоздка... финансовые затруднения. До сих пор нам ни к какой денежной поддержке обращаться не приходилось, так как судьба с самого начала нашего выступления нам благоприятствовала. Нежданно, негаданно к нам попали 70 с лишним миллионов, предназначавшихся для наших врагов.

„Эти семьдесят миллионов свежих николаевских и керенских кредиток освободили нас от временных забот по приисканию средств для нашего общего дела—освобождения родного нам Закаспия из рук фроловщины, колесовщины и проч.

„Граждане были разом освобождены от предполагавшегося принудительного займа, в отношении внесения государственных налогов были сделаны все послабления. Закаспий в расходах по войне и управлению совершенно не участвовал. Между тем, денежный фонд нашего правительства непрерывно таял от тех колоссальных расходов, которые выпали нам. Формирование отрядов—русских и текинцев, содержание войск, вознаграждение раненых и семей убитых, убытки по продовольственному делу, по промышленности, сложное управление Закаспийской области, безчисленные ведомства, просвещение, городские расходы, достигшие больших цифр, управление и эксплоатация Ср.-Аз. ж. д. и др. статьи расхода, увеличивающиеся по мере увеличения подвластной нам территории, требовали громадных сумм, и при скромном и экономном расходовании, если иметь в виду общую дороговизну и обесценение денег, с'ели за три с лишним месяца присланные нам Лениным миллионы.

„Сейчас мы на краю финансового краха. В самые ближайшие дни нечем будет платить бойцам, нечем будет покупать продовольствие, нечем будет платить чиновникам, рабочим, за материалы, учителям и всем другим, кто так или иначе зависит от государственной казны. Такое положение невыносимо, и оно может повести к гибели всего нашего дела, так блестяще теперь завершающегося. Снова, как и раньше, перед населением области, вздохнувшим за 4 мес. от ужасов большевизма и уже привыкающим к законности и обеспеченному существованию в свободном демократическом режиме, предстоит печальное будущее при неминуемом параличе нашей новой государственной жизни, что может вызвать новое и еще худшее закабаление нашей области.

„Считаясь с грозным финансовым положением, наше правительство снова обратилось к спасшей нас Англии, на этот раз за денежной помощью. Полномочный представитель правительств Великобритании и Индии генерал-майор Маллиссон эту помощь нам дает. Финансовая поддержка наших союзников не является займом, который мы обязаны будем возвратить через некоторое время, ни скрытой формой займа, требующей гарантии данной суммы естественными богатствами, железной дорогой, или какими-либо другими ценностями, имеющимися у должника.

Это субсидия, т. е. безвозвратная денежная помощь. Отдавать ее совершенно не придется. Такая форма помощи от нашей союзницы Англии доказывает, что она совершенно чужда корыстных интересов

и что главная цель наших старых друзей восстановить наше былое положение и снова ввести нас в содружество великих наций...

„К сожалению, в распоряжении представителей нашего великого союзника не оказалось поблизости ни русских денежных знаков, ни свободной иностранной валюты в нужном для нашего правительства размере. Но, в виду того, что потребность в деньгах срочная, наше временное закаспийское правительство и полномочный представитель Великобритании пришли к тому совместному решению, о котором нам говорит торжественное заявление начальника английских войск в Персии и Туркестане и военно-дипломатического полномочного представителя Англии генерал-майора Маллиссона, напечатанное в нашей газете и воззвание нашего совета управляющих.

Генерал Маллиссон, в виду отсутствия у него большого количества русских кредитов, предоставляет нашему временному правительству тратты, т. е. срочные обязательства Англии, выписанные по желанию в фунтах стерлингов или в индийских рупиях, подписанные дирекцией шах-ин-шахского банка в Мешеде (английского и одновременно персидского государственного банка) с платежом золотом или серебром в Бомбее или Лондоне, или других отделениях английского банка. Это обязательство английского правительства наш народный банк, по поручению закаспийского правительства, продает по определенному курсу за русские бумажные деньги гражданам Закаспия в Асхабаде и Мерве.

Сущность всей этой финансовой операции заключается в том, что закаспийцы, заинтересованные в успехе общего дела, должны придти своей власти на помощь тем, что одолжают Англии деньги, получают взамен своих русских бумажек тратты, т. е. обязательства богатого имперского банка Персии. Эти тратты будут уплачены в срок, о котором будет об'явлено особо, английским правительством. Но покупателям и будущим закаспийским держателям этих обязательств, при желании реализации, т. е. превращения их обратно в деньги какого угодно государства, нет необходимости ждать установленного срока платежа. Они могут продать их любому банку в Персии или где-либо за границей, или, еще лучше, дать их взамен денег, т. к. тратты английского правительства и шах-ин-шахского банка имеют хождение на денежном рынке пограничных с нами стран наравне с деньгами, записанными на этом документе.

„Держание таких тратт для нас, русских, небезвыгодно. Вместо колеблющихся и беспрерывно обезцениваемых русских бумажек мы получаем финансово-стойкое обязательство самой богатой в мире страны Англии, в банке которой все богачи, государства и монархии мира держат свои вклады. Англия через посредство своих банков заправляет всем международным денежным рынком и устанавливает денежный курс. Эти тратты мы можем в любую минуту реализовать, не дожидаясь срока уплаты на рынках Персии, Афганистана, банках Баку, Тифлиса, Батума, в любом месте мира, где банки не парализованы национализацией. Это особенно важно для наших русских капиталистов, хранящих свои бумажки, в виду тревожного времени с разбойниками, беспрерывными грабежами, большевистских угроз и другими прелестями нашего жития, в земле, в кубышках и в друг. потайных местах.

„Эти деньги пользы своим владельцам не приносят, кроме сознания, что каждый день их приближает к нулевому значению.

„Удобный же документ—тратта Англии позволяет проделывать с деньгами все банковские финансовые комбинации. Их можно пере-

водить в любую валюту; сохранность, особенно, в случае именной тратты, требующей нотариальной передачи, обеспечена вполне. Если представляется необходимость переезда, тратта имеет все преимущества перед перевозом денежного пакета с собой; в случае утери и покражи имеется возможность телеграфно известить банк об этом. В случае, если покупателю тратты желательно перевести свои деньги из неспокойной России в более укромное место, хотя бы в частном для асхабадцев примере, в английский банк в Мешеде, стоит лишь до замены временной расписки ген. Маллиссона на настоящую тратту шах-ин-шахского банка телеграфировать через посредство английской миссии в Асхабаде банку в Мешеде о хранении тратты, или о переводе ее на ваш специальный текущий счет в том же отделении английского банка. Кто не имеет такого счета, может его открыть телеграфно.

„Вместо этой удобной операции желающему перевезти деньги за границу раньше всего запрещается законами провоз денег выше определенной суммы (кажется, 500 руб.), а для того, чтобы провезти деньги незаконно, нужна особая сноровка и умение, достойные лучшей цели. Кроме того, везти с собой деньги теперь, да еще лошадьми, крайне опасно.

„Все это избегается владельцами тратт в английской или индийской валюте. Тем, кому желательны торговые цели, закупка чая, сахара, мануфактуры и друг. товаров, тратта представляет все преимущества старого доброго времени, когда были возможны переводы через банк, почту, телеграф и т. д.

„Помимо всех перечисленных удобств транспорта, хранения, перевода, реализации, покупателям тратт представляются и другие выгоды, одна из которых заключается в том, что получается возможность переводить на иностранную валюту суррогаты денег, не котирующиеся на иностранном рынке. Известно, что в Персии существует недоверие к деньгам, выпущенным при Керенском. На рынке они ценятся ниже 20—25% николаевских бумажек; облигации же, займа свободы и колесовки в Персии совершенно не принимаются. Теперь представляется возможность перевезти их без потери стоимостью сравнительно с николаевскими, т. к. курс тратт будет сообразован относительно нормальных русских кредиток. Это очень значительная выгода для держателей 1000 руб., 250 рублевых билетов, 40 и 20 руб. казначейских знаков и колесовских бумажек, и мы полагаем, что большинство граждан, достатки которых по преимуществу состоят из этих видов денежных знаков, не преминут воспользоваться благоприятным обстоятельством.

„Опасения поднятия русского курса в ближайшие месяцы, в виду полной разрухи, ждать не приходится. Наши деньги стремительно падают в цене и будут, по всем об'ективным данным, продолжать обесцениваться. Единственное счастье для России, если деньги еще не много упадут, но это, к сожалению, не представляется. Но даже, если бумажные знаки, против всякой возможности, несколько поднимутся, то держатели английской валюты или в этом случае ничего не потеряют, т. к. благоприятный курс меньше или больше отразится на англо-индейских деньгах, как деньгах победителей мира.

„Мы уже не говорим о том долге перед нашим общим делом, находящемся под угрозой насильников, которые, если мы вслед англичанам не придем на помощь нашему правительству, расправятся с нами шемякинским судом. Инстинкт самосохранения должен подсказать нам, что мы обязаны немедленно прийти на помощь нашей

Сидят слева направо: тов Мелькумов, Арутюнов (зам. пред. организации), Кукаев (пред. организации), Зотов и Сунгуров. Стоят слева направо: тов Степанов, Васильев, Царегородцев, Панькин, Степкин, Панькин П. Ф. Кукаева и Симонова.

власти счастливо закончить прекрасно начатое дело освобождения нашей родины, т. е. нас самих от цепей большевистского рабства и красного террора.

„Вспомните, что мы пока одни из счастливейших граждан России, не знавшие расстрелов, расправ и открытого правительственного грабежа".

Помощь и поддержка англичан выражались не только в посылке на фронт частей своей армии и оказании материальной поддержки, нет, они заключались также в развитии и усилении борьбы против большевизма внутри самой области. Например, не было ни одного дня, чтобы кто нибудь из членов асхабадской подпольной организации не вызывался в штаб а глийской армии (до организации контр-разведки) для дачи нужного им об'яснения по существу высказанного где нибудь в рабочих массах мнения по поводу вмешательства в дела Российской революции англичан, или деятельности правительства авантюристов.

Что касается участия английского командования в решении судеб попавших в руки белых большевиков, то тут нечего доказывать, ибо всем было и остается ясным, что всякое решение вопроса о казни предварительно санкционировалось английским командованием в лице великобританской военной миссии в Туркестане (см. книгу В. Чайкина „Казнь 26 бакинских комиссаров)".

Причина ухода англичан из Закаспия в основном известна. Они просто не нашли себе выгодных союзников в лице временного правительства и, наконец, международное положение не особенно позволяло им продолжать свое пребывание в Закаспии.

Жизнь и деятельность асхабадской подпольной организации РСДРП (большевиков)*).

К моменту октябрьского переворота асхабадская организация РСДРП (б) насчитывала в своих рядах около 20 чел. неопытных и далеко неподготовленных товарищей. О положении большевистских организаций на местах в области говорить не приходится, ибо в других городах Закаспия их или совершенно не было, или они были мизерны и слабы. Эта маленькая группа асхабадских большевиков, таким образом, являлась к октябрьскому перевороту той силой, которая должна была, во-первых, выполнить громадные задачи, стоящие перед ней по захвате власти и, во-вторых, должна была стать руководящим областным центром в деле создания партийных организаций в городах области и политического руководства ими.

Как протекала работа большевистской организации и как она развивалась, мы знаем из 6-й главы. Положительных результатов в работе ни асхабадской, ни возникших в этот период местных организаций РСДРП (б) не было видно, последствием чего явился переворот, а затем и суровая расправа над членами отдельных партийных организаций области.

После переворота в Асхабаде начались поголовные обыски и аресты ответственных работников и членов большевистских организаций. В первые же дни переворота в одном Асхабаде белогвардейцы арестовали около 15 человек, из коих 9 расстреляны у станции Аннау **), а остальные приговорены к разным мерам наказания.

---

*) Составлена по материалам, данным членами подпольной организации по личным воспоминаниям. А. М.

**) См. 6-ю главу. А. М.

Оставшиеся на свободе вынуждены были скрываться, подчас меняя свои фамилии, и всяческими путями спасаясь от озверелой белогвардейщины.

Вскоре после переворота, по инициативе т. Кукаева, в его квартире постепенно завязываются связи оставшихся в живых и не скрывшихся из области членов партии: тт. Кукаева, Зотова, Степкина, Кулишева, Дизера, Панькина, Запорожцева и друг. Эта группа кладет начало новой подпольной работы асхабадской организации.

Первое заседание группы составляет план дальнейшей работы организации. В основу плана кладется; 1) тесная связь с рабочими и солдатскими массами области и фронта; 2) втягивание в ряды подпольной организации сознательных, не терявших революционной совести, неспровоцированных и не разложившихся рабочих; 3) создание большевистских организаций в других городах области; 4) систематическая, медленная и осторожная работа по разложению белогвардейских рабочих организаций и солдатских масс области; 5) создание возможных препятствий в деятельности белого правительства; 6) систематический выпуск воззваний, направленных к раз'яснению массам сущности совершившегося переворота и той ошибки, в которую впали рабочие массы Закаспия; 7) использование всех легальных и нелегальных возможностей к дискредитации эс-эровских, меньшевистских и дашнакских организаций; 8) установление связи с большевистскими внезакаспийскими организациями.

На каждого почти члена подпольной организации возлагается этим же заседанием выполнение одной из основных задач плана. Работа развивалась. И насколько сильнее развивается деятельность подпольной организации, настолько суровее была расправа белогвардейщины.

Мы приводим копию одного исторического документа, перехваченного особым отделом 1-й армии:

Копия.

С. секретно.

„В исполнительный комитет.

„По поступающим ко мне сведениям, в городе усиленно продолжается работа уцелевших от расстрела, еще не арестованных большевистских банд. Есть оффициальное подтверждение от лиц, вполне заслуживающих у нас доверие, что отказ союза фронтовиков от выезда на фронт, учащающиеся обрывания телеграфных проводов линии Асхабад—Гаудан есть их злая работа. За последнее время работа их начинает принимать более организованную форму. Бывают частые заседания этой группы, где намечаются планы работ, наглая смелость их даже доходит до мысли свержения исполкома. Вдохновителями всего этого являются Кукаев, Панькин и друг. Очагом всей работы своей они избрали союз фронтовиков и депо. Недавно мне сообщили, что Кукаев (комтруд) уже не проживает у себя на квартире, и есть сведения, что он выехал в Астрахань. Наблюдение за его квартирой первый факт подтвердило, второй—о его выезде—еще не установлен. Имеются также наблюдения за Панькиным (б. тов. председ. ревкома). Он часто посещает управление дороги для поступления на службу (надо полагать, что и здесь что-то неладное). Влияние свое означенная организация начинает распространять и на места заключения. Как установила следственная комиссия, бывш. член ревкома Степанов бежал из под стражи лишь при содействии данной организации; они успели, снабдив его день-

Сидят слева направо—тов. Мазур, Успенская, Жук, Исаев, Никулочкин, Акимов и Дулин. Стоят слева направо в первом ряду: Щеглов, Кирсанов, Каляганов, Андронов, Воробьев и Афанасьев. Во втором ряду стоят: Панков, Мазур, Катыгроб, Агеев, Олифер и Сунгуров. Лежат: Вайцман и Мустам-Гаджи Мамед-Али-Оглы.

гами и документами, направить через Красноводск в Астрахань для связи, о чем уже мною сообщено коменданту города Красноводска Н. Давыденко. Член ревкома Лыков (рабочий депо) скрывается в Серахсе, меры к этому приняты, но вся эта работа носит неорганизованный характер. Я имел беседу через переводчика с командным составом английской армии, имеющей достаточный опыт в этой области, и получил совет, что необходимо организовать особый секретный орган специально по борьбе с большевиками, ибо они с каждым днем все больше и больше увеличиваются, с пунктами в Красноводске и на линии фронта. Надежный штат уже намечен, которые ведут работу по этой части: это старокадетское офицерство и некоторые гимназисты,—можно использовать и бехаистов.

„Все изложенное заставило меня обратиться в исполком с просьбой разрешить организовать означенный орган по борьбе с большевистскими бандами и отпустить необходимую сумму денег.

„Из беседы с комиссаром по иностранным делам Зиминым английское командование обещало прийти нам навстречу (Курсив мой) *).

„Начальник города Худоложкин.

„Резолюция: Исполком, вполне одобряя Ваши действия, разрешает организовать означенный орган. Вместе с тем, необходимо усилить охрану, как в местах заключения, так и самого исполкома (нужно полагать, что последние провокационные выстрелы во время заседания исполкома есть также их работа).

„Председатель исполнительнаго комитета Фунтиков.

„С подлинным верно: замначособотдела 1-й армии (подпись)“.

Так писали и боролись с остатками большевиков те люди, которые некоторое время до этого в рабочих массах кричали во всеуслышание, что они стоят только против отдельных личностей, но вовсе не против Советской власти в целом.

Приводимая ниже прокламация, **) написанная от руки, характеризует первые выступления асхабадской большевистской организации во времена белогвардейщины.

„Пора опомниться“.

„Братья рабочие и солдаты, настает решительный час, от вас самих зависит ваше благополучие Правительство асхабадских самодержавцев накануне полного краха. Крупные суммы денег, благодаря безконтрольному раздаванию и наглому воровству народного достояния асхабадскими временщиками, уже кончились. Денег нет ни копейки. Куда же делись 86 миллионов. ***) Перед кем, товарищи рабочие, ответственны асхабадские захватчики, лакеи английского империализма. Считаются ли они с чаяниями народа? Разве им неизвестно, что широкие круги народа давно от них отвернулись и давно жаждут мира. Разве им не слышны вопли и крики оставшихся сирот и матерей, ставших жертвами преступной политики господ „Дорреров, Доховых и к-о“?. Разве ими было спрошено мнение рабочих о приглашении сюда мирового разбойника, исконного врага России, англичан?. Всякий из вас еще не забыл тех подлостей, ко-

*) Вниманию читателя, знакомого с книжкой В. Чайкина. А. М.

**) По содержанию сходна с мервской прокламацией, также написанной от руки т. Сазоновым. В Мерве затем оборудовали технику см. «Кр. Летопись Турк.» № 1—2; стр. 107, статья Сазонова. Истпарт.

***) 86 миллионов были присланы из Москвы на специальные нужды Туркестана и по дороге через Асхабад эти деньги в момент переворота были задержаны белыми. А. М.

торые причиняла Англия России, в частности, и тех зверских расправ, которые Англия учиняет в своих колониях вообще. Так, например, жестокие расправы с бурами, ирландцамм, не желавшими носить ярмо английского империализма, уничтожение сотен тысяч индусов и сипаев, расправа с китайскими рабочими, крестьянским движением.

„Да разве изданное распоряжение генерал-майора Томсона в Баку, которым воспрещаются всякие собрания, стачки и даже беседы, *) не напоминают ли столь ненавистного революционной демократии царского гнета? Вас, братья рабочие и солдаты, заставляют быть палачами международной пролетарской революции, ибо, подрывая основы Советской власти, этим самым играют на руку мировому жандарму, подавляющему пролетарскую революцию. Да не будет черного пятна на русском рабочем движении.

„Помните, товарищи рабочие, что вашим могучим орудием в борьбе с насильниками является всеобщая забастовка.

„Да здравствует решительная борьба с международными насильниками и их лакеями! Да здравствует союз революционных рабочих всего мира!

„Да здравствует Советская трудовая власть!

„Группа независимых социалистов".

Так возникает новая работа асхабадской организации, которая спустя около месяца, уже начинает давать положительные результаты, что мы видим из письма Фунтикова зак. времени. правительству**) и из письма Дружкина исполнительному комитету***).

Спустя месяц слишком после переворота, было созвано второе групповое заседание членов подпольной организации, на котором т. Нейман, прибывший из Баку вместе с другими, делает доклад о международном и внутреннем положении Республики. Это заседание решило усилить работу организации по вербовке в партию рабочих, как железнодорожников, так и городских, и увеличить выпуск воззваний и прокламаций. При помощи бакинских товарищей организация оживает еще больше.

Через некоторое время бакинцы, прибывшие со специальным поручением установить связь между бакинской и асхабадской организацией, возвратились обратно в Баку, за исключением т. Неймана, который был командирован в Ташкент специально для доклада о положении дел и состоянии белогвардейского фронта. Эта поездка оказалась неудачной. Как впоследствии выяснилось, тов. Нейман, вместе с сопровождающими, погиб во время переезда фронтовой полосы от руки белогвардейщины.

Несмотря на все тяжелые условия, т. Кукаев добился сосредоточения всей работы в своей квартире, привлекая к выполнению ряда поручений свою жену Евгению и сына Александра. На первую, вместе с др. членами организации, была возложена разброска и расклейка по городу воззваний и прокламаций, а на второго фабрикование их. Некоторые товарищи должны были доставлять воззвания и прокламации на фронт и по линии железной дороги между ст. ст. Байрам-Али и Красноводск.

---

*) Как раз в эти дни было издано распоряжение ген.-майора Томсона о запрещении всяких собраний, заседаний, стачек, забастовок и т. д. А. М.

**) см. письмо Фунтикова врем. зак. правительству.

***) см. выше письмо Дружкина исполкому.

Тов. Зотов и Зотова.

Вскоре удалось открыть связь с оставшимися в живых и тоже об'единившимися членами мервской и кушкинской большевистскими организациями.

Тов. Жук и Зотов были мобилизованы в белую армию для несения гарнизонной службы и вели усиленную работу среди войсковых частей, оставленных для охраны города и членов временн. правительства. Работа их двигалась вперед быстрым темпом и революционный под'ем в солдатских массах чувствовался с каждым днем.

Тов. Зотов Иван Иванович специально был устроен в качестве рассыльного в министерство внутренних дел закаспийского временного правительства. Получая секретные пакеты, для доставки по назначению, т. Зотов предварительно заносил их в штаб подпольной организеции (квартира т. Кукаева), где пакеты вскрывались. Организация, таким образом, была в курсе очень многих мероприятий правительства.

Тов. Кукаев служил весовщиком на товарной станции Асхабад по выгрузке, нагрузке и отправке на фронт продовольственных и военных грузов и припасов; он задерживал их под видом болезни вагонов и т. п. Несколько человек из членов п/п организации (в том числе я), владели фарсидским языком и вели работу среди английских сипаев. В результате некоторые части сипаев, как разложившиеся, 2 раза были отозваны английским командованием и заменены новыми.

Тов. Очередько и Степанов*), по постановлению п/п организации, были командированы в центр Советской России для доклада о положении дел и принятия необходимых мер к ликвидации белогвардейщины в Закаспии, что ими и было выполнено. Добравшись через Красноводск и Астрахань, они сделали доклад и, благодаря создавшимся условиям, обратно в Закаспий не вернулись до самой ликвидации оренбургской пробки.

Министр иностранных дел г. Зимин рассказывал Вадиму Чайкину о положении дел в Закаспии в конце 1918 года следующее:

„В конце декабря высший представитель великобританского правительства в Закаспийской области капитан Р. Ф. Тиг-Джонс, по соглашению с начальником закаспийского розыскного бюро С. Л. Дружкиным, решил произвести государственный переворот, для чего 3-го декабря в Асхабаде должны были состояться, сорганизованный английскими агентами митинг—„недовольства“, разгон его британской вооруженной силой и роспуск бессильного бороться с большевизмом исполнительного комитета. Ввиду значительного влияния, которым пользовался в широких кругах населения и даже среди туркмен Л. А. Зимин, капитан Тиг-Джонс еще до митинга запросил его, согласится-ли он войти после переворота в новое правительство —„директорию“. Зимин ответил отказом и пытался принять меры к предотвращению захвата власти англичанами. В результате, 1—3 января 1919 года после разгона „митинга недовольства“ и занятия сипаями правительственных учреждений, исполнительный комитет решил пойти на создание „директории“ из пяти лиц, 2-х туркмен и 3-х русских. В числе этих русских исполнительным комитетом был единогласно избран Зимин и забаллотирован—Дружкин. Тогда капитан Тиг-Джонс, считая переворот неудавшимся, т. к. в директорию не вошел британский агент С. Л. Дружкин, потребовал включения

*) Т. Степанов был освобожден из-под ареста п/п организацией из асхабадской тюрьмы.

его во вновь созданный орган власти, что, под угрозой военной силы, и было исполнено".

В этом показании митинг 31 декабря целиком приписывается инициативе британского командования и ловкости рук Дружкина.

Между тем, митинг 31 декабря организован был нами. К концу 1918 г. п/п организация развила усиленную работу. Агитация на фронте и в тылу среди войск давала свои плоды. Наше влияние среди рабочих увеличивалось с каждым днем.

Дезорганизация среди рабочих и солдат на фронте; перебежчики к красным; несвоевременная подача необходимого подвижного состава; задержка грузов и припасов, идущих на фронт; порча паровозов, крушения и т. д. и т. п., все это начинает принимать обычный характер к концу 1918 г. Временное зак. правительство свое спасение ищет как у англичан, так и у деникинской армии, которая двигается к этому времени постепенно с северного Кавказа на закаспийский фронт. „Демократическому" принципу власти приходит конец. И в конце 1918 г. власть окончательно переходит в руки золотопогонников-офицеров. Входят в силу порядки старого царского времени, появляются погоны, денщики, издевательство со стороны офицеров над солдатами и т. д.

Эта обстановка позволяет развернуть деятельность асхабадской большевистской организации еще шире. Подготовлялась забастовка с требованием ликвидации фронта, прекращении братоубийственной войны и удалении англичан из Закаспия. Итальянские забастовки в это время начинают приводить к полному ослаблению, а затем и к развалу ж.-д. транспорт.

В депо все чаще и чаще велись разговоры о необходимости собраться. В конце декабря это стало всеобщим требованием. Рабочие собирались группами и обсуждали вопрос о собрании. Итальянская забастовка в сильной степени способствовала повышению настроения. Подпольная организация в это время руководила массами через т.т. Запорожцева, Каляганова, Кистанова, Катыгроба, Арутюнова, Никулочкина, Храброва, Костина, Акитова, Андронова, Щеголова и др.

Когда настроение рабочих было достаточно приподнято, подпольная организация об'явила о собрании в ж.-д. клубе 31-го декабря без разрешения власти.

В 7 час. вечера собрание открывается под председательством Юрия Сердюкова (эс-эр).

Собрание носило бурный характер. Настроение рабочих уже в начале собрания было приподнятым.

Все члены подпольной организации на этом собрании были разбросаны по всему залу между рабочими для поддержки требований, пред'являемых белогвардейскому правительству.

Требования эти сводились к следующему: а) прекратить братоубийственную войну, б) открыть фронт, в) удалить английские войска с территории Закаспия и г) восстановить в Закаспии диктатуру пролетариата в форме Советской власти.

Председатель врем. закасп. правительства Фунтиков, выступив на трибуну, пытался доказать рабочим, что их требования не осуществимы, по той причине, что рабочие сами создали закаспийский фронт, следовательно, по прибытии, как он выразился, большевистских банд, им пощады от последних не будет.

Наговорив всяких пустяков, Фунтиков предложил собранию этим вопросом не заниматься, а обсудить вопрос об усилении фрон-

Рындин, Попов, Дедаев и Варламов.

та и об окончательной победе над большевиками. Что касается требований об удалении английских войск из Закаспия, то, по его заявлению, это является недопустимым и выполнению не подлежит ни под каким видом.

Стараясь взвалить вину в пред'явлении этих требований на уцелевших от расстрела большевиков, Фунтиков свою речь кончает следующими словами: „Утопия большевиков осуществлена быть не может. Закаспийскому временному правительству уже известно, что все европейские союзные государства решили броситься окончательно на Советскую Россию, чтобы уничтожить большевистские банды и созвать всероссийское учредительное собрание, на котором должна быть установлена структура власти, и что в центральных губерниях России вся большевистская банда разбита, а генерал Деникин взял последнюю опору красной банды—Москву".

Понимая ложность заявлений лакея Фунтикова, возмущенные рабочие, под руководством разбросанных по залу членов п/п. организации, стали освистывать его. Вместе с тем, со всех сторон начали раздаваться голоса: „долой с трибуны соглашателей"! „Да здравствует Советская власть"! и т. д.

Видя такое настроение собрания, Фунтиков оставил трибуну.

Вслед за Фунтиковым на трибуне появилась фигура второго соглашателя—Дохова, который намеревался успокоить собрание, в свою очередь доказывая правоту точки зрения врем. правительства, повторяя уже сказанное Фунтиковым.

Рабочие еще сильнее стали волноваться и кричать: „прекратить"!, „довольно"!, „долой"!, шум, гам, свист, выклики.

Наконец, и Дохов должен был оставить трибуну и покинуть взволнованное собрание вместе с председателем собрания Сердюковым.

Место Сердюкова занял Иванов (анархист) — член закаспийск. временного правительства. В своем вступительном слове Иванов стал рассказывать рабочим всю подлость белогвардейского правительства, поясняя, что англичане приглашены на территорию Закаспия на условиях, что по уничтожении Советской власти Туркестан будет передан им в эксплоатацию на льготных началах, сроком на 15 лет.

В заключение Иванов говорит: „переворот совершен вовсе не с целью устранения отдельных личностей, как заявляют Фунтиков и Дохов, а с целью уничтожения Советской власти, и что единственное спасение рабочим остается в том, чтобы избавиться, как можно скорее, от гнета англичан и их лакеев,—открыть фронт и соединиться с большевиками".

Рабочие, выслушав внимательно Иванова, речь его покрыли несмолкаемыми аплодисментами. Следующим оратором выступает член подпольной организации тов. Зотов, который заявляет: „В своей речи гг. Фунтиков и к-о запугивают рабочих тем, что яко бы рабочие будут ответственны за открытие закаспийского фронта. На самом же деле, фронт открыт не по инициативе рабочих, а самого Фунтикова, за что он и остается ответственным, как перед рабочими массами, так и перед идущими советскими войсками. Со стороны же красных идут не враги наши, а такие же рабочие, как мы. Следовательно, здесь нам бояться своих товарищей-рабочих нечего. Необходимо потребовать немедленной ликвидации фронта и прекращения братоубийственной войны". Речь т. Зотова кончается аплодисментами со стороны рабочих и возгласами: „Мы требуем немедленной ликвидации фронта", „Долой соглашателей и англичан" и т. д.

Присутствовавшие представители власти, видя опасное настроение собрания, срочно вызывали английских сипаев для ареста большевиков, но они ничего не добились. Подпольщики-большевики, за несколько минут до прибытия сипаев, скрылись и, таким образом, спаслись от ареста. Собрание разогнали. Закрывая собрание, Иванов предупредил рабочих, что 1 января 1919 г., в 9 часов утра, в саду железнодорожного клуба созывается второе собрание для обсуждения тех же вопросов.

Это описание я даю по памяти. Тов. Кукаев, Панькин, Зотов, Степкин и Арутюнов описывают это собрание, подготовку к нему, содержание речей и ход самого собрания точно так же.

Это был не просто „митинг недовольства". Основными вопросами были требования прекращения братоубийственной войны и удаления англичан.

Министр Зимин, против которого вел травлю провокатор Дружкин, видел козни этого Дружкина во всяком факте, подрывающем временное правительство. Вот почему и митинг 31 декабря ему рисуется, как инсценировка Дружкина.

1-го января 1919 г., к 9 час. утра, в железнодорожном клубе собралось около 1.000 чел. рабочих и служащих. Открыл собрание член временного правительства Иванов. Он раз'яснил собравшимся ближайшие намерения белогвардейского правительства. Во время его речи к железнодорожному собранию стали приближаться какие-то войсковые части. Собрание было окружено англичанами и сипаями.

В сад клуба в'ехал верхом на лошади начальник милиции, ставленник англичан, Алани и прочел собравшимся от имени английского командования обращение, в котором требовалось не устраивать никаких митингов и собраний на территории Закаспийской области без ведома и разрешения английского командования. Под угрозой применения репрессивных мер, Алани потребовал от собравшихся немедленно разойтись.

При выходе из клуба была установлена тщательная проверка документов. Члены подпольной организации, присутствовавшие на этом собрании, вышли из клуба по заранее приготовленному т. Симоновой *) выходу через кухню.

По подозрению в принадлежности к партии большевиков были задержаны несколько человек рабочих из депо, но за недостатком улик они скоро были освобождены.

2-го января 1919 г. подпольная организация выступает с воззванием к рабочим. Указывая сущность белогвардейского правительства, воззвание кратко излагает основные требования, пред'являемые большевистской партией к рабочим массам в борьбе с империалистической политикой врем. закаспийского продажного правительства.

История с составлением этого воззвания такова: в ночь с 1-го на 2-е января 1919 г. были мобилизованы все имеющиеся на лицо силы. За ночь было написано этих воззваний до двухсот экземпляров. К утру все должны были итти на расклейку их по городу. И жена тов. Зотова, оставляя своих 9 душ детей, 3-х месячного ребенка идет на расклейку воззвания без малейшего возражения, не взирая на угрожающую опасность. Вот какая самоотверженность была в этой маленькой организации, оторванной от всего мира в белогвар-

*) Служащая в столовой при ж.-д. клубе. По воспоминаниям т. Симоновой, она была связана с группой л. эс.-эр. и не примыкала ни к какой партии официально, сочувствовала же л. эс-эр. См. „Кр. летопись Турк.", № 1—2, стр. 113—114. Истпарт

дейском окружении. Условились вернуться ровно через полчаса. За это время, кто сколько мог, должен был расклеить. Все возвратились, кроме двух молодых. Что же остается делать, как не вооружиться. Все вооружились, женщины насыпали себе в карманы песку, чтобы, в случае прихода белых, бросить им в глаза и этим дать возможность мужчинам уничтожить несколько человек белогвардейцев, а затем что будет... Это было горячее решение, но оно было бы выполнено, если бы не вернулись ребята благополучно.

Воззвания были расклеены везде по городу, даже у двери, так называемой, милиции временного правительства и под носом милиционеров, за что двух из них за невнимательное отношение к своим обязанностям г. Алани расстрелял.

Белогвардейское правительство усиливает, еще больше укрепляет и укомплектовывает свои карательные органы. Это еще больше озлобило рабочих. Недовольство и революционный под'ем в рабочих массах Закаспия стали расти не по дням, а по часам, что, в свою очередь, открывало широкое поле деятельности для п/п организации.

Комитет общественного спасения, учитывая серьезность положения, издал несколько приказов, публикуя их в местной газете. Запрещены были не только общие собрания, но и небольшие групповые сходки населения области, а рабочих в особенности.

За членами подпольной организации установлена была усиленная слежка. Штат контр-разведки увеличился. Начальником назначен был поручик царской армии Пушкаренко. Образован был целый ряд конспиративных квартир для разведки против большевиков. Началась суровая расправа не только с большевиками, но и с теми, кто осмеливается заикнуться о большевиках вообще.

По инициативе Пушкаренко, в Асхабаде была открыта специальная гостинница (хозяин которой был Котик) для ловли большевистских деятелей. Подпольная организация, зная об этом, известила своих членов, а в особенности товарищей, прибывающих со специальными поручениями из Баку.

В конце февраля 1919 г. подпольная организация, несмотря на усилившиеся репрессии со стороны белых, командировала т. Варламова в сторону Кизил-Арвата и Красноводска и т. Базарова Якова в сторону белогвардейского фронта. Командировка в сторону Кизил-Арвата и Красноводска имела целью выяснить настроение рабочих по линии железной дороги и установить наличные военные силы у белогвардейцев, а также для агитации среди солдат, прибывающих с Кавказа. Командировка т. Базарова имела целью выяснить настроение на фронте и разложить белогвардейскую армию. Из доклада командированного в сторону Кизил-Арвата и Красноводска было видно, что рабочие достаточно подготовлены к выступлению на защиту Советской власти. Командировка же Базарова на фронт оказалась неудачной, т. к. т. Базаров был контр-разведкой арестован и посажен в тюрьму. Через некоторое время т. Базаров бежал. Сопровождающие стреляли, но безрезультатно.

Белогвардейское правительство, видя постепенное разложение солдатских масс фронта, усилило дисциплину на фронте, ввело суровые меры наказания за отказ исполнить распоряжение офицера. Сменяется командующий фронтом ген. Ораз Сардар новым командующим ген. Савицким, который вел особенно усердно борьбу против большевизма.

После одного заседания п/п. организации в 5-ти верстах от г. Асхабада, белые арестовали двух товарищей: т. Аритонова Сократа

(тов. председателя подпольн. организации) и Зотова Ивана. Из асхабадской тюрьмы их скоро выслали на Кавказ, т. к. белые опасались рабочих, которые, в случае расправы с арестованными, могли ответить забастовкой.

Подпольная организация, учитывая приподнятое настроение рабочих (рост ненависти к белым, уход англичан и т. д.) и подводя итог своей работе, на одном из заседаний в начале марта 1919 г. обсуждает вопрос о подготовке восстания, о захвате власти. Намечены были следующие меры:

1) бросить все силы в массы для подготовки восстания, в первую очередь в наиболее крайне настроенные части, как: рота особого назначения, отряд Бичерахова, асхабадская караульная рота и друг.;

2) подготовить и вооружить рабочих депо Асхабад, машинистов и их помощников, выяснив предварительно число рабочих города, готовых поддержать выступление;

3) организовать нападение на типографию, где заготавливаются деньги временн. закаспийского правительства, чтобы обеспечить восстание с материальной стороны.

Лихорадочная работа по подготовке к восстанию продолжалась в течение 20 дней.

Нападение на типографию, не осуществилось. Вслед за этим идут неудачи по другим линиям. Рабочих вооружить не удалось, т. к. не было оружия; подготовленные к восстанию военные части были частью обезоружены, частью переброшены на фронт и, таким образом, вся подготовка к восстанию идет на смарку. Пришлось временно отказаться от мысли устроить восстание.

После этой неудачи организация более спокойно и хладнокровно оценивала момент и обстановку. Этот опыт показал, что за 20 дней организовать восстание невозможно. Нужна длительная и обдуманная работа. И асхабадские подпольщики, составив себе ясный вывод из сложившейся ситуации, продолжали свою работу по осуществлению принятого еще на первом заседании п/п. организации плана работы, дожидаясь более благоприятных условий для выступления против разлагающейся белогвардейщины.

Банкротство белогвардейцев было близко. Оставшиеся члены правительства абсолютно потеряли авторитет и престиж в массах. Ожидание красных освободителей в широких пролетарских, не только европейских, но и местных массах становится все более нетерпеливым. Ген. Савицкий даже перед сдачей городов во время отступления рисовал на крупных афишах рогатых людей, представляя так большевиков, запугивал население варварами китайцами, немцами, австрийцами, дикими киргизами, грабителями, насильниками и т. п.

В первых числах июля 1919 г. белых охватило особенно тревожное состояние. Сведения с фронта не особенно радовали белую рать. Числа 3-го июля населению становится известным, что красная армия совершила удачный обход и что крепость Каахка пала.

Об'явили полную эвакуацию гор. Асхабада. Начальником эвакуации комитет общественного спасения назначил инженера Ф. Окунева (был арестован в 1918 г. Фроловым). Одновременно об'явили мобилизацию граждан Асхабада от 18 до 45 летн. возраста. Мобилизованных без всякой подготовки под конвоем гонят на фронт.

Несколько наших мобилизованных товарищей повели работу среди белых армейских и вновь мобилизованных частей.

Все туркменские части, находившиеся на фронте, начинают покидать фронт, забирая с собой оружие и друг. военное снаряжение и припасы. Дезертирство с фронта принимает массовый характер.

По городу Асхабаду выпускались разные воззвания, как белыми, так и большевиками.

Первые кричали о том, что идут озверелые и дикие люди, которые поголовно будут резать и беспощадно казнить всех граждан Асхабада, и призывали эвакуироваться во имя спасения своей жизни, а вторые призывают население Асхабада не тревожиться, остаться на своих местах, не обращать внимания на провокацию белогвардейщины. Так продолжается четверо суток.

Во время расклейки одного воззвания, направленного против эвакуации жителей Асхабада, член п/п организации тов. П. И. Успенский попал в руки белых. Т. Успенский—старик 65 лет. Его посадили на гауптвахту бывш. 17-го турк. полка, потребовали от него выдачи всех остальных членов п/п организации. Т. Успенский вынес всевозможные пытки от контр-разведки и был тверд. Во время отступления его расстреляли недалеко от Асхабада.

Свирепость белых в дни эвакуации доходила до неимоверных размеров, Поголовные обыски, аресты, казни хоть немного подозреваемых в сочувствии большевикам. Все эшелоны, которые трогаются из Асхабада, имели своих специальных контролеров, назначенных из верных своему делу и „отечеству" офицеров. У каждого машиниста на паровозе специально сажались офицеры с винтовками.

В дни отступления весь актив асхабадской организаций должен был скрываться.

Тов. Кукаев, Храбров и Кулишов скрывались в квартире машиниста Морозова, т. Базаров и друг. у Газарбекова и т. д. Всем пришлось посидеть под полом дня 3—4, пока их разыскивала по собственным квартирам контр-разведка, вооруженная до зубов.

Белые всеми силами добивались, чтобы эвакуировалось непременно все население Асхабада. Им нужно было показать большевикам, что население всецело находится на их стороне. Поэтому они вначале призывали к эвакуации, потом издают распоряжение, в котором об'являют, что все служащие, которые эвакуируются, в Красноводске получат двухмесячный оклад жалованья, а остальные будут уволены со службы без права обратного поступления. Оставляя свое хозяйство, домашние вещи и достояние, очень многие пошли за белыми.

Эвакуация города Асхабада в первую очередь распространялась на государственные органы, из которых вывозились все ценности вплоть до телеграфных и телефонных аппаратов, инвентаря и технических приспособлений различных механических мастерских и заводов, а также весь имеющийся продовольственный запас, находившийся на складах Асхабада. Словом, город был очищен до ниточки.

6 июля возвратился с фронта последний эшелон отступающих, а вслед за ним прибыл броневик, который, отступая, разрушил всю железнодорожную линию от станции Каахка до Асхабада. К вечеру этот броневик покинул Асхабад, взорвав артиллерийские склады, железнодорожную водокачку и другие железнодорожные сооружения.

Когда собирались взорвать железнодорожный поворотный круг, подпольная организация выпустила на разведку товарищей Храброго, Никулочкина, Ивлис и друг. Заметив работу по подготовке взрыва, они открыли пальбу по подрывной команде и броневику из окон депо. Отряд, боясь серьезного нападения и не расчитывая на свои

силы, бросил поворотный круг и бежал. Этим было спасено одно важное сооружение.

7-го июля 1919 г. организация вышла из подполья. Дали тревожные гудки для сбора оставшихся после эвакуации граждан. По первому же гудку собрались на станции около 700 человек рабочих и служащих. Подпольная организация, открывая собрание, предложила присутствующим выбрать временный революционный комитет, который должен взять на себя управление городом до вступления красных войск. Избраны были т. т. Зотов (председателем), Кукаев (тов. председателя) и (членами) Панькин, Кулишев, Степкин, Запорожцев и друг., все члены организации. Это же собрание решило: а) послать делегацию в красный штаб закаспийского фронта для доклада о положении дел в г. Асхабаде; б) приступить к исправлению брошенных белогвардейцами на ст. Асхабад двух негодных паровозов и 4 вагонов и в) приступить к восстановлению полного порядка в городе, применяя репрессивные меры против расхищающих оставшееся народное достояние. Решение это поручается выполнить вновь сорганизованному ревкому, в распоряжение которого передаются все имеющиеся скудные силы, средства и материалы. Через несколько часов после этого собрания дружными усилиями тов. рабочих был исправлен один паровоз и два вагона, которые были двинуты немедленно навстречу красным частям для исправления ж.-д. линии.

Начальником по охране города был назначен член ревкома т. Степкин. Он взял в свое распоряжение все 15 человек сбежавших из белой армии солдат и принялся за восстановление порядка в городе.

Персидский консул, которому белые поручили город до прибытия красных войск, абсолютно никаких мер к установлению порядка не принял.

Тов. Степкину и Царегородцеву еще перед отступлением белых удалось уговорить остаться в Асхабаде 2-х артельщиков управления Средне-Аз. ж. д. т. т. Шевченко и Лекарева с деньгами, послужившими основным фондом, из которого молодой ревком черпал средства для покупки необходимых продуктов, фуража и т. д. для перебежчиков от белых, которые ежедневно являлись чуть-ли не по 40—50 человек.

Ревком немедленно же выступил с воззванием к населению, в котором призывал поддержать спокойствие до прибытия красных войск и соблюдать порядок в городе. Открылись лавки. Базар начал понемногу торговать. На улицах появились люди. В общем, жизнь начала постепенно входить в нормальную колею.

На второй день после собрания на вокзале, ревком узнал, что в городе существует и также действует какой-то другой ревком в составе: председателя Ханукаева, членов: Махлина, Ванцмана, Гершенгорина, Саркисова и друг. Как, кем был создан этот ревком, для членов железнодорожного ревкома абсолютно было неизвестно. Вечером на второй день появляется из городского в железнодорожный ревком делегация во главе с Гершенгориным и приносит распоряжение ж.-д. ревкому сложить свои полномочия, в течение 24-х час. прекратить всякую деятельность. Ж.-д. ревком не подчинился, а взялся за выяснение личности членов городского ревкома. Вызванный в ж.-д.

ревком председатель городского ревкома Ханукаев не мог дать нужных об'яснений. В городе образовалось двоевластие. Ни тот, ни другой ревком подчиниться друг другу не хотели и оба старательно действовали за восстановление порядка в городе, конечно, не согласовывая свою деятельность между собой.

9-го июля, около 9-ти час. утра, подошли к Асхабаду передовые советские отряды во главе с тов. Володиным. Врем. ревком в полном составе, со знаменами, оркестром музыки и около 1.000 чел. рабочих и служащих на станционной платформе дружественно встретили отряды. Здесь члены ревкома кратко обменялись мнениями с прибывшими товарищами, а затем направились в город разрешить вопрос о предоставлении казарм уставшим красноармейским частям.

10-го июля прибыл в г. Асхабад назначенный штабом Туркфронта ревком в составе: председателя т. Окунева, тов. председателя—Феоктистова и секретаря т. Кошкина. Этот ревком убедился, что в Асхабаде существовала и работала подпольная организация, что члены ее и создали железнодорожный ревком. Разобрав возникший конфликт, ревком об'явил горревком распущенным.

Около 5-ти часов вечера 10-го июля, в помещении железнодорожного ревкома т.т. Окунев и Феоктистов созвали первое легальное партийное собрание, на котором т. Окунев сделал доклад о положении фронта и дальнейших перспективах. Собрание прошло очень оживленно. Здесь же вторым товарищем председателя ревкома избирается т. Зотов Иван, как представитель местных работников. Старый состав ревкома сейчас же приступает к открытию всех государственных учреждений и все члены подпольной организации распределяются по различным учреждениям и должностям, как, например, т. Кукаев зав. продовольственным комитетом; тов. Панькин его заместителем; тов. Степкин—нач. милиции; т. Царегородцев и Мелькумов—собес и в комиссию по выдаче пособий семьям красноармейцев, убитых белыми рабочих и членов партии, пострадавших при эвакуации Асхабада; т. Жук—завед. финотделом; т. Кулишев—председателем совета народного хозяйства; тов. Новожилов—зав. отделом юстиции; т. Запорожцев—нач. ЖЧК и т. д.

Так выходит на арену широкой открытой деятельности та организация, которая пережила полосу годичной подпольной жизни, научилась работать, творить и строить жизнь по новому, по большевистски.

К характеристике деятельности белогвардейского правительства.

Финансовое положение в области с каждым днем после переворота все больше и больше осложняется, Все захваченные средства, в том числе отобранные 86 милл. *) правительство успело потратить на содержание армии, фронта и правительственных органов, и скоро оказалось в положении полного безденежья. Правительство обращается к населению. Не проходит ни одного дня, чтобы на улицах городов не появлялись воззвания к населению, призывающие пойти добровольно на помощь правительству внесением налогов, добровольных взносов и т. д.

Одно из подобных воззваний гласит:

---

*) См. выше жизнь и деятельность асхабадской подпольной организации РСДРП. А. М.

Г р а ж д а н е!

„Дело борьбы за свободу, право и справедливость движется вперед. Успех нам сопутствует. Все новые и новые области освобождаются из под гнета, насилия и произвола. Власть от кучки захватчиков ее переходит в руки народа в руки представителей ее. Власть представителей народа опирается на народ, она сильна доверием народа, силой народа. И до тех пор, пока народ будет стойко стоять на защите добытых, с таким трудом и жертвами, прав и свободы, пока он все будет нести на борьбу за возвращение этих величайших достояний свободного человека, никакая сила не сможет вырвать власть из рук представителей народа, а следовательно, из рук самого народа.

„Но, кроме великих стремлений, кроме побед силой народного духа, власти народной нужна еще та сила, от которой зависит укрепление всего достигнутого.

„Сила эта—деньги.

„Сейчас, в самый нужный момент, у власти нет этой силы, нет денег. Истекают жалкие крохи, оставшиеся после разгула свергнутых тиранов, и встает грозный вопрос—„где взять денег?“.

„И есть один только ответ—„у народа“.

„И здесь только народ может помочь делу.

„Но не путем контрибуций и реквизиций хочет власть получить деньги у народа, а путем законным и неоспоримо справедливым.

„Вспомните, граждане, что за вами числятся большие недоимки, не только за текущий год, но и за прошлый 1917 г. Не платились государственные и местные налоги: подоходный, поземельный, городские и друг.

„Настал срок платежа.

„Власти, облеченной доверием вашим, для вашего же дела нужны деньги.

„Граждане, проникнитесь сознанием необходимости закрепления всего достигнутого, проникнитесь желанием победы, зажгитесь энтузиазмом, тем святым энтузиазмом, который все несет на благо общее, на благо родины. Дружными рядами несите причитающиеся с вас недоимки и успех поднятого вами справедливого дела будет обеспечен.

„Граждане. Если вам необходимо, если вам дорого все то, что достигнуто, что стало вашим достоянием, вы сделайте так. Слово и дело за вами.

„Председатель вр. исполнит. комитета Фунтиков.
Вр. комиссар области Дохов.
Вр. комиссар финансов Дмитревский“.

И всетаки, несмотря на выпуск неограниченного количества подобных воззваний, не находится ни один глупец, который бы согласился внести налоги добровольно. Только тогда, когда белогвардейщина переходит к сбору налогов принудительным путем, она добивается возможности сбора незначительных сумм, которые составляют один из источников притока финансов до момента перехода к выпуску своих собственных бон. Выпуск бон и помощь англичан, несомненно, улучшают финансовое положение временного правительства.

Продовольственный вопрос также не менее отрицательно влиял на ход укрепления белогвардейщиной своих завоеваний.

Этот вопрос занимал почти половину всего времени правительства в повседневной его работе. И он фактически продолжал оставаться неразрешенным, начиная со дня переворота и почти по день освобождения области от остатков белых.

Отдельные уезды области, менее обеспеченные в продовольственном отношении, постоянно вели борьбу за предоставление возможности свободной купли и продажи хлебных злаков с окружающими иностранными государствами. Судя по газетным сведениям, долгое время продолжалась такого рода борьба между временным правительством и туркменским комитетом из-за предоставления такой льготы Красноводскому уезду. Туркменский комитет, понимая положение Красноводского уезда, настоятельно требовал разрешения свободной торговли. Вопрос этот неоднократно ставился и обсуждался на заседаниях временного исполнит. комитета, открывались по ним целые прения и в конечном счете он остался нерразрешенным.

В середине июля 1918 г, из Ташкента получается телеграмма за подписью т. Шумилова об об'явлении ж.-д. линии на военном положении. Председатель стачечного комитета Кун, возмущенный этим, созывает спешное заседание стачкома, который выносит категорический протест против такой меры и, в виде декларации, опубликовывает его в печати.

Это постановление в одной из части гласит:

„Товарищи железнодорожники. Вас нагло обманывают, говоря, что железнодорожники пошли против Советской власти; это неправда, в принципе мы все за пролетарскую Советскую власть, восстали только против безобразий, насилий и узурпаторства отдельных личностей.

„Всюду, где власть взяли железнодорожники, назначаются перевыборы в совдепы, с условием производства таковых по формуле, которая стояла в программе всех политнческих партий: это—всеобщее равное, прямое и тайное голосование.

„Товарищи, проснитесь. Если теперь отдельные личности комиссаров, которым железнодорожники поверить не могут, возьмут верх, плохо придется нашему товарищу рабочему железнодорожнику, еще более он будет забит и беззащитен. Обращаемся ко всем товарищам, не будьте предателями по отношению к своему же брату.

„Принимайте решительные меры к тому, чтобы не были пропущены эшелоны на избиение железнодорожников, препятствуя всеми имеющимися у вас средствами.

„Товарищи, надеемся, что не найдется предателя, так как, спасая нас, вы спасете себя".

Этот документ еще ярче характеризует программу деятельности белогвардейщины и фактически является подтверждением тех фактов, которые мы приводим в 6-ой главе. Подобные выступления и воззвания закаспийских дипломатов являются тем средством, используя которые, им удавалось взять окончательно рабочих в свои руки, а потом из них же создавать себе средства для борьбы против Советской власти.

В номере 91 от 7 сент. по н/с 18 г, один из видных деятелей временного закаспийского правительства эс.-эр. Минин пишет статью под заглавием: „К положению Туркестана", в которой сообщает:

К положению Ташкента.

„В бакинских и наших газетах уже помещались радиотелеграммы Колесова, перехваченные радиостанциями Баку и Мешеда. Но все эти радиограммы относились к началу событий по взятия обратно

большевиками Мерва. Теперь задержана радиограмма Колесова на имя Ленина от 4 сентября.

Содержание ее таково:

„Мы произвели перегруппировку сил на асхабадском и семиреченском фронтах в виду продолжающегося восстания казаков в Сарканде.

„На асхабадском фронте принимают участие солдаты, одетые в английскую форму. Это, очевидно, переодетые чехо-словаки. На этот фронт необходимо выслать подкрепление и материал. Казаки собрали около Сарканда большие силы, но мы держим крепость и часть города.

„У неприятеля большие потери; у нас убит командир войска Мамонтов. Контр-революционные банды заняли Оренбург и часть дороги. Левые эс-эры в Ташкенте соединились с большевиками".

„Колесов советует об'явить всеобщую мобилизацию за подписью Ленина. Кушка телеграфирует Ташкенту: „нападение неприятеля отбито, он отступил в Таш-Капри".

„Эта радиограмма приоткрывает завесу, скрывающую от нас положение дел в большевистской части Туркестана. Оказывается, что, кроме Асхабада, Колесову приходится воевать еще на семиреченских фронтах, повидимому, с казаками или чехо-словаками. Кроме того, на всех этих фронтах ему пришлось произвести перегруппировку в виду продолжающегося восстания казаков в каком-то Сарканде.

„Едва ли мы ошибемся, если укажем, что этот таинственный Сарканд появился из Самарканда, вследствие ошибки радио, так как в Туркестане никакого Сарканда не существует. Следовательно, в Самарканде происходит восстание казаков, собравших там большие силы и, повидимому, занявших большую часть города. Откуда взялись казаки в Самарканде, остается невыясненным, но, весьма вероятно, что Колесов называет казаками рабочих и, вообще, население Самарканда, дабы возбудить против восставших малосознательную массу. Точно теми же соображениями, повидимому, вызвано заявление о том, что на асхабадском фронте находятся чехо-словаки, переодетые в английскую форму.

„Колесов, конечно, понимает, что чехо-словаки могли попасть в ряды асхабадцев только по воздуху и, несомненно, знает о союзе, заключенном нами с англичанами. Ему нужно только выставить в глазах рабочих восстание против него и комиссаров, как движение контр-революционное, а с точки зрения большевиков, самыми страшными контр-революционерами являются казаки и чехо-словаки.

„Он их помещает в Самарканд и Асхабад, стараясь обмануть тех, кого еще можно обманывать. Заявление о том, что на асхабадском фронте находятся чехо-словаки, а не англичане, имеет и другой смысл. Колесову надо ободрить свои войска и убедить их в том, что их дело не безнадежно, чего сделать нельзя, раз все увидят присутствие англичан в наших рядах. Ведь и самые малосознательные понимают, что большевикам победить великую Англию невозможно и что с выступлением против них англичан, их положение становится безнадежным. Колесов это, конечно, понимает, недаром же он говорит о необходимости послать на наш фронт подкрепление и материал, подразумевая под последним, вероятно, материал для починки дороги и военные припасы. Недаром же он просит также об'явить всеобщую мобилизацию за подписью Ленина. Колесову хочется во что бы то ни стало удержаться у власти, он и принимает все меры, которые могут, по его мнению, этому способствовать. К числу этих мер и

относится обман о казаках и чехо-словаках так же, как заявление о больших потерях у неприятеля и о присоединении левых эс-эров к большевикам.

„Между тем, вся телеграмма ясно говорит о безнадежности положения Колесова. Несколько фронтов, восстание в Самарканде, отсутствие связи, помимо радио, с Кушкой, все это говорит за то, что большевики в Туркестане доживают последние дни. Им уже не приходится думать о наступлении на Асхабад и они уже начали рыть у Арман-Сагада окопы. Но это не спасет их, наша доблестная армия скоро перейдет в наступление и покончит с врагами народа и народовластия.

„Минич".

Выводы из этой статьи можно предоставить сделать читателям.

В том же 91 номере опубликовывается перехваченная радиотелеграмма из Ташкента в Баку под заглавием „Опоздал", которая гласит:

„Баку: председателю совнаркома Шаумяну из Ташкента № 22.

„Сообщите подробно положение в Баку. Мы просили Москву, чтобы она дала вам распоряжение о высылке десанта в Красноводск, в тыл противнику, сгруппировавшимуся в Асхабаде. Мы перейдем в наступление на Мерв, который скоро падет под нашими ударами. Молю о высылке десанта, хотя бы небольшого, для задержания отступления противника и избежания.... (пропуск). Кроме того, сообщите, прибыл-ли и где находится военный груз, отправленный Моской нам. Сообщите о распоряжеиии, чтобы отправка продовольственных наших грузов к нам была прекращена до соединения наших войск с вашими.

„На оренбургском фронте операции наши успешны. В Семиречьи мы ведем наступление против чехо-словаков.

„В Москве положение удовлетворительное. Нефтяной голод сегодня завтра.

Председатель Турк. Республики **Федор Колесов"**.

Числа 2-го сентября 18-го года со стороны красных войск была совершена попытка вести мирные переговоры. Броневик белых 2-го заметил идущий со стороны красного фронта паровоз с белым флагом и прицепленными несколькими вагонами. Якобы опасаясь провокации, броневик белых начал обстреливать этот паровоз и он вынужден был отступить обратно.

Через непродолжительное время на горизонте броневик заметил идущую со стороны красных группу людей с белым флагом. Тут же навстречу этой группе были посланы конные разведчики, которые вместо людей нашли привязанный к дереву белый флаг и пакет с письмом. Письмо это было оставлено недавно попавшими в плен к красным войскам белыми офицерами.

Содержание его было такое:

„Мы, пленные офицеры асхабадских дружин, взятые в бою 28-го августа советским казанским полком, убедившись в полном несоответствии между распространяемыми в Асхабаде слухами и той действительностью, какую мы нашли в среде советских войск, считаем долгом своим довести до сведения товарищей фронтовиков и рабочих, что в основе конфликта лежит явное недоразумение, а может быть, провокация, и что можно избежать кровопролития, если вы пришлете делегатов в нейтральную полосу (к белому флагу) к 2-м часам дня.

„Николай Никитич Белкин, канцелярский служащий окружного суда (прапорщик), Валентин Васильевич Крейсман, помощник комиссара милиции (поручик), Владимир Федорович Машков (подпоручик, сын инструктора пассажирского отдела сл. сборов). 2-го сент. 1918 г.

„Для удостоверения подлинности наших личностей и для уверенности, что обращение наше попадает в руки близких и знающих нас людей, просим в составе делегации присутствовать:

„Фунтикова—председателя ж.-д. исполкома, Сердюкова—студента-артиста, Плотникова ж.-д. таксировщика, Макарова—рабочего т-ва „Свет", Иванова—бывш. секретаря исполкома.

„Установление нашей связи с вами производится с ведома и при содействии командного состава советских войск, что несомненно свидетельствует об искреннем миролюбии их и, в случае отказа вашего пойти навстречу, останется думать, что вы мирного разрешения конфликта избегаете".

Опубликовывая приведенное письмо в 94 номере „Голоса Средней Азии", нач. полевого штаба—Решетников по существу дает следующее раз'яснение:

„Товарищи, принимая во внимание, что обращение напечатано на машинке и не передано с кем либо, а подвязано к дереву и не имеет подписей лиц и что для мирных переговоров они сами же намечают определенных лиц, штаб не верит искренности этого письма и считает авантюрой, похожей на авантюру Ленина, с помощью которой он разложил нашу великую армию и предал Россию в руки всемирного узурпатора Вильгельма. Штаб посылает ответ, но с непременным требованием, если война эта просто недоразумение, то их отряд должен сложить оружие, а тогда раз'яснить нам то, что они называют „недоразумением". Кроме того, начав переговоры, мы этим самым даем им возможность снова притти к известному порядку после последнего боя. Если они искренно желают разрешить вопрос мирно, то должны итти на все наши требования о сложении оружия, т. к. военные действия начаты не нами, а ими*).

„Товарищи, в письме говорится, что вражда между нами и бандой Колесова есть плод недоразумений. Если вы вспомните действия Фролова, то вам уже не будет казаться, что это недоразумение. Если вы вспомните ваших товарищей управленцев, переведенных в Ташкент для издевательства над ними, а ведь они не расходились с вами: вы признали Советскую власть, признали и они, вас выгнали из совета, выгнали и их, их увезли в Ташкент для издевательства, а на вас послали Фролова устраивать варфоломеевские ночи; из управленцев же, как только они приехали, Колесов хотел силой отправить 10-ю часть на оренбургский фронт, когда же они отказались, он об'явил 75% уволенными, а вам, товарищи, известно, что они там не имели совершенно жилищ**).

„В каком же они положении теперь находятся? Кроме того, в момент нашего восстания в Ташкенте находились наши дорогие, известные всем товарищи—Дохов, Доменик, Казаков и много других, которых авантюристы, стоящие у власти, считают самыми ярыми контр-революционерами; Дохову удалось бежать, в виду того, что было отдано распоряжение о его аресте; такое же приказание было, вероятно, отдано по поводу Доменика и Казакова и едва-ли

---

*) Кем именно начаты военные действия—это мы видим из 6-ой главы.—А. М.

**) На сколько удалось разузнать у присланных в Ташкент управленцев, приведенный факт являлся очередной провокацией. - А. М.

они целы. А они истинные друзья народа, они не любят неправды, а такие и справедливые учителя нам и нужны для того, чтобы они воспитали наших детей такими честными и научили бы любить свою родину и грудью защищать ее от врагов, наносящих рану свободной нашей стране.

„Правда, свет и свобода—вот что должно гвоздем засесть в вашей душе и к этому мы должны стремиться, не останавливаясь ни перед чем, и не время вести теперь переговоры, когда нам неизвестна судьба наших дорогих товарищей, да и верить после стольких обманов нельзя.

За нач. полевого штаба *Решетников*".

Командование красной армии закаспийского фронта посредством воздушного полета разбрасывает воззвание к рабочим и фронтовикам асхабадского района, в котором говорит:

„Полагая, что вы одурачены какими-то темными авантюристами, мы, сдавшись на просьбы пленных офицеров ваших (Белкина, Крейсмана и Машкова) около часу дня второго сего сентября выставили у первого раз'езда (за Арман-Сагатом, по направлению к Каахка) белый флаг, на дереве которого прикрепили письмо (копию помещаем ниже). При подходе нашего эшелона к месту постановки белого флага, артиллерия ваша выпустила в нас три снаряда. После же этого, как в письме, снятом двумя нашими конными, было сообщено на наш броневик, откуда в нас выпустили еще несколько снарядов, мы же ни в том, ни в другом, на огонь ваш не отвечали, соблюдая обязательства, налагаемые на нас белым флагом.

„Дурачащие вас провокаторы утверждают, будто мы противники Советской власти и поддерживаем личную диктатуру Колесова. Такому вздору мог поверить только тот, кто не был в наших рядах, кто не знает, что Колесов в зависимости от центрального исполнительного комитета и утвержден в своей должности с'ездом советов Туркестанского края, кто не понимает, что истинными деспотами являются не Колесовы, а кучка асхабадских провокаторов, пытающихся выдать себя за голос пролетариата, „хотя" пролетариата этого никак не отличить от нанятых английскими капиталистами сипаев, не отделить от простых прислужников дикого деспота туркменского —сердара.

„Да, мы—защитники Советской власти и помним, как в самом начале конфликта—святая кровь товарища Полторацкого была пролита вами, несмотря на его роль мирного делегата. Мы видим, что на новую попытку нашу разрешить конфликт мирным путем—от вас отвечают артиллерийским огнем.

„Всякому терпению бывает конец, но с пролетарской точки зрения поведение сторонников ваших так глупо, нахально и кровожадно, что мы по прежнему подозреваем провокацию, в сетях которой вы запутались до такой степени, что не имеете уже самостоятельного пролетарского голоса.

„Знайте, что бесстыдство обращения с мирными делегатами и третейскими предложениями только развязывает нам руки и удесятеряет нашу решимость смести все темные силы, стоящие на пути к укреплению трудового социалистического государства.

„Сентября 3-го дня, 1918 г.".

В ответ на это воззвание было помещено в 93 номере „Голоса Средней Азии" отношение закаспийского временного правительства и английского командования к населению области, содержание которого не можем привести, не имея этого № газеты.

Закаспийское временное правительство выпускало воззвания и красным. Мы здесь приводим одно довольно наглядное обращение временного закаспийского правительства, в котором намечается программа*) деятельности белогвардейщины.

Воззвание**).

„К вам, сражающиеся против нас, обращает закаспийское правительство это воззвание. Вы знаете уже, что закончилась мировая война, что всюду радостно приветствуют народы благовест мира; мало того, повсюду стремятся они к творчеству новой жизни, к мирному залечиванию тяжких ран, нанесенных войной, путем коренных изменений в государственной и общественной жизни. Поверьте, богатые историческим опытом народы Запада не повторят роковой ошибки русской революции: они не станут разрешать великие вопросы жизни штыками, пулеметами и пушками.

Воспитанные на всеобщем избирательном праве, они не отрекутся от него, ибо это одно из величайших завоеваний человеческой культуры, и они хорошо знают, что только законно избранные представители народа сумеют разрешить великие задачи, стоящие перед всем человечеством.

„Германия встала уже на этот путь и, под ударами побед союзников, рухнул ее полу-самодержавный строй. Нельзя сомневаться в том, что, не смотря на величайшее и позорнейшее военное поражение, внутренняя жизнь Германии пойдет путем мирного завоевания пролетариатом принадлежащего ему по праву места в жизни. То же несомненно произойдет и в жизни других народов Запада, как победителей, так и побежденных.

„Пусть тяжки раны, нанесенные им войной, но зато безмерна и радость их на заре новых и светлых достижений. И только сердца русских граждан полны скорбью и болью. У нас все еще льется кровь, все слепые и безумные люди считают, что братоубийство даст новую светлую жизнь. Отвергая все культурные завоевания человечества, они думают, что говорят новые слова, но слова эти—старые слова самодержавного строя, истасканные всякого рода крупными и мелкими самодержцами.

„Не выдержав гнета насильников, поднялся против них наш Закаспийский край и недалек уже час, когда начавшийся разгром обманутых и купленных армий ташкентских самодержцев приведет к желанному концу гражданскую войну. Но, все-таки, теперь, в светлый час всеобщего мира, невыносимо сознание, что мы, русские, продолжаем истреблять друг друга, забывши, что мы дети одной страны. Поэтому, во имя светлых идеалов социализма, этого учения человеческой солидарности, закаспийское правительство обращается к противнику с предложением окончить гражданскую войну. Германские войска в силу условий перемирия, должны покинуть немедленно Россию, из кого-бы эти войска ни состояли: военно-пленных или регулярных войск. Союзники получают свободный пропуск через Германию для поддержания порядка в России. Наш враг—русский большевизм, контр-революционные попытки превратить в анархию русскую революцию—теперь слабее, чем когда бы то ни было. Он падает под ударами и изнутри и извне. Однако, спасение

*) Правда, не вся, ибо они здесь не приводят еще одного важного—это союза с англичанами. **А. М.**

) Надо полагать, что воззвание составлено пером Зимина. **А. М.

России в немедленном прекращении гражданской войны, и если вы, находящиеся по ту сторону фронта, не забыли еще, что вы русские социалисты, а не германские наемники, вы поймете, что наши условия мира дадут возможность разрешить мирным путем те задачи, которые ваши властители пытаются заставить вас разрешить кровавым насилием.

„Вот эти условия:

1) Созыв туркестанского учредительного собрания для создания законной власти, признаваемой всем населением. Учредительное собрание должно быть созвано на основании четырехчленной формулы без каких либо ограничений избирательного права.

2) Признание власти будущего всероссийского учредительного собрания.

3) До созыва туркестанского учредительного собрания создание власти по соглашению борющихся сторон.

4) Амнистия всем участникам гражданской войны, за исключением лиц, виновных в совершении уголовных преступлений. Закаспийское правительство уже приступило к освобождению своих политических противников*).

„Это первое и последнее предложение закаспийским правительством мирных условий. Не слабость диктует нам его, а лишь сознание необходимости во имя спасения родины прекратить войну. Красная армия должна понять, что ей пора перестать терзать родину. Сейчас, сложив оружие, она еще может заслужить прощение.

„Пусть поторопится, пока не поздно.

Закаспийское временное правительство".

Что касается вопроса о распространении ложных, непроверенных и ни на чем необоснованных слухов, то и говорить не приходится. Не проходило ни одного дня, чтобы белогвардейская газета не сообщала очередной провокации. То чехо-словаки заняли Москву, то англичане 10—12 тысяч регулярных войск высадили где то на границе РСФСР и ведут на центр наступление, то в Москве и Ленинграде восстания, то весь совнарком разбежался, то с немцами большевики заключили новый договор, по которому последние берут на себя обязательства присылать большевикам постоянную военную помощь до окончательной победы над окружающими РСФСР врагами, то большевики издеваются над беззащитным народом, то во всех концах России крестьянские восстания и т. д. и т. п. Все эти сведения, понятно, сообщаются с сылками на неправдивые, ни на чем необоснованные, не проверенные и, наконец, ложные факты.

Последние дни закаспийского правительства.

В заключительный период своего существования реакционно-соглашательское правительство Закаспия собирало плоды того преступного, предательского акта, который начался с убийства комиссара Фролова. Группе близоруких лже-социалистов, мечтавших зажечь море предательским выступлением против Советской власти, пришлось только в последние дни своего существования убедиться, что вся их работа была только мельницей на колесах черной военной реакции. Крушение надежд началось с того момента, когда с полной очевидностью выяснилась нелепость неестественного союза с сипаями английского генерала Маллиссона.

---

*) Только на словах.— А. М.

Уход англичан из Закаспия, об'яснявшийся невидимыми и скрытыми пружинами английского империализма, сразу нарушил искусственно установленное равновесие. Чашки весов резко заколебались. Правительство почувствовало свою неустойчивость и отсутствие почвы, на которую бы можно было опереться. Внутри самого состава правительства, сформированного под фирмой правых эс-эров, начались безконечные трения. Эти неурядицы являлись почти символом всей сложившейся в то время политической ситуации. Нужно же вспомнить, что весь хваленый переворот совершался под прикрытием „социалистических" лозунгов. Но в такой же степени, как под фирмой эс-эровского правительства скрывались черные авантюристы вроде Дружкина, так и под внешней формой социалистических лозунгов была скрыта самая мрачная, махровая белогвардейщина.

Лицо закаспийского правительства обнаружилось очень быстро. Из-за широкой спины главы этого правительства правого эс-эра Л. А. Зимина очень откровенно выглядывало лицо белого хама, ждавшего только подмоги и подкрепления со стороны ставленника английского империализма, не безызвестного генерала Джунковского.

Но и вне правительства картина общественных группировок была чрезвычайно пестра. Нечего и говорить о том, что та группа обманутых рабочих, которая содействовала белому перевороту и началу гражданской войны в Закаспии, окончательно отшатнулась от этой авантюры.

Масса рабочих фактически ушла в подполье и, организуя большевистские кружки, горько раскаивалась в том, что проявила пассивность, в решающий момент не выступив с оружием в руках против воинствующей контр-революции. Право-эс-эровские меньшевистские группы, либеральствовавшая буржуазия и монархистские элементы, слившиеся в начале в согласованные ряды, в заключительный период ярко почувствовали свою разобщенность. На правом крыле всех группировок стояла военная клика, мечтавшая о полной реставрации и о слиянии с Деникинским фронтом. Уже из одного беглого обзора, так называемых, общественных группировок, слитых в разноголосый концерт, видно было, что дело безнадежно потеряно.

Это побуждало отдельных идеологов „единого антибольшевистского фронта" изыскивать всевозможные меры выхода из положения. Так был создан „комитет единения", в который вошли представители всех группировок, за исключением крайнего правого крыла сторонников военной диктатуры.

Создание этой доморощенной, с позволения сказать, партии имело еще и другую сторону. Борьба между „социалистами", пытавшимися сохранить чистоту своих принципов в махровой белогвардейской обстановке, обострилась до крайности. Присутствие англичан создавало некоторую видимость внутреннего равновесия, ибо сыновья хитрого и холодного Альбиона, являвшиеся фактическими хозяевами положения, умело выигрывали, и с одной и с другой стороны, являясь средостением между ними. Уход англичан выдвинул на первый план вопрос о преобладании. „Комитет общественного спасения" считал образованный фронт своей заслугой и опорой и не хотел сдавать позиции. Но сторонники военной реставрации, имея в виду свою связь с военными контр-революционными силами всего юга России, твердо знали, что ближайшее будущее принадлежит только им.

На фронте было неблагополучно. Красные войска маневрировали, готовясь к решительному удару. И „комитет общественного спасения", фатально обреченный, вынужден был идти навстречу своей гибели.

Нарушение позиционного равновесия у ст. Равнина ускорило естественное течение событий. Далее с калейдоскопической быстротой следовали поражения у Каахка и Байрам-Али, взятие Мерва и т. д. Внутренние разногласия были забыты. Белогвардейская монархическая клика ждала приезда генерала Савицкого и его добровольческих отрядов. Престиж „социалистического“ правительства был сведен к нулю. Белые офицеры, щеголяя своими новенькими погонами, открыто издевались над „социалистическими“ принципами своих недавних соратников. Исполнение национальных гимнов по требованиям прибывших представителей деникинской армии в кафе и садах стало обычным явлением. Разгулу белых завоевателей не было предела. На горизонтах ясно и отчетливо вырисовывались контуры белой диктатуры на час.

Наступили знаменитые июньские дни. Комитет общественного спасения, чувствуя свое полное бессилие, готовился складывать пожитки. Несмотря на то, что конец белой авантюры был в достаточной степени предрешен всеми предшествующими событиями, эвакуация все-же производилась с такой поспешностью, как, если-бы, о развале контр-революционного фронта стало известно только накануне. В этом сказалась близорукость вожаков закаспийского эпизода, обнаружившая бессилие хотя-бы организовать планомерное отступление. Да и отступать собственно некуда было. Путь от красной стены, надвигавшейся все ближе к Асхабаду с востока, лежал на Красноводск, а оттуда в Перовск, или Баку. И то и другое одинаково не по душе было членам правительства, дискредитировавшим себя в глазах трудящихся масс. В Баку, хотя и сидело „мусаватское“ правительство буржуазной ориентации, но последнее из национальных побуждений очень не расположено было ко всем тем группам русской общественности, которые так или иначе связаны были с добровольческим движением. В то-же время северный Кавказ, куда лежала дорога через Перовск-порт, был занят деникинскими войсками, а в ставке главнокомандующего вооруженными силами юга России было уже к тому времени не мало материалов, компрометтирующих отдельных членов комитета общественного спасения, с точки зрения „чистоты“ их добровольческих убеждений.

Пока путь на Красноводск был открыт. И по этой линии наименьшего сопротивления двинулись эшелоны людей, вытряхнутых событиями за борт истории. Асхабад остался во власти военной клики. Уже через час после от'езда комитета общественного спасения, ставленниками генерала Джунковского там был организован игрушечный „комитет обороны“, в обязанности которого входила не столько оборона, сколько расправа с оставшейся „социалистической крамолой“ и скрытыми большевиками.

Разрозненный комитет общественного спасения прибыл в Красноводск в распоряжение свирепого генерала Барсова. Не обнаружив способности красиво жить, закаспийские соглашатели нашли в себе, однако, мужество, чтобы сделать красивый жест перед смертью. Группой журналистов, вторгшихся в редакцию „Красноводской газеты“, был начат газетный обстрел комитета обороны, устроившегося в Асхабаде, а в его лице и всей идеи военной диктатуры. Газета тут-же была закрыта. Начались повальные аресты. Председатель комитета общественного спасения Л. А. Зимин вскоре попал в плавучую тюрьму, куда его заключили вместе с арестованными большевиками.

Так закончилась закаспийская авантюра. Еще несколько месяцев по пескам Закаспия шли красные герои, тесня к Красноводску разрозненные добровольческие отряды. Наконец, и Красноводск пал.

Белогвардейское движение в Закаспии прошло все положенные ему этапы, от первого предательского выстрела соглашательских партий в спину рабочего класса, через попрание „демократии“ добровольческим сапогом, к полной и окончательной победе рабочих и крестьян над соглашательско-помещичьей контр-революцией.

Председатель Реввоенсовета Закаспийского фронта
тов. Н. А. ПАСКУЦКИЙ.

Глава IX.

Боевые действия с момента возникновения закаспийск. фронта по день его ликвидации.*)

Отряды чарджуйских рабочих, постепенно отступая по мере приближения белых, наконец, остановились в 10—11 верстах от Чарджуя на довольно удачных позициях. Числу к 26 июля части противника, следуя за отступающими чарджуйцами, докатились в упор до того места, где остановились наши части, и, встретив упорное сопротивление наших, вынуждены были остановиться и готовиться к новому нападению на Чарджуй и Аму-Дарьинский мост. Ташкент успевает перебросить в Чарджуй небольшое количество красногвардейцев для подкрепления гарнизона и фронта.

26-го июля вечером в Чарджуе было созвано совещание всего комсостава фронта и местной власти, с участием комвойсками края Осипова (впоследствии предателя). Было постановлено отстоять Чарджуй во что-бы то ни стало. Из прений выяснилось, что, если сдать белым Чарджуй и мост, то нашим неминуемо придется отступить до самого Самарканда, ибо, с одной стороны, отсутствовали удобные позиции в этом районе, и, с другой стороны, существовала опасность со стороны анти-советских и анти-большевистских элементов, а в особенности эмира бухарского. Ночь с 26 на 27 проходит спокойно. Обе стороны готовятся к бою. Наши всю ночь были заняты расстановкой эшелонов на станции. С утра 27 начинается с обоих сторон перестрелка. Наши передовые части были расположены в 6 верстах от Чарджуя в сторону ст. Балханы и занимали линию арыков, которые представляли довольно сильную позицию, правда, мало обеспеченную с флангов, т. к. сильно пересеченная местность не позволяла работать нашей кавалерии. Часам к 12 дня перестрелка начинает усиливаться. Противник переходит по всей линии фронта в наступление. Наши остаются на местах и оружейным огнем останавливают наступление противника.

В рядах красноармейцев, дравшихся на передовой линии, несмотря на отсутствие воды и пищи в сильную жару, царило великолепное настроение. С утра 28 наши перешли в наступление. С раннего утра наша пехота двинулась, впереди же пехоты по середине—броневики. Противник открывает редкий огонь по наступающим цепям. Неприятель перешел в контр-атаку. Двигающиеся с обоих сторон части сталкиваются во встречном бою, который все больше и больше усиливается. Передовая разведка под командой т. Тамашкова врезалась в линию наступающих цепей противника, избивая его пулеметными и оружейным огнем. Пехота могла поэтому быстро двигаться вперед, вытесняя неприятеля и не позволяя ему укрепиться на одном месте. Около двух часов противник отступил и бой затих. Измученные до последнего, наши части залегли отдохнуть. Однако, скоро прошел тревожный слух, что противник обошел красный фронт и на-

*) Составлен по материалам газетных статей и штаба закасп. фронта. А. М.

ступает прямо на Чарджуй. Оказалось, что белогвардейцы действительно обошли наш правый фланг и, минуя красные передовые части, двинулись на Чарджуй, расчитывая занять город без особого сопротивления со стороны Чарджуя и этим самым поставить в безвыходное положение передовую линию. Но „этот номер не прошол". Части противника, обошедшие фронт, были на голову разбиты нашими частями, подошедшими к станции. Потеряв массу убитыми и ранеными, белые бежали на свои позиции.*) Между тем, передовая линия, зная об обходе правого фланга и движении противника на Чарджуй, перешла в дружное наступление, предоставив чарджуйцам разделаться самим с обходными частями неприятеля. Белые были разбиты и, потеряв 11 пулеметов и пленных, бежали, сдавая одну за другой станции ж. д. Это был исторический бой, от исхода этого боя зависила судьба молодого советского Туркестана. В этом бою мы потеряли лучших т. т. красных героев. Вот фамилии некоторых из них: т. Сахаров—комвзвод 2-й пулеметной роты ташкентского батальона, т. Ганнулин—той же роты, был убит 27, когда противник, укрываясь высокой травой, подполз вплотную и когда Ганнулин, заметив в траве фигуры противника, смело бросился на них и упал сраженный пулей, т. Гориев—красноармеец той же части, т. т. Маликов, Гамполь, Дьяченко и много др.

29 была захвачена ст. Барханы, где до начала боя были сгруппированы главные силы противника, и наступление продолжалось дальше. Противник отступал, оставляя в наших руках станцию за станцией в результате маленьких стычек с нашими частями, слегка коверкая ж.-д. линию. Таким образом были захвачены ст. Караул-Кую, Репетек и Пески.

Красный фронт в это время имел новые подкрепления в лице: казанскаго полка из 2.000 человек при 10 пулеметах и нескольких скорострелках и других частей ввиде отдельных мелких боевых отрядов.

Около станции Пески противник попытался остановить наше наступление. В стороне от дороги были поставлены два орудия. Как только наш броневик поровнялся с батареей, последняя открыла огонь. С первых же выстрелов был зажжен один из вагонов разведки Произошла маленькая суматоха. Однако, и здесь противник перешел в отступление, оставив в наших руках два орудия и несколько человек пленных, среди которых две сестры милосердия.

На ст. Уч-Аджи стало известно, что белые сосредоточивают свои силы под Байрам-Али. По рассказам т.т. байрам-алийцев и мервцев, которые были в наших рядах, установили, что байрам-алийские позиции являются чрезвычайно удобными для обороны. Ряд глубоких арыков, параллельно расположенных в расстоянии приблизительно от 700 до 1000 шагов, имел впереди открытое поле, по которому предстояло наступать нашим частям. К моменту наступления на Байрам-Али силы увеличились еще. Прибыл жлобинский полк, который, как количеством штыков, так и техникой, не уступал казанскому, а также кавалерийский отряд т. Ушакова в 500 сабель.

Наши выбили неприятеля из последнего укрепления перед Байрам-Али—Курбан-Кала и приступили к приготовлениям к наступле-

*) Описание боя московского, казанского полков и Липецкого отряда с белыми под Чарджуем в воспоминаниях т. Николая Опоченского сбор. „За Советский Туркестан", под ред. Гейлера, Ташк. 1923 г., стр. 31. Истпарт.

нию на Байрам-Али. Снабдили при больших трудностях паровозы передовой линии топливом и водой, снабдили армейцев и эшелоны разведки самым необходимым. Шли по обоим сторонам линии ж. д., чтобы сбить противника с занятых позиций. Для облегчения этой задачи, была выделена обходная колонна под командой т. Хрулева, которой предстояло ударить во фланг и в тыл неприятеля. В этом бою белые оказали особое упорство, настойчиво защищая свои удобные позиции. Дело доходило до рукопашной, напр., отряд коммунаров под командой т. Самцова, который успешно выбивал противника из позиций и уничтожал его ручными гранатами. Разбитый противник в панике бежал. Наши части к вечеру заняли Байрам-Али *).

В Байрам—Али нашим частям приходится втягивать на станцию безконечные эшелоны и заняться снабжением водой. По прибытии штаба, наши двинулись на Мерв. Расстояние до Мерва 20 верст. Местность сильно пересечена арыками, густо покрыта растительностью, главным образом, колючкой. Противник укрепился от Мерва в 5 верстах.

Наши эшелоны ночью 14 августа**) стали выезжать в сторону Мерва. К рассвету 15-го, высадившись у места, занятого противником, пехота вступила в бой. Этот бой по своему характеру походит на бой под Чарджуем. Противник так же, как и там, задумал сразу поглотить наши части, покончив одним ударом. Кавалерийская колонна белых в 1000 человек двинулась в обход, имея задачу взорвать ж.-д. мост позади наших эшелонов и не допустить помощи со стороны Байрам-Али. Этот план противника отчасти удался. Отряд пробрался незамеченным в наш тыл, занял господствующую высоту близ моста и уже принялся за поджог моста, когда несколько человек поджигателей были замечены нашей разведкой. Разведка из шести человек, под командой тов. Маркова, приблизившись на близкое расстояние, была встречена со стороны обходной колонны сильным ружейным огнем. Т. Марков, учтя серьезность положения, потребовал подкрепление, а сам, с 4-мя красноармейцами, вступил в неравный бой. На передовой линии в этот момент бой также кипел. Противник перешел в наступление, думая, что наш фронт с тыла окончательно отрезан обходными его частями. К счастью, ни там, ни здесь он не имел успеха. Мерв был взят.

В Мерве навстречу нашим вышла мирная делегация от жителей города, которая восторженно приветствовала появление красных войск. Здесь удалось поместить все эшелоны и штаб, а затем началась кропотливая и лихорадочная работа по подготовке дальнейшего наступления. Приказом РВС фронта сформировывается из мелких отрядов Попова, первой и второй роты ташкентского баталиона и пулеметной команды С. Тимашкова первый туркестанский стрелковый полк под командой т. С. Попова.

На Кушку, где засел отряд полковника Зыкова, были двинуты отряды т. Тимашкова, Самойленко, Барцева и баталиона вновь сформированного первого туркестанского полка. Командование экспедицией было возложено на т. Тимашкова. Отряд вышел 17 августа, и, не встречая сопротивления, через два дня прибыл в Кушку.

---

*) Описание боя под Байрам-Али см. Н. Опоченский, там же.

**) В хронике сб. «За советский Туркестан» Мерв взят 6 августа. Истпарт.

Отряд же полковника Зыкова, услышав о нашем продвижении, разбежался. Наши части, пробыв несколько дней в Кушке и убедившись, что последняя вне всякой опасности, по приказанию штаба фронта, возвратились обратно. По пути следования экспедиции туда и обратно местное население буквально забрасывало красноармейцев хлебом и др. продуктами, горячо приветствуя их появление. В это время жлобинский и казанский полки и некоторые другие части продвинулись вперед за отступающим неприятелем и заняли ст. Теджен и Душак, *) остановившись у сильно укрепленной крепости Каахка.

От ст. Арман-Сагат наши части дважды попытались перейти в наступление на крепость Каахка, и оба раза попытка кончалась для нас неудачей. Среди белых частей был сильный отряд сипаев, которые, как в первый, так и во второй раз отбили атаки наших отрядов. Во время первого наступления был смертельно ранен т. Розенберг, который являлся руководителем жлобинского полка с начала его формирования еще на Украине. Он участвовал со своим полком в сражениях с немцами и приехал вместе с полком на закаспийский фронт, он нашел себе героическую кончину, умер на славном посту с оружием в руках. Точно такую же потерю понес и казанский полк в лице комиссара полка т. А. Г. Гинсбурга, попавшего в плен к белым во время второй **) попытки овладеть крепостью.

Вот краткая биография т. Гинсбурга: „Тов. Гинсбург происходил из г. Вильно. Состоя членом казанского совета РК депутатов, он после февральской революции вел самую широкую агитацию против соглашательской политики Керенского, за предоставление всей власти советам. Он неутомимо работал на фабриках и заводах г. Казани. Во время октябрьской революции в г. Казани он был одним из первых политических руководителей. Позднее занял должность комиссара социального обеспечения г. Казани. С первым отрядом казанцев т. Гинсбург добровольно отправился на фронт. В отряде он занимал должность военного комиссара и всю свою энергию направлял на работу среди красноармейцев. Во всех боях был неизменно впереди, подавая пример самоотверженности и отваги. пользуясь среди красноармейцев вполне заслуженным авторитетом,

„При наступлении на ст. Каахка 29 августа 1918 г., увлекая за собой отряд, он первым добежал до неприятельских эшелонов и почти в упор был тяжело ранен и взят белогвардейцами в плен. Спасти его не удалось, т. к. противник, превосходящий нас силой в несколько раз, оттеснил наш отряд от станции. По полученным позднее сведениям, т. Гинсбург был расстрелян где-то в Персии. Одновременно с т. Гинсбургом попал в плен командир отряда коммунаров т. Самцов, судьба которого неизвестна.

По занятии ст. Каахка, уже в середине 19-го года, когда наши заняли ст. Каахка была переименована в „Гинсбург".

Первый туркестанский полк был переброшен на подкрепление и мы перешли третий раз в наступление на Каахка. Это наступление оказалось также неудачным.

---

*) Описание яростного контр-наступления белых на ст. Душак см. Н. Опоченский там же и здесь на стр. 9.

**) По воспоминаниям т. Опоченского, Гинсбург взят в плен в третье наступление, см. стр. 39.

Числа 12 или 13-го сентября на фронт прибыл командующий оренбургским фронтом т. Зиновьев. Ознакомившись с положением дел, он предпринимает четвертое наступление на Каахка и вступает в сильный бой. Бой продолжалея 12 часов, достигнув некоторых успехов, наши части вынуждены были все-таки отступить к своим старым позициям.

Причины наших неудач под Каахка и знаменитый душакский бой т. Ефимов описывает следующим образом: „причины наших неудач под Каахка заключались в следующем: 1) полное отсутствие обмундирования, главным образом, обуви, ввиду чего, несмотря на кажущееся большое количество войск, на самом деле полки, имея по тысяче штыков, выставляли для боя едва одну пятую часть и то полураздетых, полуразутых; 2) транспорт наш не имел возможности поднять необходимого количества воды и красноармейцы буквально падали от жажды, и это обстоятельство, конечно, сильно понижало боеспособность. Не было возможности снабдить достаточным количеством воды даже пулеметы и они молчали в самый нужный момент.

„Кроме перечисленного, необходимо отметить, что непривычные к туркестанской жаре наши части, совершив поход от Чарджуя до Душака и побывав в наступлении на Каахка 4 раза, окончательно измотались. Масса настойчиво требовала смены или хотя бы временной замены, но ни смены, ни замены ждать было неоткуда. С большим трудом Ташкенту удалось набрать отряд до 1000 человек и перебросить его на наш фронт под командой т. Колузаева (с прибытием последнего, высший комсостав, уступая настойчивому требованию масс, произвел смену этим отрядам). Отряд Колузаева сменил все части, находящиеся на передовой линии, получил подкрепление, если память не изменяет—московским отрядом под командой т. Зыкова (убитого в Чарджуе в начале 19-го года), челябинского под командой т. Перестова и чарджуйского. Смененные части были отведены в тыл и размещены гарнизонами в Мерве, Байрам-Али и Чарджуе. Резервом служил нижегородский отряд под командой т. Матвеенко (убитого во время наступления из Теджена на Азис-хана), ферганский под командой т. Сарминского и три эскадрона кавалерии. Резерв находился на ст. Душак. где поместился и вновь сформированный полевой штаб закаспийского фронта (кроме того, в Мерве имелся военно-политический штаб).

„В непродолжительном времени была сорганизована экспедиция для похода на Азис-хана, имевшего базу неподалеку от Теджена. Экспедиция под командой т. Попова, достигнув места расположения Азис-хана, отступила обратно в Теджен, не добившись успеха. В это время со стороны противника была замечена усиленная деятельность разведывательных партий, которые довольно в значительных массах появлялись к северу от Душака. При встрече с нашей кавалерией, не принимая боя, они обыкновенно спешно ретировались. Такое явление ясно указывало, что противник к чему то готовится. Это предположение еще более укреплялось тем, что наши передовые части были несколько оттеснены назад и ст. Арман-Сагат, находящаяся между Душаком и Каахка, бывшая ранее в наших руках, оказалась в нейтральной зоне.

„Однажды ночью был неожиданно взорван в двух местах путь ж. д., а именно между Тедженом и Такиром и Тедженом—Геок-Сюром. Немедленно были вызваны два полка: первый туркестанский и жлобинский, стоявшие в Байрам Али и Мерве, которые, дойдя до Такира, остановились и не могли продвинуться в Душак, т. к пути

ж. д. были забиты. Высланная кавалерийская разведка ничего подозрительного не заметила. На следующее утро после взрыва пути противник появился к северу от Душака и повел наступление на станцию густыми цепями, поддерживая наступающих артиллерийским огнем. Наступление было настолько неожиданным, что малочисленный душакский гарнизон не в состоянии был удержать наступление цепей противника. К тому же среди обороняющихся возникла паника после того, как стоящие на станции эшелоны загорелись от действия артиллерийского огня. Паника еще больше усилилась, когда одним из снарядов был взорван запас взрывчатых веществ, находившихся в вагоне. От действия этого взрыва взлетело в воздух несколько вагонов, в том числе и вагон полевого штаба.

„Душакский гарнизон, видя, что ему не справиться с превосходящими частями противника, отступил частью по направлению к передовым, частью к Такиру. Противник пошел в Душак всей массой пехоты, кавалерии, артиллерии и обоза. В это время подоспели вызванные по телеграфу два полка, стоящие в Такире. В момент, когда противник занимал Душак, наша пехота спешно выгружалась из вагонов. Врезавшись клином между передовой и этими двумя полками, противник оказался в ловушке, окруженный с обоих сторон. Результат такого положения не замедлил сказаться и белогвардейцы, вместе с сипаями и английским командованием, сжатые с обоих сторон, перешли в энергичное наступление, но были разбиты и бежали, теряя оружие, пулеметы, винтовки, патроны и военное снаряжение. Разгром противника был полный, бегство самое натуральное и только наступавшая темнота позволила ему спастись от окончательного разгрома, Душак был очищен.

„В эту же ночь после разгрома белогвардейщины было созвано совещание комсостава и на этом совещании решено... отступить. Неправда-ли, кажется странным: противник разбит, в панике бежит, а разбившие его части отступают. Несмотря на это, отступление наших частей от Душака имело веские причины. Первая из них та, что при эшелонном способе войны в первую очередь необходимо было иметь в непосредственной близости от передовой линии станционную базу, где можно было-бы снабжать эшелоны всем необходимым. Душак-же, после того, как там побывал противник, был совершенно разгромлен: станция разбита, водокачка испорчена, пути были загромождены обломками сгоревших вагонов. Одним словом, Душак более не существовал и для восстановления его потребовалась бы не одна неделя. А, между тем, необходимо было спешить, т. к. передовые эшелоны могли оказаться с потухшими паровозами, и кроме того, не было сведений из Теджена. Как там обстояло дело, не было известно“.

Когда на Душак наступали белые, поднялась суматоха среди частей гарнизона и жителей города Теджена. Части самостоятельно покинули Теджен. Только благодаря усердию некоторых т.т., удалось их уговорить остаться, расположившись за тедженским мостом. Все эшелоны, какие имелись на ст. Теджен, были вывезены на сторону Геок-Сьюра, а пехота рассыпалась в цепь по рытвине реки Теджен и прилегающим к ней арыкам.

Араз-Сардар, оперировавший в это время в районе Теджена, узнал, что наши части покинули Теджен. Пользуясь удобным моментом, он врывается в Теджен и всю ночь свирепствует в городе, избивая и грабя мирных жителей города. Выбить его из горящего го-

рода удалось только к утру отрядом коммунаров и присоединившимися к нему несколькими группами отступивших ночью из Теджена.

Через несколько часов после разгрома Араз-Сардара, в Теджен начинают прибывать первые эшелоны отступивших от Душака частей. Произведя кое-какую перегруппировку, части отодвигаются из Теджена к Мерву. Здесь ко всем неудачам прибавляются еще новые— отсутствие топлива. Создалось серьезное положение. Красноармейцы сильно волновались, митинговали. Дисциплина заметно пала. Такое положение невольно заставляло думать, что в Мерве нашим частям долго не остаться.

Противник. оправившись, переходит в постепенное наступление за нашими отступающими частями. Наша же передовая цепь останавливается на ст. Карабата.

Вокруг Мерва и реки Мургаба начинают постепенно развиваться и оперировать конные туркменские отряды, которые до того осмелели, что однажды появились на окраине Мерва. Положение создалось тяжелое. Наконец, в довершение всего жлобинский полк самовольно собрался и уехал на оренбургский фронт. Это обстоятельство заставило приступить к эвакуации всех гражданских учреждений Мерва. С передовой линии сообщалось о начавшемся приближении неприятеля. В самом Мерве стали ходить провокационные слухи о том, что якобы через Серахс на Мерв двигается десяти-тысячный отряд сипаев. Эти слухи усиливали панику, несмотря на свою очевидную нелепость.

Сложившаяся обстановка заставила наших после маленькой стычки у ст. Карабара, покинуть Мерв и отступить в сторону Чарджуя. Спустя несколько дней, наши части были на том же месте, откуда они начали свое успешное наступление. Была выбрана в трех верстах от ст. Равнина новая позиция, где и расположились наши передовые части.

В Чарджуе к нашему командованию является делегация эмира бухарского – в составе некоторых его министров. Делегация с тревогой спрашивала, что намеревается делать наше командование и думает ли оно драться на территории священной Бухары. Получив ответ, что мы дальше отступать не намерены и не будем, и что, в случае враждебного отношения со стороны эмира мы готовы бить его и белых, делегация возвращается обратно. Вначале все внимание было сосредоточено на приведении в надлежащий порядок частей армии, разрешается вопрос с топливом и т. д. Штабу фронта приходилось работать круглые сутки без усталости. Вместо мазута пустили в дело хлопковое масло.

Противник, пронюхав расположение наших частей, останавливается на ст. Анненково, свои передовые части располагает в 12 верстах от ст. Анненково в сторону Равнины и приступает к укреплению, готовясь к зимней кампании.

В первое время пребывания на позициях больших столкновений не было. так что наши части имели возможность заняться организационной работой.

Здесь заканчивается реорганизация частей—мелкие части были об'единены в крупные.

При подготовке нового наступления чрезвычайную заботу для наших представляло почти полное отсутствие обмундирования и боевого снаряжения. И первого и второго получалось до того мало, что абсолютно не удовлетворяло нужд армии, ставя ее этим самым в неимоверно тяжелые условия. Кто знает положение тогдашнего турке-

станского советского центра—Ташкента, тот должен согласиться, что ожидать от него припасов было нельзя.

Противник за это время раза два пытался перейти в наступление, но неудачно. В первый раз он потерпел маленькое поражение, а во второй ему удалось несколько потеснить наши части, занять станции Равнина и Уч-Аджи, но подоспевшими нашими резервами положение было восстановлено и противник отступил на старое свое место, оставив в наших руках одну из своих бронеразведок, разбитую нашим артиллерийским огнем. После этого боя в запасе штаба фронта находились лишь следующие припасы: снарядов скорострельных—1 (случайно найденный на дороге); снарядов трехдюймовки-клиновка 300; снарядов к шестидюймовке в достаточном количестве; патронов оставалось очень незначительное количество и то большинство берданочных. Вся надежда была на те лишь запасы, которые имелись в полках. Фронт из Ташкента получил некоторое количество трехлинейных патронов местной выделки, которые оказались непригодными, и ни одна из частей не соглашалась их взять.

Штабу фронта с неимоверными трудностями удалось набрать некоторое количество боевых запасов. 15-го января было решено перейти в наступление. Сильный туман не позволял установить связь между отдельными наступающими колоннами и привести в действие нашу артиллерию—и наступление окончилось для нас неудачей.

За несколько дней до январьских событий в Ташкенте на фронте был один курьезный случай. Его т. Ефимов описывает следующим образом:

„Однажды ночью был отправлен эшелон, кажется, черняевского полка на позицию, после его отправки спустя несколько часов, ко мне в вагон вошел дежурный член штаба т. Батагель и доложил, что с телеграфом в сторону передовой линии что-то неблагополучно. Отправившись на телеграф, я там застал т. Окунева, усиленно выстукивающего что-то на аппарате. Через несколько минут телеграф сообщил нам ошеломляющую новость: „Я, командующий войсками закаспийского временного правительства,—сообщаю вам, что ваши войска на позиции окружены и положили оружие. Продолжают драться пока еще только мадьяры. Эшелон черняевского полка застигнут на ст. Караул-Кую и обезоружен. Предлагаю войскам, находящимся в Чарджуе, сдаться немедленно, выслать в Караул-Кую делегацию для выработки условий сдачи“.... и тому подобное в этом же духе. Признаюсь, в первую минуту новость имела действие разорвавшейся бомбы. Тотчас было отдано распоряжение выслать поездную разведку с баталионом пехоты отряда Колузаева. Весь гарнизон Чарджуя был поднят на ноги. В Ташкент была послана срочная телеграмма о случившемся. Одним словом, приготовились к бою. Прошло несколько часов, в течение которых Караул-Кую самым подробным образом информировал нас о положении дела на передовой линии:—„уже и мадьяры перебиты и то, и другое, и пятое и десятое“. При этом безошибочно назывались фамилии комсостава и названия частей. И только к вечеру удалось установить связь с передовой и выяснить этот случай. Оказалось, что два человека из бывших офицеров, пробираясь на сторону белогвардейцев, примостились к черняевскому эшелону, отправившемуся на позиции. Дорогой они решили позабавиться. И для этой цели остались на ст. Караул-Кую, навели там панику, овладели телеграфом, раз'единили Чарджуй с передовой линией и преспокойно начали предлагать в ту и другую сторону условия сдачи. Увидя приближающиеся с той и

другой стороны эшелоны, они бросились бежать в пески и во время перестрелки с настигшими их красноармейцами один из них был убит, а другой был взят в плен и оттуда отправлен в Ташкент, где он впоследствии был выпущен восставшим Осиповым и скрылся неизвестно куда".

Как же отозвались на фронте январьские события. Т. Ефимов далее пишет: „Перейдем теперь к событиям, едва не приведшим к гибели всего закаспийского фронта—событиям в Ташкенте 27-го января н. с. 1919 г. При чем оговорюсь, что я буду писать только о происходившем на фронте:

„Ночью, с 26-го на 27-е, мне, как начальнику штаба, было доложено, что на передовую линию по адресу казанского полка передается странная депеша за подписью военного комиссара Осипова и, если не изменяет мне память, одного из представителей казанского полка Березина, в которой приказывалось казанцам во что-бы то ни стало, не слушая ничьих приказаний, немедленно отправиться в Ташкент. Телеграмма показалась мне настолько странной, что я приказал ее задержать и не передавать, боясь провокации. Немедленно сообщил об этом председателю военно-политического штаба т. Паскуцкому, который поспешил собрать членов штаба на совещание.

„Вслед за первой получается вторая телеграмма, где говорилось, что „восстание рабочих подавлено. В городе восстановлен порядок". С большим трудом удалось связаться с Ташкентом и выяснить более подробно, что там происходит. Весть о восстании в Ташкенте быстро разнеслась по частям и весь наш фронт едва-едва не полетел кувырком. Каждая в отдельности часть решила двинуться на Ташкент спасать положение. Каждая часть решила, что именно она, а не какая нибудь другая более всего подходит для этой цели. Первый туркестанский полк определенно заявил, что так как они туркестанцы, то их должны отправить в первую очередь в Ташкент, казанцы об'явили, что так как они не туркестанцы, то они лучше всех разберутся в событиях и вздуют кого нужно. Отряд Колузаева поступил еще лучше, тот просто, не пред'являя никаких доводов, повернул паровозы, да и уехал с фронта и тем самым едва не увлек за собой остальные полки. С большим трудом удалось успокоить встревоженные массы. Этому, конечно, помогло то, что ход событий в Ташкенте принял благоприятный исход. Долго еще волновались т.т. красноармейцы, беспокоясь о судьбе своих родных и оставленных хозяйствах. Время шло, забывались понемногу и события, благо своих было достаточно: то противник начинает наступать, то в депо застывают все паровозы и водоливные краны (мороз был до 20 градусов, как полагается, „сторожилы не помнили такой погоды"), или еще что нибудь в этом роде".

Открытие оренбургской пробки, сведения о котором доходят до закаспийского фронта в апреле месяце 19 года, имело также большое значение для фронта. Интернационалисты (красноармейцы—бывшие австро-германские пленные), среди которых было не мало разных темных личностей, потребовали немедленной их отправки на родину. Исполнить их просьбу было, конечно, невозможно, так как, во-первых, на фронте и так мало сил и, во-вторых, состояние транспорта не позволяло думать о каких-либо крупных перебросках. Дело с каждым днем стало принимать все более серьезный характер. В особенности разгорелись у этой массы страсти после убийства т. Надь, который уговаривал и останавливал т.т., убеждая их отка-

заться в такой тяжелый момент от принятого решения. Интернационалисты свое требование пред'являли сначала мирным путем, а затем к красноречивым доводам прибавились и винтовки. Все решившие уехать, вскоре собираются на ж.-д. ветке за Чарджуем, разбирают ж.-д. путь, располагаются в цепь, приняв вид готовых к бою. С нашей стороны также были выставлены части и начались переговоры. В этих переговорах принимали активное участие приехавшие из Ташкента к этому времени т.т. Казаков и Колузаев. Долгие переговоры привели к следующим результатам: рота первого туркестанского полка, состоящая исключительно из интернационалистов, перешла на нашу сторону, а остальные взбунтовавшиеся интернационалисты соглашаются сложить оружие с тем, чтобы их отправили на родину. С этим наше командование соглашается и вопрос разрешается благоприятно. Надо сказать, что некоторые более сознательные части интернационалистов с самого начала отказывались от этого требования и не принимали участия в восстании.

С отправкой на родину интернационалистов в самом командном органе производятся изменения. Ранее действовавший военно-политический штаб расформировывается и на его месте образовывается уже не выборный, а назначенный военно-революционный совет закаспийского фронта в составе: комфронта т. Иванова и членов совета т. т. Паскуцкого и Мжельского.

Новый состав реввоенсовета, при помощи вновь сформировавшегося штаба, деятельно продолжает работу по подготовке наступления. Приготовляется огромный транспорт (верблюдов и ишаков), продовольствия, фуража и т. п. и подготовительная работа к новому решительному наступлению заканчивается в первых числах мая 1919 года.

Противник, также к этому времени ослабевший в достаточной степени, решил перейти в генеральное наступление. 5-го мая он сделал попытку выбить наши части из Равнины. С раннего утра показались густые наступающие цепи противника, которые двигались по обоим сторонам полотна ж. д. Загорается ожесточенный бой по всей линии фронта. В нашем тылу раздались сильные взрывы, взорвали путь между Равниной и Уч-Аджи. Создалось неблагоприятное положение для нас. Некоторые из наших частей, не выдерживая сильной атаки неприятеля, отступили к станции, а последняя оказалась под сильным обстрелом. Ухудшению нашего положения способствовало и то, что на станции было сосредоточено большое количество эшелонов. Но этот успех был для неприятеля непродолжительным. Наш резерв его опрокинул и обратил в бегство. Неприятель оставил в наших руках несколько орудий, массу патронов, винтовок, часть транспорта, и вполне оборудованную полевую радиостанцию.

Числа 15-го мая наши части как следует подготавливаются и 16-го переходят в обход с правой стороны позиции противника. За ночь с 16-го на 17-е колоннами было сделано более 40 верст с небольшими остановками. Утром 17-го стали подходить к позициям неприятеля. Оказалось, что последний, узнав о нашем походе, бросил свои позиции и ст. Анненково и отступил к Байрам-Али. Наша кавалерия таким образом занимает без боя позиции неприятеля и ст. Анненково после маленькой перестрелки с остатками отступающего неприятеля.

Отступая, противник разобрал всю линию ж. д. от позиции до Анненково и далее. Так снова начинается вторичный поход по голым и безводным пескам и степям Закаспия.

Наши части после артиллерийского боя 18-го мая заняли ст. Курбан-Кала, противник выбрал довольно удачные позиции у Байрам-Али.

Продвинув по исправленному ж.-д. пути эшелоны ближе к передовой линии, 21-го мая наши перешли в наступление на Байрам-Али. Бой этот отличался особым упорством. С обоих сторон гремели несколько десятков орудий. Ружейная и пулеметная стрельба не умолкала ни на одну минуту. Во время боя одна из батарей несколько раз переходила из рук в руки и, наконец, осталась за нами. Неприятельский броневик врезался в наши наступающие части, но без толку. Часам к 4 дня, побитый со всех концов неприятель бросился бежать, оставив оружие, патроны, снаряды, до 600 человек пленных, обоз, кухню с готовым обедом и многое другое. Сдавая Байрам-Али, противник сжег байрам-алийский хлопковый завод и станцию. Завод мы отстояли, станция сгорела. Байрам-алийское население с радостью встретило наши части. Последние вели себя гораздо дисциплинированнее, чем в прежние времена. В последнее время среди красноармейцев велась большая работа по поднятию дисциплины. Приведем некоторые приказы революционного военного совета закаспийского фронта.

ПРИКАЗ № 64.

21-го мая 1919 г.

„С развитием военных операций и продвижением нашей армии вперед, РВС фронта призывает т. т. красноармейцев к населению занятых местностей относиться, как к нашим братьям, ни в коем случае не допускать грабежей и насилия, помня, что этим сохраняется честь красной армии и, помимо того, все грабители и мародеры будут караться самым беспощадным образом, включительно до расстрела без суда.

„Т. т., очищая местности, ныне занятые противником, мы освобождаем угнетенные народности от гнета капиталистов и поработителей борьбы за справедливость и это нас обязывает быть честными борцами, показать миру нашу доблесть и благородство.

„Реввоенсовет питает полную уверенность, что т. т. красноармейцы не запятнают свое красное знамя.

„Реввоенсовет закаспийского фронта.

ПРИКАЗ № 65.

21 мая 1919 г.

„Именем туркестанского советского правительства, РВС зак. фронта призывает население Закасп. области, как часть Туркестанской Советской Республики, временно отторгнутой от Советской власти, ныне-же победоносными красными войсками очищенной от поработителей пролетариата и беднейшего крестьянства, при вступлении советских войск сохранять полное спокойствие и не нарушать нормальной жизни, помня, что РВС фронта принимает все меры к недопущению грабежей и насилий, с чьей-бы то стороны ни было. Личность угнетенных масс и беднейшего населения, к какой-бы нации и религии она не принадлежала, будет оберегаться авторитетом Советской власти.

„Со всеми нарушителями настоящего приказа Советская власть будет беспощадна.

„Именем Туркестанского Советского Правительства Реввоенсовет Закаспийского фронта".

П Р И К А З № 73.

22-го мая 1919 г. ст. Байрам-Али.

„Красноармеец 5-й роты 1-го туркестанского стрелкового полка Фалфа Рузаев за изнасилование 15-ти летней девушки при занятии нашими войсками ст. Байрам-Али, приговаривается, на основании приказа Революционного Военного Совета Закаспийского фронта от 21-го сего мая за № 64, к смертной казни через расстреляние.

„Настоящий приговор привести в исполнение взводу 3-го батальона 1-го Туркполка.

„Подлинный подписали: Пред. Реввоенсовета, Политком Закасп. фронта Паскуцкий. Временный командующий фронтом Соколов, Военно-политический комиссар Мжельский, секретарь Шитов".

Белые сильно испортили железнодорожный путь между Байрам-Али и Мервом. Сожгли почти все ж.-д. мосты. 24 мая удалось без боя занять г. Мерв. Кушка также была занята и противник отступил в Теджен. Вступление в Мерв было вполне спокойным и в образцовом порядке. Жители города были удивлены. Белые пугали их мадьярами, китайцами, безбожными австрийцами и т. п. Наступление от Мерва до ст. Джу-Джу-Клу происходило без боя и очень медленно, по той причине, что неприятель, отступая, разобрал здесь почти всю линию. Дотянув кое-как до Джу-Джу-Клу, наши части оставили эшелоны, двинулись походным порядком, оставив исправление ж.-д. пути специальному батальону. Двумя колоннами по обоим сторонам ж. д. в течение двух суток они проходят более 50 верст. Правая колонна имела задачу захватить позиции противника. Она, двигаясь к северу от ж. д., в первый же день натолкнулась на арыки с водой и в дальнейшем продвижении нужды в воде не чувствовала. Левая колонна в течение двух суток не встречала ни капли воды, ведя в то же время перестрелку с конницей противника, и испытала такие тяжелые и адские мучения от жажды и жары, что многие т. т. красноармейцы сделались жертвами солнечного удара.

Теджен был занят нашими передовыми частями 6 июня. Противник оставил в наших руках один исправный броневик, представлявший из себя настоящую крепость (другой сгорел от наших снарядов).

Взорванный тедженский мост был восстановлен и приведен в исправный вид в течение 12 часов, благодаря героическим усилиям красноармейцев рабочего батальона. Удалось втянуть на станцию все эшелоны. Здесь нужно отметить колоссальную работу, которая выпала на долю рабочего поезда. Во главе его стоял, действительно, неутомимый товарищ Щеголев, которому пришлось при неимоверно тяжелых условиях и при отсутствии материалов заново восстановить путь от Равнины и до самого Красноводска.

После некоторого отдыха, и установив воздушной разведкой место-расположения противника, наши части перешли в наступление и заняли ст. Душак, а затем числа 21 июня вновь подошли вплотную к крепости Каахка, заняв свои прежние позиции. Многим из наших товарищей не верилось, что в этот раз удастся занять крепость. Прошлые четыре неудачи слишком ярко сохранились в памяти участников фронта.

Ознакомившись с подробным расположением частей противника, после тщательной конной и воздушной разведки, 2 июля вечером наши части двигаются в обход *) с левой стороны ж. д. Надо сказать, что все четыре прежние обхода делались с правой стороны. Противник и на этот раз ждал нападения отсюда же. 3 июля 1919 г., отрезав все находящиеся на станции силы и средства белых, наши части разбили противника на голову и вступили в Каахка **).

Захватили все, чем располагал противник на позиции. Обход был настолько удачный, что противнику захватить с собой не удалось ничего. В наши руки попала громадная добыча, сразу обеспечившая нас и патронами и снарядами, которых, кстати, у нас почти не было. Подробно перечесть захваченное в этом бою невозможно. Белогвардейцы, надеясь на крепость, сосредоточили в ней все свои запасы, за что мы были очень им благодарны. В этом бою был ранен командующий фронтом т. Соколов, от которого командование принял т. Тимашков, командир 1-го туркестанского полка.

Тов. Горбунов (красный летчик), 8 июля слетав в Асхабад, сообщил, что на всем протяжении от Каахка до Асхабада ж.-д. линия исковеркана и противник не обнаружен.

Асхабад был занят без всякого боя передовой кавалерией и пехотой. Асхабадские рабочие выслали делегацию и организованными колоннами вышли на улицы и вокзал города с приветствием встречать Красную армию. Перед вступлением Красной армии трое суток в городе производилась эвакуация населения, причем выехала почти вся антисоветская напуганная торговая масса.

Противник выбрал позиции у ст. Кодж. Наши части двигались при незначительных стычках с противником к Кизил-Арвату, постепенно исправляя линию ж. д. Мы обошли позиции у Кодж, но, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, вынуждены были отступить обратно. Второе наше наступление оказалось весьма удачным—разбитый противник, оставив в наших руках снаряжение и пленных, отступил к Кизил-Арвату. Занятие К и з и л - А р в а т а было легче, если не считать похода по высоким горам, через которые приходилось на руках таскать орудия нашим обходным колоннам. В Кизил-Арвате пришлось простоять довольно продолжительное время. Произведя кое-какие перегруппировки, получив необходимый запас продуктов, снаряжения и фуража, наши переходят в новое наступление на Казанджик. Вот оперативная сводка:

„Да здравствует Красная армия, разгромившая врага!

„Еще одна славная победа.

„Оперативная сводка на Закаспийском фронте.

„Вечером 2 декабря 1919 года полки Красной армии Закаспийского фронта со знаменами и оркестром музыки, в полнейшем походном порядке выступили с передовых линий близ Кизил-Арвата в глубокий обход неприятелю на ст. Казанджик, главную базу действующих сил противника. Четыре ночи продолжался поход форсированным маршем по голым степям, при очень холодной погоде, с резким леденящим ветром; но неимоверными усилиями красноармейцев все препятствия были преодолены и в ночь на 6 декабря мы заняли позицию у самого Казанджика. Приказом реввоенсовета фронта о на-

*) „Суворовский" переход через скалистые горы и самый бой под Каахка хорошо описан т. Н. Опоченским, там же, стр. 41. Испарт.

**) Дальше использованы воспоминания красн. летчика т. И. Е-ва, сборн. „За Сов. Турк.", стр. 42—44. А. М.

ступлении бой был назначен на 5 декабря, но, ввиду ужасной погоды и сильного тумана, армия потеряла направление и не могла достичь во время назначенной позиции. Подрывная команда исполнила свою задачу и на 5 декабря взорвала мост на перегоне Узун-Су—Казанджик, захватив пост в 18 чел. солдат, 5 человек офицеров с одним пулеметом. Этим мы обнаружили свое движение.

„К вечеру 5-го декабря противником были сделаны следующие приготовления. Силы, занимавшие ст. Искандер, были оттянуты на ст. Узун-Су и там высажены из эшелонов. Силы, бывшие на ст. Узун-Су были подвезены на 10-ю версту к Казанджику и также были высажены. Все эшелоны из под них были отосланы в Казанджик. На перегоне же Узун-Су—Казанджик были оставлены только три броневика. В Казанджике же стояла главная надежда белогвардейцев,—отдельный баталион в 900 штыков 5-го сибирского полка, составленный из старых солдат, недавно прибывших из Франции и германского плена. Этими силами предполагалось обойти и разбить нашу наступающую армию. Рано утром, 6-го декабря начался бой за обладание Казанджиком. Бой был упорный, но короткий. 5-й баталион сибиряков, настроенный в пользу Советской власти, перебил часть своих офицеров и весь перешел на нашу сторону. Броневик, штаба дивизии и два эшелона неприятеля, с самого утра стоявшие далеко за семафором, прорвались в сторону Красноводска.

„Казанджик был занят нами в 10 час. 15 мин. Захвачены следующие трофеи: 5 составов, 9 вполне исправных паровозов, два орудия, несколько пулеметов, один исправный аэроплан-истребитель, 500 штук разнокалиберных снарядов, более ста тысяч патронов, свыше 1000 винтовок, четыре с половиной тысячи пуд. нефти и много другой военной добычи.

„Вслед за убегающим противником в сторону Красноводска на одном из захваченных эшелонов было организовано преследование. Два полка и три броневика, находившиеся на перегоне Узун-Су-Казанджик, с занятием нашими Казанджика, оказались отрезанными. Около 11 часов начались бои с этими частями, желавшими во что бы то ни стало прорваться в сторону Красноводска. Бой вечером принял небывало жесточайший характер. Густой цепью противник, во главе с сильно пьяными офицерами, отчаянно двигался под жестоким пулеметным и орудийным огнем. Наши цепи сделали выдержку, подпустили противника на близкое расстояние и открыли ураганный пулеметный и орудийный огонь. Противник обратился в паническое бегство, оставляя груды убитых. В виду наступления темноты, неопределенности положения с красноводской группой противника, преследование бегущих не продолжалось.

„Достигнув броневиков, офицеры немедленно собрали остатки своих сил и спешно двинулись в горы, имея целью соединиться с красноводской группой, в случае же невозможности соединения, перебраться в Персию. Бежавшим противником были захвачены с собой все полевые орудия и пулеметы. У орудий на броневиках были сняты замки и также увезены с собой. Солдат, не желавших итти в горы, офицеры на месте убивали. После боя, к нам перешли 150 человек.

„С утра 7-го декабря наша кавалерия открыла преследование в горы. На пути были подобраны два замка от орудий, 7 полевых орудий и несколько пулеметов, много набитых патронами пулеметных лент и пр. Ж.-д. линия была исправлена и броневики противника „Партизан“, „Гроза“ и „Дозорный“ были привезены в Казан-

джик. На броневиках оставили 7 орудий, из коих два зенитных, одно дальнобойное 106 миллиметровые и 4 скорострельных разных систем, несколько сот снарядов, масса патронов, пулеметы, телеграфное и телефонное имущество и пр. Подсчет трофей точно не сделан.

„Ночью, 7-го декабря, произошло об'единение с нашими частями, стоявшими перед Искандером и действовавшими следующим образом. Согласно приказа, наша лобовая группа перешла в наступление от передовых линий и утром 6-го декабря до вечера 6-го теснила отрезанную группу противника на перегоне Казанджик; в течение своего наступления заняла ст. Искандер и Узун-Су.

„Преследование, как в сторону Красноводска, так и бежавших в горы никакого запаса продовольствия не имеют. При выходе полков из эшелонов, 5-го декабря было выдано каждому солдату только по два фунта хлеба. Операции продолжают развиваться успешно. № 103.

„Председатель реввоенсовета фронта Паскуцкий.

„Комвойск закаспийской группы Тимашков.

„За начальника штаба Филиппов.

„Честь и слава вам, славные герои пролетариата".

Первый опыт глубокого обхода дал, как мы видим, блестящий результат и наше командование решило двинуться дальше. Хорошо изучив местность и месторасположение неприятеля при помощи воздушной разведки, наши части двигаются на ст. Айдын с левой стороны ж. д. и, отрезав с тылу противника, разбивают его на голову и захватывают ст. Айдын, вместе с большим достоянием ввиде подвижных составов, броневиков и т. д.

Вслед за Айдыном были заняты ст. ст. Алла-Ишен, а затем и Джебел, после чего участь Красноводска была очевидна и занятие его оттягивалось только тем, что белогвардейцы, отступая, немилосердно уничтожали ж.-д. путь.

Двигаясь вперед, наши заняли ст. Кайлю, после чего было решено двинуться на Красноводск. В ночь с 5-го на 6-е февраля решение о занятии Красноводска было приведено в исполнение. Противник, на передовой линии терпя ряд неудач, еще до этого укреплял позиции под Красноводском. И командующий белыми частями генерал Казанович, будучи вполне уверенным в том, что Красноводск пасть не может, приостановил эвакуацию города. Но, несмотря ни на уверенность, ни на сильно укрепленные позиции его, Красноводск 6-го февраля был занят передовыми частями славной Красной армии. Белогвардейщина, оставив массу пассажирских составов, паровозов, технического имущества, медикаментов, обмундирования и т. д., обратилась в бегство.

Сначала возникновения и по день ликвидации закаспийского фронта Красная армия переживала неимоверно тяжелые условия: отсутствие топлива, продуктов, воды, фуража, обмундирования, рельсов и шпал для исправления поломанных неприятелем путей, снарядов и вообще др. военных припасов—вот что являлось причиной наших неудач на закаспийском фронте.

С занятием Красноводска Красная армия окончательно ликвидировала белые банды в Закаспии. Начинается самая упорная и кропотливая работа по укреплению завоеваний.

Жертвы закаспийского фронта.

Путь мировой революции тернистый и устлан кровавыми жертвами.

От российского пролетариата этих жертв потребовалось особенно много.

Много тысяч лучших сынов и руководителей пролетариата сложило свои головы на пути революционной борьбы за освобождение трудящихся от векового гнета насильников и поработителей.

Начиная от лесов Белоруссии, через горы Урала и до далеких манчжурских степей, от холодных пустынь Мурмана и до знойных песков Туркестана на всем протяжении СССР весь путь покрыт жертвами революции.

Трехлетняя кровавая борьба в степях Закаспия!..

Всех, кто здесь погиб, не перечесть, потому что их слишком много, да и не все они известны. Мы остановимся только на тех, которые во время ожесточенной борьбы шли впереди, вели за собой к победе трудящиеся массы и, умирая героями, оставили о себе великую память—свободную от всякой иностранной и внутренней контрреволюции область, где ныне царствует, растет, крепнет и цветет великая Советская власть.

Вот они:

Тов. Житников, Яков—рабочий шапочник. Старый революционер большевик. В Туркменскую обл. был сослан за политическую работу в центре России в 1906 г. Играл решающую роль в политических событиях до и во время революции. Последняя его должность—обл. продовольственн. комиссара. Расстрелян белыми в 7-ми верстах от Полторацка вместе с 9-ью асхабадск. комиссарами после переворота.

Тов. Телия, Виссарион—прибыл в Туркмению в 1902 г. Сначала служил рядовым солдатом в старой царской армии, а после демобилизации поступил слесарем,—затем поездным—на Средне-Аз. ж. д. Был председателем закаспийск. обл. совета народных комиссаров. Расстрелян вместе с 9-ью комиссарами.

Тов. Розанов, Николай,—бывший присяжный поверенный. Служил на Ср.-Аз. ж. д. юрист-консультом. Пользовался большим авторитетом в массе ж.-д. рабочих. Последняя его должность—обл. комиссара финансов. Расстрелян вместе с 9-ью комиссарами.

Тов. Дмитриев—обл. комиссар здравоохранения—по профессии фельдшер. До революции служил фельдшером на Ср.-Аз. ж. д. в Казанджике.

Тов. Батминов—по профессии печатник. Был председателем исполкома и совета. Расстрелян с 9-ью комиссарами.

Тов. Малибожко—обл. военн. комиссар. Происходил из крестьян. Во время войны был прапорщиком. После октябрьского переворота был избран председателем совета рабочих и крестьянских депутатов в Асхабаде. Расстрелян с 9-ью комиссарами.

Тов. Хренов—по профессии печатник, занимал должность пом. обл. военного комиссара. В Закаспии задержался проездом из Ташкента и, как дисциплинированный член партии, вынужден был остаться. Расстрелян вместе с 9-ью комиссарами.

Тов. Асанов, Василий—был членом состава асхабадского исполкома последнего (перед переворотом) созыва. После ареста военного комиссара Малибожко, во время первого восстания вступил в исполнение должности военного комиссара. До революции был рядовым солдатом 5-го сибирского полка. Во время второго восстания т. Асанов, убежав от белых, скрывается в подвале пивоваренного завода „Вейнер". Белогвардейцами был обнаружен по указанию одной женщины. Чтобы не попасть в руки палачей, т. Асанов выстрелом из револьвера покончил с собой. Он был членом старой большевистской гвардии.

Тов. Копылов—командовал асхабадской Красной армией. До этого был машинистом в депо ст. Асхабад.

Тов. Успенский—служил конторщиком сл. пути управлен. Ср.-Аз. ж. д., расстрелян белыми 4-го июля 1918-го г. в Асхабаде. До расстрела около 3-х недель томился в кандалах в 17-м полку. После расстрела был зверски изуродован белогвардейцами.

Тов. Шилкин—расстрелян 19-го июня 1918 г. в горах близ ст. Казанджик. Был слесарем депо Казанджик.

Тов. Строкин, Михаил—столяр 4-го уч. службы пути, расстрелян белыми.

Тов. Чеботарев—осмотрщик вагонов на ст. Душак.

Тов. Деянов—слесарь кизил-арватских главн. мастерских.

Тов. Фролов—техник 5-го уч. службы пути, расстрелян в июле 1919 г. под ст. Ягманом.

Тов. Пашернов—расстрелян белыми 5-го декабря 1919 г. в Красноводске, был постоянным машинистом депо Казанджик.

Тов. Храмов -был осмотрщиком вагонов на ст. Душак.

Тов. Гуцков—под Ягманом расстрелян в июле 1919 г., бывш. токарь кизил-арватских главн. мастерских.

Тов. Павелкин—ст. рабочий 2-го уч. службы пути.

Тов. Кирилюк—расстрелян 5-го дек. 1919 г. в Красноводске, по профессии слесарь 2-го уч. сл. пути.

Тов. Лыков—токарь депо Асхабад, погиб в Серахсе.

Тов. Дизер Александр—бывш. конторщик.

Выдающиеся из павших в боях.

Тов. Колчанов, Валентин—окончил туркестанск. школу военных инструкторов имени Ленина и командирован 5-й ротой туркестан. полка. В бою под Кодж был сильно ранен и взят неприятелем в плен. Умер во время тяжелой операции в лагере белых в Красноводске.

Тов. Бусругин, Георгий—окончил ту же инструкторскую школу и был назначен помощн. командира роты черняевского полка. Погиб в бою под Душаком во время дежурства с ротой на передовой линии при неожиданном ночном набеге неприятеля.

Тов. Комнатов, Владимир, уроженец Сыр-Дар. обл., погиб 16-го февраля 1920 г. при ст. Белек Зак. ж. д.

Тов. Шумипин, Максим—3-го мая 1919 г. пропал без вести при наступлении белых на ст. Равнина. Потратил много труда и сил для поднятия в армии дисциплины.

Тов. Ляпин, Иван—военком б. турк. ком. полка. С ташк. боев. друж. долго пробыл на оренбургск. фронте, а затем переброшен на закаспийск. фронт. Убит белогвардейской пулей под Красноводском. И многие другие, которых также история не забудет.

На трупах и крови павших на красных фронтах выросли сотни тысяч новых пролетарских сынов. Они создают новую жизнь, осуществляя те великие идеи, за которые сложили свои головы павшие герои.

Цена 2 руб.

33

1924 г.
Типография Государственного Политуправления
ТАШКЕНТ.